ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

KRASNYI ARKHIV

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

25

ТОМ ШЕСТОЙ (ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-й Образцовой типографии
ГИЗа. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-7486. П.12. Гиз . 25907.
Заказ 7. Тираж 2 000.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией.

Публикуемый доклад директора департамента государственного казначейства Г. Д. Дементьева «Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года», — был прочитан в особой комиссии при Совете Съездов представителей торговли и промышленности 19 июля 1917 г. [1]). Стоит отметить, что это выступление официального представителя министерства финансов, в точных цифрах изображавшее финансовый крах, который в сущности исключал для России всякую возможность продолжения войны, состоялось перед представителями торгово-промышленной буржуазии даже несколько раньше, чем такой же доклад и тем же лицом сделан был в подлежащем государственном органе: в Экономическом Совете при Временном Правительстве Г. Д. Дементьев докладывал неделю спустя, 26 числа. В обоих случаях и сам докладчик и его слушатели во время прений находились во власти «июльских» настроений и под гнетом необходимости ответить на вопрос о том, какие мероприятия при описанных в докладе условиях должны быть предприняты для того, чтобы продолжать войну, не углубляя дальше финансовой катастрофы. Не имея, что́ предложить в этом смысле, кроме, в конечном счете, воздыханий о бессилии Временного Правительства бороться с массовыми революционными отражениями хозяйственного краха, вызванного войной, участники обоих совещаний, — и сам докладчик в том числе, — склонны были рассматривать и самый крах исключительно сквозь призму текущей политической борьбы, как спутника революции. Фактическое же содержание доклада Дементьева представляет большой интерес.

Цифровой материал доклада, удобно расположенный и отжатый от нестрящих подробностей бухгалтерского масштаба, сообщает публикуемому документу все качества достоверного источника (разумеется не в бухгалтерском, а в историческом смысле).

[1]) Доклад Дементьева хранится в I Экономическом Отделе ЛЦИА вместе с экземпляром журнала «Совещания представителей промышленности и торговли, состоявшегося 25 июля 1917 г. в помещении Совета Съездов» [представителей промышленности и торговли], с подлинным расписочным листом присутствовавших на этом совещании и с отпуском письма председателя Совета Съездов Н. Н. Кутлера к м-ру фин. А. И. Шингареву от 14 июня, в котором Кутлер просил о разрешении Дементьеву «ознакомить Совет Съездов с современным финансовым положением России». Ответа Шингарева не сохранилось. В журнале Совещания 25 июля есть ссылка на то, что доклад Дементьева заслушан был 19 июля; 25 числа состоялись уже прения по докладу. Совещание было закрытое, при 26 участниках. Текст доклада, как и журнала, писан на машинке крайне небрежно. Мы не оговариваем дальше многочисленных опечаток, исправленных нами при настоящем издании. В одном месте восстановленный нами пропуск цифр оговорен в примечании. *Б. Р.*

Больше того, в значительной своей части доклад Дементьева является единственным официальным общим сводом данных об исполнении бюджетов военного времени. Обычным источником этого рода служат «Отчеты государственного контроля», но последний опубликованный отчет относится к исполнению бюджета 1914 г., и уже для 1915 г. имелся лишь предварительный проект отчета, составленный в свое время в немногих экземплярах; для 1916 же и для 1917 годов не было и попыток подвести какие-либо итоги в контрольном порядке. Доклад Дементьева равномерно охватывает все время войны почти что по день его зачтения в упомянутом заседании в Совете Съездов и в доброй половине своей является результатом проработки таких сведений, сосредоточивавшихся в министерстве финансов, источники которых в настоящее время не сохранились, а если бы и сохранились, то представили бы колоссальные трудности как при собирании, так и при их обработке.

Если роспись государственных доходов и расходов на 1917 год могла быть представлена Николаю II в октября 1916 г. в таком виде, что финансовое положение империи произвело на него впечатление «отрадной картины», то публикуемый теперь документ дает возможность конкретно уразуметь разрушительное действие, которое с самого начала неуклонно производила война на финансовую ткань страны год за годом [1]). Для историка в нашем документе интереснее, пожалуй, не та часть его, относящаяся к пяти революционным месяцам 1917 года, которая привлекала к себе внимание современников в июле, а та, которая показывает, какими путями и каким темпом шло это разрушительное действие и к какому результату привело оно в самый канун собственно политического краха империи в феврале 1917 года.

Не трудно понять, почему бюджетная техника военного времени делала кардинальное различение между бюджетами «мирным» и «военным»: такое различение исходило из мысли о предстоящих, по заключении мира, прибылях войны, которые должны были покрыть прежде всего военные расходы и отнюдь не предназначались на погашение всех вообще расходов на текущие нормальные нужды страны; а затем и самые расходы на ведение войны не поддавались предварительному расчету на целый год вперед в сколько-нибудь точных цифрах. Россия начинала войну, располагая свободной наличностью государственного казначейства в 500 миллионов руб. (в круглой цифре). При том, что за 5 слишним месяцев 1914 г. на ведение войны было израсходовано более 2.500 млн. руб., этой свободной наличности хватило бы всего на 1 месяц, — срок, в который даже самые отважные умы не мечтали дойти до Берлина. В дальнейшем должны были выступить на сцену такие кредитные операции, которые, как и военные расходы, не могли быть заранее определены ни количественно, ни в их форме. Однако, такое различение «мирного» и «военного» бюджетов при всякой попытке учесть действие войны на хозяйственное положение страны оказывается непригодным. Не говоря уже о многом другом, сами абсолютные цифры «мирного» бюджета, взятые вне их зависимости от цифр «военного», ровно ничего не выражают, кроме известных чисто бухгалтерских соотношений, оторванных от хозяйственной действительности. Публикуемый документ дает погодные сводки цифр обоих бюджетов и в значительной степени вскрывает природу и истинное значение этих цифр, не останавливаясь перед разоблачением «бухгалтерских эффектов».

---

[1]) См. опубликованный в XVII т. «Красного Архива» доклад Барка о росписи на 1917 год.

Переходя к этим «бухгалтерским эффектам», надобно иметь в виду, что вся бюджетная масса 1914—1917 гг., исчисляемая более чем в 60 миллиардов рублей, должна быть разделена — с точки зрения значения ее для характеристики финансового положения страны в о в р е м я в о й н ы — не на две части: «мирную» и «военную», а на три. В этой массе числилось до 7,5 миллиардов иностранных военных займов, расходовавшихся в подавляющей своей доле на оплату заграничных заказов и частью, оставаясь за границей же, обеспечивавших там курс нашего рубля. Эта сама по себе громадная цифра, худо ли, хорошо ли удовлетворявшая потребности войны, именно в о в р е м я в о й н ы не давила на русскую финансовую систему, и все отрицательное действие ее должно было сказаться только по окончании войны, когда собственно и встал бы вопрос о включении в послевоенный бюджет и статьи расходов по уплате процентов и статьи расходов по погашению заграничных займов 1914—1916 гг.; ведь до окончания войны никаких платежей по этим займам не производилось. За выключением этой, для военного времени нейтральной, части военного бюджета, прочая бюджетная масса, как указано, бухгалтерски разделялась на две части таким способом, который, открывая широкую возможность варьировать соответствующие «бухгалтерские эффекты», позволял достигать максимальной видимости благополучия каждой из этих двух частей в отдельности. Задача при этой операции состояла в том, чтобы «мирный» бюджет не только был бы сбалансирован бездефицитно, но дал бы превышение доходов над расходами, т.-е. так называемую «свободную наличность», которая и свидетельствовала бы о способности страны (т.-е. тыловой ее территории) принимать участие в расходах войны за счет текущих поступлений казны. Что касается бюджета «военного», то тут аналогичная задача заключалась в том, чтобы его расходы безостановочно и во-время покрывались при помощи кредитных операций на внутреннем рынке как в форме прямых займов, так и в форме выпусков «краткосрочных обязательств государственного казначейства», причем свободная наличность «мирного бюджета» играла в «военном» бюджете роль доходной статьи. То и другое бухгалтерски удавалось министерству финансов, причем до 1 января 1917 г. «мирный» бюджет мог выделить в пользу «военного» 1 283,9 миллионов свободной наличности и из них 1 027,7 миллионов дал один только 1916 год. Но удавалось это благодаря не только искусственному разъединению обоих бюджетов, но и, когда было надо, своеобразному соединению их. Два-три примера покажут, в чем тут было дело.

Таков, напр., «бухгалтерский эффект», имевший место при исполнении сметы 1914 г. Оказалось, что 1914 г. принес с собою уменьшение цифры расходов, сравнительно с 1913 г., на 167 млн. руб. Секрет такого удивительного для первого года войны обстоятельства заключался в том, что все решительно расходы военного ведомства на содержание войск и военно-административных управлений отнесены были при исполнении сметы на «военный фонд» и в исчисление действительных расходов военного министерства, предусмотренных росписью, не попали. Таков, напр., эпизод с громадным увеличением доходов по обыкновенному бюджету 1916 г. сравнительно с поступлениями 1915 г., увеличением на 1 146 миллионов руб.: но, по собственному признанию Дементьева, около 70 % этого увеличения объясняется обстоятельствами в о е н н о г о времени, и этот прирост доходов «мирного» бюджета в большей части оплачивался самою казной за счет «военного фонда». Наиболее яркий пример такого в и д и м о г о роста дохода в 1916 г. являли собою прибыли государственного банка (увеличение на 91 млн. руб.

против 1915 г.). Рост их всецело зависел от того, что выпускаемые государственным казначейством краткосрочные обязательства в значительной части не уходили в обращение, а оставались в портфеле государственного банка, и при истечении их срока банк производил переучет, взимая при этом проценты по ним на новый срок вперед посредством списывания соответственной суммы с текущего счета казначейства. Или, например, эпизод с сокращением в том же «отрадном» 1916 году расходов по эксплоатации железных дорог, по сравнению с 1915 г., на 26 млн. руб.: он объяснялся тем, что зато по «военному» бюджету ассигнование на эксплоатацию в 1916 г. повысилось против 1915 г. на 138 млн. руб., т.-е. в действительности произошло не уменьшение, а увеличение этого расхода в 1916 г. на 112 млн. руб.— Благодаря подобным приемам и мог получиться, напр., указанный выше «эффект» со свободной наличностью. Общая ее сумма за 1914—1917 годы исчислена была в росписях «мирного» бюджета в 2 199 млн. руб. Но из этих росписей исключены были расходы на содержание войск (мирного состава) по 500 млн. руб. в год, всего (с остатком 1914 г.) за четыре года 1 685 млн. руб., и расходы на уплату процентов по краткосрочным обязательствам, оставшимся за государственным банком, в сумме около 1 000 млн. руб., показывавшиеся, однако, доходом в «мирном» бюджете по государственному банку. Возвращение этих последних цифр на принадлежащие им места в «мирном» бюджете повлекло бы за собою то, что не только исчезла бы всякая свободная наличность, но и образовался бы в нем дефицит около 486 млн. рублей [1]).

Внимательное рассмотрение статьи доходов бюджета «военного» приводит к не менее любопытным наблюдениям. Если не считать мнимого воспособления из «свободной наличности», то главная масса этих доходов, расходовавшаяся на нужды войны внутри страны, извлечена была путем продажи облигаций шести внутренних займов (на сумму в 8 миллиардов руб.) и краткосрочных обязательств государственного казначейства (на сумму, в круглой цифре, 9 миллиардов) и составила, таким образом, к 1 января 1917 г. 17 миллиардов рублей. Но из них без малого 7 миллиардов рублей остались за государственным банком и представляют собою также не что иное, как «дефицит», но только дефицит совсем непоправимого свойства, непополнимый никаким займом и непереложимый своею тяжестью на следующие поколения. Эти 7 миллиардов, неуклонно и непрерывно нараставшие с первого дня войны, не могли быть оплачены и не оплачивались государственным банком за счет его оборотных средств, а добывались им за счет эксплоатации его эмиссионного права, которое, в свою очередь, расширялось правительственными распоряжениями совсем произвольно, сообразуясь только с потребностями и не соображаясь с возможностями [2]). К тому же потребности были настоятельны и неотклонимы в условиях войны, а возможности были понятием мнимым и ограничивались только выносливостью печатного станка. Сопоставление нескольких цифр уясняет движение этого «дефицита» в доходной части «военного» бюджета и показывает, что картина общего финансового состояния и будущего страны, освещаемая именно с этого пункта, становилась не только год от году «безотрадней», но и по-просту безнадежной е щ е к н а ч а л у 1917 г.

---

[1]) В чем и сознавался Дементьев 26 июля в заседании Экономического Совета.

[2]) 23/VII 1914 г. эмиссионное право было увеличено на 1 200 млн. руб., 17/III 1915 г. — на 1 000 млн. руб., 22/VIII 1915 г. — на 1 000 млн. руб., 29/VIII 1916 г. — на 2 000 млн. руб., 27/XII 1916 г. — на 1 000 млн. руб., 4/III 1917 г. — на 2 000 млн. руб., 15/V 1917 г. — на 2 000 млн. руб., 11/VII 1917 г. — на 2 000 млн. руб. Всего на 12 200 млн. рублей.

Годы	Движение золотого запаса в млн. руб.	Имелось и (выпущено) кредитных билетов в млн. руб. [1]	% золотого обеспечения кредитных билетов	Краткосрочные обязат., оставленные госуд. банком за собой [1]
К 1 июля 1914 г.	1 603	1 647	98	0
К 1 января 1915 г. . . .	1 560	2 781 (1 134)	53	657
К 1 января 1916 г. . . .	1 614	5 451 (2 670)	29	3 232 (2 575)
К 1 января 1917 г. . . .	1 471	8 938 (3 487)	16	6 867 (3 635)
К 1 марта 1917 г.	1 476	9 784 (846)	15	7 882 (1 015)
К 1 июля 1917 г.	—	12 839 (3 105)	—	10 393 (3 526)
К 23 июля 1917 г.	1 293	13 703 (814)	9,3	11 394 [2] (1 001)

Рассматривая приведенные цифры, можно заметить, что, сохраняя некоторое плавное движение до 1 марта 1917 г., на этой дате они испытывают толчок. Но отсюда не следует, что толчок этот целиком связан с крушением монархии в феврале. Такова, напр., цифра золотого запаса: против 1 560 на 1 января 1915 г. она уменьшилась к 23 июля 1917 г. до 1 293, т.-е. на 267 миллионов. Но секрет этого уменьшения золотого запаса лежит в том, что 200 млн. руб. золотом были высланы в Англию на основании соглашения 1 октября 1915 г. еще до августа 1916 г. А остальные 67 миллионов с избытком покрываются обязательством, принятым на себя Барком в июле 1916 г., о высылке в Англию еще 200 миллионов (в случае падения английского золотого запаса ниже 700 миллионов рублей) [3]. В силу уже одного этого дореволюционного обязательства 1 293 млн. руб., сохранившиеся в кладовых государственного банка на 23 июля 1917 г., оказывались под угрозой дальнейшего таяния до 1 160 млн. руб. Значит, процент обеспеченности массы кредитных билетов, скакнувший с 1 марта на 23 июля 1917 г. на 5,7% (т.-е. 15—9,3), был бы выше, если бы наш золотой запас не стал предметом соглашений еще царского правительства.

Переходя к цифрам роста кредитной массы, на первый взгляд замечаем скачок на целые 3 миллиарда в промежутке между 1 марта и 1 июля 1917 г., тогда как в 1916 году $3^1/_2$ миллиарда кредитных билетов прибавилось за целый год. Но несколько иное получится, если раздробить эти хронологические периоды на более мелкие сроки, а именно:

Выпущено кредитных билетов

В 1916 г.	Декабрь	714 млн. руб.
» 1917 »	Январь	343 » »
	Февраль [4]	510 » »

[1]) В скобках дается цифра действительно выпущенных за данный период кредитных билетов или краткосрочных обязательств. Вне скобок показана общая цифра наличности на данный срок.

[2]) Данные этой таблицы взяты частью из доклада Дементьева, частью из доклада управляющего гос. банком И. Н. Шипова 3 августа 1917 г. в Экономическом Совете при Временном Правительстве.

[3]) См. «Красный Архив», т. V, доклад Барка от 6 августа 1916 г., стр. 79—80.

[4]) Данные наших источников здесь несколько расходятся: для января-февраля 1917 г. Шипов дает 846 млн. руб., Дементьев 853 млн. руб.

Выпущено кредитных билетов		
В 1917 г. Март	1 031	млн. руб.
Апрель	476	» »
Май	729	» »
Июнь	869	» »
Июль по 23-е	861	» »

т.-е. средняя цифра эмиссии последних трех месяцев монархии (522,5 млн. руб. ежемесячно) скакнула к средней цифре первых четырех месяцев революции (776,2 млн. руб.) на 48%, между тем как, сравнивая с революционными месяцами 1916 год целиком, будем иметь скачок на 71%. Но процентное нарастание бумажной массы с самого начала войны шло по годам следующим образом: за полугодие 1914 г.—на 68%, за 1915 г.—на 96% и за 1916 г. — на 64%. Если допустить, что в условиях дореволюционного строя печатный станок продолжал бы работать в том же темпе, как в январе-феврале 1917 г., и дальше, что революции не случилось бы в феврале и что 133 оставшиеся к июлю невывезенными миллиона рублей были бы вывезены в Англию до 1 ноября 1917 г., то при царизме на 1 ноября 1917 г. мы имели бы золотой запас в 1 160 млн. руб. при кредитной массе в 13 168 млн. руб. и при процентном обеспечении кредитных билетов 8,8%, — картина несколько даже хуже. июльской [1]).

Нет нужды останавливаться здесь на катастрофических финансовых перспективах, раскрываемых печатаемым докладом на ближайшие к июлю 1917 г. месяцы. В этом отношении данные доклада едва ли требуют каких-либо пояснений.

Б. Романов.

Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года.

В последнем перед войною 1913 г. финансовое положение государства было весьма благоприятным. Обыкновенные доходы достигали высокой цифры, до какой они раньше никогда не доходили — 3 417,3 млн. руб.; к концу 1913 г. кредитных билетов находилось в обращении на 1 775 млн. рублей.

Исполнение государственной росписи доходов и расходов за 1913 г., как известно из отчета государственного контроля, выразилось в следующих цифрах:

	Доходы	Расходы
	в млн. руб.	
Обыкновенные	3 417,3	3 094,2
Чрезвычайные	13,8	288,7
	3 431,1	3 382,9
Остатки от заключенных смет прежних лет	21,4	
	3 452,5	

[1]) Цифру 13 168 млн. руб. получаем, исходя из расчета, что двухмесячный порцион кредитного выпуска был бы неизменен: 846 млн. руб., как в январе-феврале 1917 г. На самом деле он рос бы в свою очередь, ка к росли выпуски непзменно с 1 июля 1914 года.

Поступления превысили расходы на 69,6 млн. рублей.

Этот избыток доходов пополнил собою свободную от каких-либо обязательств наличность государственного казначейства, размер которой достиг небывалой еще цифры 514,2 млн. руб. Этот свободный денежный запас, накопившийся за несколько лет удачного исполнения росписей доходов и расходов, как сейчас увидим, пришелся очень кстати при начавшейся в 1914 г. войне с Германией и Австрией.

Для того, чтобы легче было ориентироваться в изменениях, последовавших в нашем бюджете за время войны, напомним, из каких главных элементов он слагался в 1913 г.

Обыкновенные поступления по главным группам государственных доходов дали:

	Млн. руб.		%
Потребление вина:			
казенная винная операция	899,3		
сборы с питей	53,7	953,0	27,9
Эксплоатация железнодорожных предприятий:			
казенных	813,6		
частных (прибыли от участия казны в доходах железнодорожных обществ и обязательн. платежи этих обществ в казну)	47,2		
сбор с пассажиров и грузов, перевозимых в пассажирских и товаро-пассажирских поездах	30,8	891,6	26,1
Косвенные налоги:			
таможенный	352,9		
прочие	355,2	708,1	20,7
Прямые налоги:			
промысловый	150,1		
прочие	122,4	272,5	8,0
Остальные доходы		592,1	17,3
		3 417,3	

Преобладающее значение в бюджете того времени имел доход от потребления вина, особенно от монопольной продажи вина казною.

Столь же крупною статьею, в качестве источника государственных доходов, является эксплоатация железнодорожных сообщений.

Обе эти статьи дали в 1913 г. 1 844,6 млн. руб., или 54% общего итога обыкновенных поступлений в 3 417,3 млн. рублей.

Обыкновенные расходы за 1913 г. характеризуются следующими цифрами:

	Млн. руб.	%
Морское и военное ведомства	825,9	26,7
Эксплоатация казенных жел. дор. . .	586,9	19,0
Платежи по займам	[424,4] [1])	[13,7] [1])
Расходы казенной винной операции .	235,0	7,6
Все остальные расходы	1 022,0	33,0
	3 094,2	100

В расходах первенствующее место заняли оба военных ведомства. В состав чрезвычайных расходов (288,7 млн. руб.) вошли: постройка казенных железных дорог и улучшение их — 133,3 млн. руб., хозяйственно-операционные расходы военного ведомства, медлительно двигавшегося по пути улучшения обороны — 127,3 млн. руб., постройка и улучшение коммерческих портов — 18 млн. руб. и другие более мелкие расходы.

1914 ГОД.

В первой половине 1914 г. поступление обыкновенных государственных доходов продолжалось в тех же условиях, в каких оно происходило в 1913 г., и с тем же успехом; во второй половине года в этом отношении произошла резкая перемена, о которой можно судить по следующим данным:

	1914 г.	1913 г.	Разница против 1913 г.
	в млн. руб.		
Первое полугодие	1 767,6	1 612,6	+ 155,0
Второе »	1 130,5	1 804,8	— 674,3
	2 898,1	3 417,4	— 519,3

Обычно во второй половине года поступало доходов больше, чем в первой; в 1914 г. вышло наоборот. По сравнению с 1913 г. в первом полугодии 1914 г. поступило больше на 155 млн. руб., во втором — меньше на 674,3 млн. руб., а в общем за весь 1914 г. доходы сократились на 519,3 млн. рублей.

Сокращение произошло преимущественно по следующим трем главнейшим видам поступлений:

	1914 г.	1913 г.	Сокращение в 1914 г.
	млн. руб.		
Казенная винная операция	503,9	899,3	395,4
Казенные железные дороги	733,3	813,6	80,3
Таможенный доход	303,9	352,9	49,0
			524,7

Сокращение коммерческого движения по железным дорогам и привоза товаров из-за границы вызвали естественное падение и соответственных поступлений государственных доходов. Уменьшение

[1]) В подлиннике цифры пропущены; восстановлены здесь по общей сумме. *Б. Р.*

поступлений от казенной монополии объясняется предпринятою с объявлением войны героическою для бюджета мерою — запрещением продажи казенного вина, перешедшим потом в полную отмену приготовления вина навсегда и в запрещение торговли даже виноградным вином и пивом.

На что не решались министры финансов до войны — отказаться от винной монополии как источника государственных доходов, то совершилось при самом начале величайшей в истории России войны. Но так как этот решительный шаг, на-ряду с влиянием войны на понижение доходов, пробил большую брешь в средствах казны, то предприняты были меры к возмещению казне утраченного источника дохода за счет других поступлений [1]) и к сокращению разрешенных уже по росписям 1914 г. и прежних лет расходов путем отсрочки или полной отмены некоторых назначений.

Действие повышенного изданными во второй половине 1914 г. законами обложения началось только в следующем 1915 г., а для 1914 г. мероприятия по этой части не имели заметного значения.

Чрезвычайных доходов, кроме выручки от займов, поступило в 1914 г. немного, всего лишь 8,3 млн. рублей.

Зато довольно крупная сумма зачислена в ресурсы казны из назначений по сметам прежних лет —54,4 млн. руб., частью составляющих обычные свободные остатки от сметных назначений, частью же обращенных в ресурсы казны с целью сокращения расходов в виду наступившей войны.

Обыкновенных расходов за счет росписи 1914 года исполнено 2 927,1 млн. руб., по сравнению с 1913 г. (3 094,2 млн. руб.) менее на 167,1 млн. руб., и небольшое уменьшение произошло в чрезвычайных расходах, не относящихся к войне, — 276,4 млн. руб. против 288,7 млн. руб. в 1913 г., т.-е. менее на 12,3 млн. рублей.

В отдельности по главнейшим видам назначений произошли следующие перемены в расходах:

	1914 г.	1913 г.	Разница против 1913 г.
	в млн. руб.		
Военное и морское ведомства	641,5	825,9	— 184,4
Эксплоатация казенных железн. дорог .	652,8	586,9	+ 65,9
Платежи по займам	365,8	424,4	— 58,6
Казенная винная операция	208,4	235,0	— 26,6
Все остальные расходы в общем выводе	1 058,6	1 022,0	+ 36,6
	2 927,1	3 094,2	— 167,1

Из этих изменений самое крупное принадлежит обоим военным ведомствам, обыкновенные расходы которых, судя по отчету государ-

[1]) Повышены ставки промыслового налога, акцизов с табака, с папиросной бумаги и гильз, с нефтяных продуктов и со спичек, почтовых и телеграфных сборов, установлены налог на телефон и временный налог на перевозку пассажиров, багажа и грузов и особо на хлопок. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.)*

ственного контроля, уменьшились в 1914 г. на 184,4 млн. руб. Однако, это сокращение расходов на самом деле не имеет реального значения. Это только бухгалтерский эффект, являющийся последствием исполнения особых, утвержденных в августе 1914 г., правил о порядке испрошения, разрешения и ассигнования военному министерству средств на расходы, вызываемые военными обстоятельствами. На основании этих правил, распространенных на морское министерство и пограничную стражу, если война затягивается, то при составлении смет и росписи на предстоящий год расходы на содержание войск и военно-административных управлений и учреждений вносятся в обыкновенные сметы по численному составу их, принятому при составлении смет текущего года, т.-е. в сущности по составу мирного времени; при исполнении же смет кредиты на содержание войск и военно-административных управлений и учреждений закрываются по счету обыкновенных расходов, а предусматриваемые ими потребности удовлетворяются из особого чрезвычайного назначения, именуемого «военным фондом». Сделано это для удобства распоряжений и для объединения в одном общем счете всех расходов по содержанию войск и обслуживающих их учреждений в составе военного времени. С точки зрения удобств распорядителей кредитов возражать против такого порядка счетоводства не приходится, но так как современная война вступила уже в четвертый год, то с нашими бюджетами и исполнением их происходит довольно странная несогласованность. При составлении смет и росписей кредиты на содержание сухопутных войск, флота и пограничной стражи неизменно исчисляются в сметах на каждый предстоящий год по мирному составу в числе обыкновенных расходов, а при исполнении смет они исключаются из обыкновенных и показываются в чрезвычайных расходах вместе с расходами на содержание мобилизованных армий и флота. Между бюджетами и отчетами происходит тоже как бы своего рода война: бюджеты упорно стоят на своем, вмещая в себе, вот уже четвертый год, содержание войск и флота по мирному положению, а отчеты по исполнению смет столь же упорно не соглашаются с этим положением и показывают все расходы по содержанию войск и флота в числе чрезвычайных расходов, вызванных войною. В 1914 г. за часть года эта разница между сметами и отчетом выразилась в сумме 185,1 млн. руб., а в последующие годы она превышает 500 млн. руб. в каждом году. На эту сумму баланс по исполнению отдела обыкновенных доходов и расходов росписи представляется лучше, в сравнении с сметными исчислениями самой росписи.

В отчете государственного контроля за 1914 г. общий итог расходов, вызванных войною, показан в сумме 2 540 млн. руб., для покрытия которых государственное казначейство обладало свободною наличностью, составлявшею к началу года 514,2 млн. руб., и выручкою от реализации займов—1 595,3 млн. руб., в том числе от выручки 5% внутреннего займа 1914 г. —441,8 млн. руб., 4% билетов государ-

ственного казначейства —266,8 млн. руб. и 5% краткосрочных обязательств государственного казначейства —886,7 млн. рублей [1]).

Исполнение же всего бюджета за 1914 г. с присоединением расходов, вызванных войною, и выручки от реализованных займов, по отчетным сведениям государственного контроля, представляло следующую картину:

Доходов:		
Обыкновенных	2 898,1	млн. руб.
Чрезвычайных, кроме займов	8,3	» »
От реализации займов	1 595,3	» »
	4 501,7	млн. руб.
Остаток от смет прежних лет	54,4	» »
	4 556,1	млн. руб.
Расходов:		
Обыкновенных	2 927,1	млн. руб.
Чрезвычайных, кроме войны	276,4	» »
Вызванных войною	2 540,0	» »
	5 743,5	млн. руб.

Следовательно, по этому исчислению расходы в общем итоге превысили все поступления на 1 187,4 млн. руб.; за покрытием части этого дефицита, в сумме 514,2 млн. руб. свободной наличностью, все-таки осталось, по сведениям контрольного ведомства, непокрытых расходов 673,2 млн. рублей.

Не ограничиваясь этими выводами, государственный контроль при исчислении наличности государственного казначейства к началу 1915 г. показывает превышение расходов по счету кассовых оборотов, т.-е. сумм переходящих или таких, которые не должны бы относиться к сметным доходам и расходам. Превышение расходов над приходом по кассовым оборотам учитывается контролем в очень крупной сумме — 632,9 млн. руб., и таким образом весь дефицит в наличности к началу 1915 г. определяется в отчете контроля (673,2+632,9) в 1 306,1 млн. руб.

Однако, на этот раз указанные выводы отчета государственного контроля нельзя признать по существу правильными.

Не возражая против приходной части отчета, следует заметить, что в сумме 2 540 млн. руб. расходов войны значатся 884,6 млн. руб. [2]), которые к 1 января 1915 г. остались неизрасходованными и на основании утвержденного бывшим царем 13 января 1915 г. журнала Совета Министров должны быть исключены из назначений на 1914 г. и причис-

[1]) Из этой суммы 82 млн. руб. поступило от учета обязательств в Англии. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.)*

[2]) В предварительном проекте отчета государственного контроля за 1915 вся эта сумма показана перенесенной из назначений 1914 г. в счет кредитов 1915 г., в том числе 664 тыс. руб., подлежащие выдаче по кредиторским спискам за 1914 г. Эту сумму (664 тыс. руб.), пожалуй, правильнее было бы не переносить в расходы 1915 г. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

лены к ассигнованиям на следующий 1915 г. За исключением же этой суммы расходы, вызванные войной, за 1914 г. сокращаются до 1 655,4 млн. рублей.

Далее из превышения расхода над приходом по кассовым оборотам в 632,9 млн. руб. следует исключить 539,6 млн. руб., израсходованные из кассовой наличности на мобилизацию армии и флота и оставшиеся к 1 января 1915 г. непокрытыми из ассигнований за счет военного фонда. Отпуски денег из кассовой наличности на мобилизационные расходы допускаются действующими правилами по невозможности испрашивать обычным порядком кредиты на мобилизацию, совершающуюся с особою спешностью, но израсходованные на это суммы подлежат затем списанию в расход из военного фонда с восстановлением уменьшенного уже счета кассовой наличности, иначе одна и та же сумма была бы показана расходом два раза. Соблюдая этот порядок, государственному контролю следовало иметь в виду, при исчислении наличности к началу 1915 г., что непокрытые в 1914 г. мобилизационные расходы — 539,6 млн. руб. будут возвращены счету наличности, и не показывать их как бы безвозвратным расходом. И действительно, произведенные в 1914 г. мобилизационные расходы были в 1915 г. списаны в расход из военного фонда, в числе прочих расходов, вызванных войной, и зачислены на приход по кассовым оборотам для восстановления наличности.

За вычетом этих 539,6 млн. руб. из превышения в 632,9 млн. руб. расхода над приходом по кассовым оборотам 1914 г. остается еще 93,3 млн. руб., из которых 42,3 млн. руб. относятся к операции обмена одних ценностей на другие и для 1914 г. составляют действительное сокращение наличности; 3 млн. руб. выданы за представленные в кассы билеты государственного казначейства истекающих сроков и 49,3 млн. руб. выражают собою оставшийся к началу 1915 г. не выясненным результат поступлений и расходов по некоторым кассам местностей, занятых неприятелем. Главная причина, почему пришлось ограничиться включением в отчет за 1914 г. лишь общего сальдо по этим кассам, заключается в том, что во время составления государственным контролем отчета за 1914 г. в распоряжении контроля не было необходимой отчетности и оправдательных документов этих касс, эвакуированных при обстоятельствах, помешавших им вывезти книги и документы. С другой стороны, наличность увеличилась на 1,3 млн. руб., которые являются результатом различных оборотов переходящего свойства.

С указанными исправлениями, т.-е. с уменьшением расходов, вызванных войною, на 884,6 млн. руб. и по счету кассовых оборотов на 539,6 млн. руб., а всего на 1 424 млн. руб., оказывается, что вместо дефицита в наличности, вычисленного государственным контролем в 1 306,1 млн. руб., еще оставалось к 1 января 1915 г. в свободной наличности казны (1 424.2—1 306,1) 118,1 млн. руб.

1915 ГОД.

Отчет по исполнению смет и росписи доходов и расходов за 1914 г. был последним отчетом государственного контроля. Расстройство казначейств и казенных палат, а также контрольных учреждений, лишившихся массы служащих, призванных в армию, при сильно увеличившихся и осложнившихся за время войны оборотах, привели к запущенности счетоводства и к большому опозданию в составлении отчетности при участии малоопытных лиц, вместо изъятых из состава этих учреждений опытных служащих. К этому в текущем году, с начала революционного переворота, присоединилось неспокойное состояние служащих, занявшихся своими политическими интересами и правами и стремящихся к ограничению рабочего времени при заметном уменьшении работоспособности, понижение которой объясняется также утомлением тех служащих, которые слишком переобременены работою после ухода своих товарищей на фронт.

Правда, государственным контролем составлен в немногих экземплярах предварительный проект отчета за 1915 г., но в этом произведении много существенных недостатков, которые лишают его серьезного значения, да и государственный контроль не считает его отвечающим требованиям, которые предъявляются к отчетам этого ведомства.

По невозможности в дальнейшем изложении опираться на отчеты государственного контроля, сведения о поступлениях и расходах государственного казначейства за 1915—1917 гг. заимствованы и из отчетности, получаемой министерством финансов от подведомственных ему касс, — тоже неполной и несовершенной, не проверенной в контрольном порядке. Поэтому все приведенные дальше цифровые данные следует считать лишь приблизительными, подлежащими проверке и изменению. Но при исключительно крупных оборотах военного времени возможные поправки не могут значительно поколебать общих выводов, за исключением, быть может, 1917 г., до конца которого остается более пяти месяцев; за это время так много может произойти неожиданного, что предопределить вперед балансовое состояние счетов государственного казначейства к концу этого года можно только в виде гадательных предположений.

По сведениям министерства финансов, обыкновенных доходов казны поступило в 1915 г. 2 827,7 млн. руб. [1]) на 70,4 млн. руб. меньше, чем в 1914 г. (2 898,1 млн. рублей).

В отдельности по видам доходов произошли, однако, довольно значительные изменения, как можно усмотреть из следующей таблицы:

---

[1]) Государственный контроль считает несколько больше —2 830 млн. руб. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

	1915 г.	1914 г.	Разница против 1914 г.
	в млн. руб.		
Сборы с пассажиров и грузов	224,8	31,4	+ 193,4
Казенные жел. дор.	783,2	733,3	+ 49,9
Сахарный доход	186,1	139,5	+ 46,6
Промысловый налог	212,0	166,3	+ 45,7
Прямые налоги и подати	104,8	77,2	+ 27,6
Табачный доход	114,2	92,8	+ 21,4
Пошлины гербовые, судебные и др. . .	125,6	105,2	+ 20,4
Таможенный доход	283,4	303,9	— 20,5
Казенная винная операция	30,7	503,9	— 473,2
Все остальные доходы	762,9	744,6	+ 18,3
	2 827,7	2 898,1	— 70,4

По указанной уже выше причине, т.-е. за полным прекращением продажи казенного вина, доход от винной монополии уменьшился на 473,2 млн. руб., сойдя лишь на 30,7 млн. руб., тогда как два года назад, в 1913 г., он принес казне 899,3 млн. руб. Кроме того уменьшился на 20,5 млн. руб. таможенный доход. Целый ряд других доходов, преимущественно таких, ставки которых были увеличены в 1914 г., дал повышение, но это повышение, составившее в общем 423,8 млн. руб., не могло возместить сокращение поступлений от казенной винной операции даже за один только 1915 г. (473,2 млн. руб.), не говоря уже о последовавшем уменьшении их за два года: 1914 и 1915 (899,3—30,7—868,6 млн. руб.). Поэтому, несмотря на прирост доходов в 1915 г. от увеличения обложения, общий итог обыкновенных поступлений за этот год (2 827,7 млн. руб.) далеко не достиг итога поступлений в 1913 г. (3 417,3 млн. руб.), да и не мог сравняться с ними уже по той только причине, что некоторые западные губернии были заняты неприятелем.

Чрезвычайных поступлений, кроме займов, составилось 50,6 млн. руб., в том числе 48,9 млн. руб. от выпуска разменных марок.

Предположительная [1]) сумма остатков от заключенных сумм прежних лет определилась в 36,2 млн. рублей.

Заметно уменьшились, в исполнении, обыкновенные расходы, итог которых исчисляется министерством финансов, по собственным сведениям, требующим, как сказано выше, поверки и исправления, в 2 642,7 млн. руб., по сравнению с расходами 1914 года (2 927,1 млн. руб.) менее на 284,4 млн. руб.

Из следующей таблицы видно, в чем тут дело: [2])

Сократились расходы казенной винной операции за прекращением приготовления вина и расходы военных ведомств и пограничной стражи по объясненной выше причине, т.-е. за перечислением из обыкновенных в чрезвычайные по военному фонду расходов на содержание войск

[1]) По предварительному проекту отчета государственного контроля за 1915 год. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

[2]) См. таблицу на стр. 17. *(Прим. ред.)*

	1915 г.	1914 г.	Разница против 1914 г.
	в млн. руб.		
Обыкновенные расходы:			
Военное и морское ведомства	317,8	641,5	— 323,7
Пограничная стража	1,1	2,8	— 1,7
Казенная винная операция	77,4	208,4	— 131,0
Платежи по займам	516,6	365,8	+ 150,8
Все остальные расходы	1 729,8	1 708,6	+ 21,2
	2 642,7	2 927,1	— 284,4

и некоторых военных управлений и учреждений. В 1914 г. таких расходов перечислено 185,1 млн. руб., а в 1915 г. — 510,5 млн. руб., отчего обыкновенные расходы этих ведомств сократились в 1915 г. на 325,4 млн. рублей.

Платежи по займам увеличились на 150,8 млн. руб. в виду увеличения выпуска займов.

Чрезвычайных расходов, кроме войны, исполнено 193,9 млн. руб.

На удовлетворение расходов, вызванных войной, потребовалось 8 818,4 млн. руб.

Покрывались они в наибольшей своей части выручкою от реализации займов:

внутренних	2 878,6 млн. руб.
внешних	2 088,0 » »
и учетом краткосрочных обязательств	3 176,0 » »
	8 142,6 млн. руб.

Свод приведенных выше цифровых данных за 1915 г. приводит к следующим результатам исполнения бюджета за этот год:

Доходы:	
Обыкновенные	2 827,7 млн. руб.
Чрезвычайные, кроме займов	50,6 » »
От реализации займов	8 142,6 » »
	11 020,9 млн. руб.
Остатков от заключенных смет прежних лет	36,2 » »
	11 057,1 млн. руб.
Расходы:	
Обыкновенные	2 642,7 млн. руб.
Чрезвычайные, кроме войны	193,9 » »
Вызванные войною	8 818,4 » »
	11 655,0 млн. руб.
К этой сумме следует прибавить расходы (уплату процентов) при переучете краткосрочн. обязательств государств. казначейства сроков 1915 г.	48,1 » »
	11 703,1 млн. руб.

Относительно процентов по переучету краткосрочных обязательств государственного казначейства следует заметить, что операция эта совершается следующим образом: по наступлении срока обязательств государственный банк списывает с текущего счета департамента государственного казначейства нарицательную стоимость их для полного их погашения и вместе с тем ставит на текущий счет департамента как выручку от выпуска обязательств на новый срок за учетом процентов вперед. По соглашению министерства финансов с государственным контролем, эта операция проходит по отделу чрезвычайных доходов и расходов, и учет процентов по обязательствам выражается в виде разности между приходом и расходом (расход больше прихода). В сущности же учет процентов по обязательствам составляет не что иное, как уплату процентов по государственным займам, и расход этот правильнее было бы относить на смету по системе государственного кредита, по отделу обыкновенных расходов. К этому вопросу мы еще возвратимся.

В общем выводе, расходы, со включением учета процентов по краткосрочным обязательствам, превысили поступления в 1915 г., по предварительным данным министерства финансов, на 646 млн. руб., а за обращением на покрытие этой разницы 118,1 млн. руб. остатка свободной наличности к началу 1915 года образовался к началу 1916 года дефицит в наличности на сумму 527,9 млн. руб., не считая возможных изменений по счету кассовых оборотов, еще не выясненных за непоступлением, главным образом, отчетности об оборотах сумм государственного казначейства за границей.

1916 ГОД.

Из предыдущих объяснений нетрудно притти к заключению, что если ни министерство финансов, ни государственный контроль еще не обладают, в середине 1917 г., окончательными отчетными данными о расходах и доходах за 1915 г., то в еще более сыром, неполном виде имеются у них сведения об оборотах сумм государственного казначейства в 1916 г. Нижеследующие данные, как и за 1915 г., извлечены из отчетности касс, подведомственных министерству финансов.

Обращает на себя внимание исключительный рост обыкновенных доходов в 1916 г.; поступление их увеличилось по сравнению с 1915 г. на 1 146,8 млн. руб., или на 40%, — явление, не имевшее примеров даже в мирное время. Увеличение шло, за ничтожными исключениями, почти по всей линии доходов, но более существенные прибавки дали следующие, отдельно поименованные, поступления [1]).

Стоит повнимательнее рассмотреть эту табличку, чтобы убедиться, что, как это ни странно на первый взгляд, но ростом наиболее существенных доходов казна обязана затянувшейся войне. В самом деле

[1]) См. таблицу на стр. 19. *(Прим. ред.)*.

	1916 г.	1915 г.	Разница против 1915 г.
	в млн. руб.		
Промысловый налог	443,7	212,0	+ 231,7
Казенные железные дороги	964,7	783,2	+ 181,5
Таможенный доход	459,4	283,4	+ 176,0
Сбор с пассажиров и грузов	346,6	224,8	+ 121,8
Прибыли госбанка	121,4	30,1	+ 91,3
Табачный доход	169,4	114,2	+ 55,4
Пошлины гербовые, судебные и др.	162,0	125,6	+ 36,4
С переходящих имуществ	63,7	32,0	+ 31,7
Почтовый доход	108,6	86,9	+ 21,7
Нефтяной	80,4	61,2	+ 19,2
Телеграфный и телефонный доходы	78,5	62,0	+ 16,5
Сахарный доход	202,4	186,1	+ 16,3
Налоги прямые и подати	115,9	104,8	+ 11,1
Все остальные доходы	657,6	521,4	+ 136,2
	3 974,5	2 827,7	1 146,8

множество промышленных предприятий работает теперь для потребности наших армий, и при щедрости ведомств, предоставляющих им заказы, частные предприятия получили высокие прибыли. Доходы железных дорог поднялись тоже, главным образом, за счет казенных перевозок людей и грузов, преобладающих над частными перевозками. Одинаково это относится и к сбору с пассажиров и грузов. Небывалая в мирное время высота и стремительность роста таможенного дохода объясняется громадным привозом из союзных и нейтральных стран изделий и сырья, необходимых для снабжения наших армий или заводов и фабрик, работающих на армию. Прибыли государственного банка никогда в мирное время не были так высоки, как во время настоящей войны, но если вспомнить, что в состав прибылей банка входят и проценты по переучету им до наступления сроков краткосрочных обязательств, оставшихся в портфеле банка, то очень понятно, что прирост этих прибылей, особенно поражающий своею величиною в последующие годы, когда прибыли банка достигают сотен миллионов рублей, является прямым последствием выпуска казною краткосрочных обязательств для покрытия военных расходов. На долю поименованных доходов приходится большая часть общего повышения поступлений — 802 млн. руб. из числа 1 146,8 млн. руб., или 70%. Несомненно, что повышающее влияние войны на поступления можно было бы найти и в отношении многих других доходов казны.

Указанное обстоятельство не может не обратить на себя внимания и не вызывать некоторых опасений за будущее наших доходов, когда война окончится, а вместе с тем прекратится и ее влияние на заработок промышленных предприятий, на привоз товаров из-за границы, на интенсивность железнодорожных сообщений и т. д.

Кроме того, исключительно высоким приростом государственных доходов в военное время нельзя восторгаться уже потому, что прирост

этот оплачивается, в большей части, самой казною за счет чрезвычайных ассигнований на удовлетворение потребностей, созданных войною.

Возвращаясь к исполнению бюджета за 1916 г., необходимо отметить также значительное поступление чрезвычайных доходов, не принадлежащих к выручке по займам. Чрезвычайных доходов поступило в 1916 г. 175 млн. руб., в том числе 115 млн. руб. от выпуска разменных марок, 58 млн. руб. от перечисления в казну части слишком уточнившихся за время войны экономических войсковых капиталов, некоторых специальных капиталов и других.

Учесть вероятные остатки от заключенных смет прежних лет министерство финансов не может; предполагается не менее 30 млн. руб.

Увеличение обыкновенных расходов, насколько установление цифры их доступно министерству финансов, было довольно скромным по сравнению с ростом доходов, — всего лишь на 279,1 млн. руб. (2 291,8 млн. руб. против 2 642,7 млн. руб., израсходованных в 1915 г.).

Увеличились расходы многих ведомств, но главное повышение их падает на платежи по займам — 173,4 млн. руб. К удивлению, данные министерства финансов показывают уменьшение на 26 млн. руб. обыкновенных расходов по эксплоатации казенных железных дорог при повышении дохода от них, как сказано выше, на 181,5 млн. руб. Однако это обстоятельство нельзя приписать блестящему состоянию казенного железнодорожного хозяйства. Суть в том, что за время войны утратилось строгое различие обыкновенных расходов от чрезвычайных, и очень многие сверхсметные назначения на потребности обыкновенные относились и относятся на чрезвычайный военный фонд, как расходы, вызываемые военным временем. Так происходит и с сверхсметными кредитами на эксплоатацию казенных железных дорог: отпускаются они то как обыкновенные, то как чрезвычайные из военного фонда; напр., на покрытие перерасходов по эксплоатации казенных линий отпущено за счет военного фонда в 1915 году 55 млн. руб., а в 1916 г. — 193 млн. руб., более на 138 млн. руб. Если эти ассигнования присоединить к обыкновенным ассигнованиям на эксплоатацию железных дорог, то указанное уменьшение расходов на этот предмет на 26 млн. руб. превратится в увеличение их (138—26) на 112 млн. руб.

Не останавливаясь на чрезвычайных расходах за 1916 г., кроме вызванных войною, так как большого интереса по сумме (230 млн. руб.) они не представляют, следует указать на дальнейшее и притом большое возрастание расходов военных — 14 572,8 млн. руб., против 8 818,4 млн. руб., израсходованных в 1915 году.

Совершенные на 1916 г. для покрытия этих расходов кредитные операции принесли государственному казначейству:

Внутренние займы	4 173,9	млн. руб.
Внешние »	3 664,8	» »
Учет краткосрочн. обязательств . . .	5 610,6	» »
	13 449,3	млн. руб.

В общем же, балансовое выполнение бюджета за 1916 г. вместе с военными расходами представляется в следующем виде:

Доходы:		
Обыкновенные	3 974,5	млн. руб.
Чрезвычайные, кроме займов	175,0	» »
От выпуска займов	13 449,3	» »
	17 598,9	млн. руб.
Остаток от законченных смет прежних лет	30,0	» »
	17 628,8	млн. руб.
Расходы:		
Обыкновенные	2 921,8	млн. руб.
Чрезвычайные, кроме войны	230,0	» »
Вызванные войною	14 572,8	» »
	17 724,6	млн. руб.
к которым надо прибавить проценты от переучета краткосрочных обязательств	376,0	» »
	18 100,6	млн. руб.

Следовательно в исполнении бюджета за 1916 г. образовался дефицит в наличности в 471,8 млн. руб., не считая изменений по кассовым оборотам, а вместе с дефицитом за 1915 г. в 527,9 млн. руб. осталось к 1 января 1917 г. непокрытых соответствующими источниками чрезвычайных военных расходов на 999,7 млн. рублей.

В приведенном сводном подсчете обращает на себя внимание превышение обыкновенных доходов (3 974,5 млн. руб.) над обыкновенными расходами (2 921,8 млн. руб.) на 1 052,7 млн. руб. Эта разница отнюдь не открывает каких-либо благоприятных перспектив на будущее время. Помимо приведенных выше объяснений о приросте доходов в зависимости от военного времени, при оценке разницы в 1 052,7 млн. руб., надо иметь в виду, что сумма обыкновенных расходов в исполнении их уменьшена на 504,2 млн. руб. расходов на содержание войск, флота и пограничной стражи, перенесенных в отдел чрезвычайных расходов по военному фонду, и что проценты по переучету краткосрочных обязательств относятся в отдел чрезвычайных расходов, вместо обыкновенных, едва ли правильно. Большая часть их списывается по обязательствам, не выпущенным в народное обращение, а оставшимся в государственном банке, который зачисляет их в свои прибыли, перечисляемые в следующем году в обыкновенные доходы казны. Таким образом эта доходная статья казны является для нее оборотной, но проходит расходом чрезвычайным, а доходом обыкновенным, что в результате ведет к преувеличению обыкновенных доходов за счет чрезвычайных расходов. Наконец, в числе чрезвычайных ассигнований по военному фонду, как увидим дальше, находится много таких назначений, которые с наступлением мирного времени должны будут перейти в отдел обыкновенных расходов.

1917 ГОД.

В высшей степени трудно сделать сколько-нибудь определенные, хотя бы относительно близкие к действительности выводы о доходах и расходах государства за текущий 1917 г. Министерство финансов имеет только в общих итогах предварительные отчетные сведения о поступлении доходов за первые пять месяцев этого года, да некоторые сведения о выполнении чрезвычайных военных расходов. Этим исчерпывается отчетный материал.

За самое последнее время, согласно постановления Временного Правительства, доставляются в министерство финансов от всех ведомств подсчеты доходов, какие могут поступить в текущем году по соображению ведомств, и подсчет всех расходов, какие потребуются ведомствами до конца года. Эти подсчеты еще не от всех ведомств получены, но как сметный материал они могут быть использованы. По мере получе ния сведений ведомств первоначальные исчисления министерства ф инансов по расходам все больше и больше приходится увеличивать, в доходах же, наоборот, по некоторым статьям предвидится сокращение против сметных ожиданий.

За первые пять месяцев 1917 г. поступило обыкновенных доходов 1 655 млн. руб., более чем за тот [же] период времени 1916 г. (1 396,5 млн. руб.) на 258,5 млн. руб., большая часть которых приходится на увеличение поступлений промысловых налогов.

В остальные семь месяцев 1916 г. поступило обыкновенных доходов 2 577,9 млн. руб. Если бы та же сумма поступила в июле — декабре в 1917 г., то итог доходов за этот год определился бы в 4 232,9 млн. руб. К этой сумме надо прибавить 500 млн. руб. подоходного налога, 80 млн. руб. единовременного сбора, до 105 млн. руб. увеличения прибылей государственного банка, около 500 млн. руб. увеличения эксплоатационных доходов казенных железных дорог от повышения перевозочных тарифов, 120 млн. руб. табачного дохода, около 90 млн. руб. почтового и телеграфного доходов и некоторых других. С другой стороны, по некоторым доходам ожидается, по обстоятельствам времени, сокращение поступлений, определяемое приблизительно в 200—250 млн. руб. Принимая во внимание все эти изменения, можно, повидимому, было бы ожидать поступление обыкновенных доходов в 1917 г. приблизительно в сумме 5 400 млн. руб., более против 1916 г. (3 974,5 млн. руб.) на 1 426 млн. рублей.

Такое поступление было бы возможно при условии, если границы России не будут нарушены новым нашествием неприятеля. В случае же занятия неприятелем части территории России, особенно в богатой юго-западной полосе, все эти расчеты утратят свое значение. Затем в 1917 г. предвидится перечисление в казну до 260 млн. руб. капиталов кабинета бывш. императора и удельных и до 20 млн. руб. из экономических войсковых капиталов. Эти суммы вместе с некоторыми другими,

всего в общей сложности 286 млн. руб., будут записаны в чрезвычайные доходы казны.

Остатков от заключенных смет прежних лет можно предвидеть, как и в 1916 г., до 30 млн. рублей.

Затруднения при исчислении расходов заключаются в крайней трудности распределения их между отделами обыкновенных и чрезвычайных назначений, в виду того, что, как уже упоминалось выше, многие по существу обыкновенные расходы относятся на военный фонд, как расходы, вызванные войною. Впрочем, для общего вывода строгое распределение ассигнований между обыкновенными и чрезвычайными отделами росписи и не имеет значения.

По не полным пока сведениям, гражданскими ведомствами заявлено расходов за весь 1917 г. обыкновенных и чрезвычайных всего на 11 100 млн. руб. С присоединением к этой сумме расходов военного и морского ведомств до конца года около 17 000—17 500 млн. руб. и процентов при переучете краткосрочных обязательств сроком 1917 г., выпущенных в России и за границей, до 800 млн. руб., составляется всего в общем итоге за округлением до 29,2 миллиардов рублей, из которых к обыкновенным, по приблизительному подсчету, может быть отнесено 4 500 млн. руб., к чрезвычайным, не принадлежащим к войне — 300 млн. руб. и к вызванным войною — 24 400 млн. руб.

На покрытие означенных расходов предвидятся доходы обыкновенные 5 400 млн. руб., чрезвычайные 286 млн. руб., поступления от выпуска займов за первое полугодие 1917 г.: внутренних 3 179,4 млн. руб., внешних 1 720 млн. руб., краткосрочных обязательств 4 671 млн. руб. — итого 9 571,2 млн. руб. и, наконец, до 30 млн. руб. остатков от заключенных смет прежних лет. Всех же ресурсов составляется 15 287 млн. рублей.

Следовательно, надо изыскать для полного покрытия всех расходов до конца 1917 г. ресурсов около пятнадцати миллиардов рублей.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

В приведенных выше исчислениях были рассмотрены доходы и расходы государственного казначейства по годам. Нижеследующие сводки представленных цифровых данных дадут возможность лучше ориентироваться в общей массе выполненных и подлежащих выполнению расходов за четыре года — 1914—1917 гг. и в источниках для их удовлетворения. В этих сводках расходы, вызванные войною, и поступления по займам отделены от всех прочих расходов и доходов государственного казначейства.

а) Доходы и расходы обыкновенные и чрезвычайные без займов и расходов, вызванных войною, за 1914—1917 года.

В следующей таблице приведены все общие итоги обыкновенных и чрезвычайных (в обычном смысле) доходов и расходов казны за четыре года.

Годы	Доходы				Расходы			Разность (превышение доходов +, расходов —)
	Обыкновенные	Чрезвычайные	Остатки от заключен. смет	Итого	Обыкновенные	Чрезвычайные	Итого	
	В миллионах рублей							
1914	2 898,1	8,3	54,4	2 960,8	2 927,1	276,4	3 203,5	— 242,7
1915	2 827,7	50,6	36,2	2 914,5	2 642,7	193,9	2 836,6	+ 77,9
1916	3 974,5	175,0	30,0	4 179.5	2 921,8	230,0	3 151,8	+ 1 027,7
1917	5 400,0	286,0	30,0	5 716,0	4 500,0	300,0	4 800,0	+ 916,0
								+ 1 778,9

За четыре года поступлениями в приведенном в таблице составе не только сполна покрыты показанные в таблице обыкновенные и чрезвычайные расходы, но в доходах оказался избыток на сумму 1 778,9 млн. руб. Этот избыток поступлений несомненно перешел бы в дефицит, если бы расходы по содержанию войск и некоторых военных управлений по мирному составу их не относились на военный фонд, а уплата процентов по краткосрочным обязательствам проводилась в обыкновенных расходах.

Если, оставляя распределение расходов между обыкновенными и чрезвычайными отделами росписи без изменений, к сумме 1 778,9 млн. руб. прибавить свободную наличность к началу 1914 г. — 514,2 млн. руб. и, с другой стороны, исключить превышение расхода над приходом по кассовым оборотам за 1914 г. — 93,3 млн. руб., то в результате получается 2 199,8 млн. руб. таких остатков поступлений, которые могли быть обращены на покрытие расходов, вызванных войною.

б) Расходы, вызванные войною, и средства для покрытия их.

Расходы войны не ограничиваются только содержанием армии и флота, заготовлением боевых припасов, оружия и т. п. предметов по военному и морскому министерствам. Много расходов, относящихся к войне, производится и по гражданским ведомствам.

Главную часть расходов гражданских ведомств занимают пайки солдатским семьям. За четыре года на эту потребность израсходовано и до конца 1917 г. должно быть израсходовано около 5 млрд. рублей, а именно в 1914 г. — 190,6 млн. руб., в 1915 г. — 623,7 млн. руб., в 1916 г. — 1 106,8 млн. руб., и в 1917 г. этот расход, по предположению, достигает 3 млрд. рублей.

Расход на помощь беженцам за 1914—1917 гг. исчисляется в сумме 736 млн. рублей.

Очень крупные расходы на потребности, связанные с войною, производятся по министерству путей сообщения. Кроме назначений на приобретение подвижного состава, на усиление и улучшение железных дорог, на увеличение их оборотных капиталов, из военного фонда отпускаются ассигнования на постройку железнодорожных линий, на эксплоатационные расходы казенных железных дорог, на разного рода выдачи служащим по требованиям, предъявленным в революционный период времени, и т. д. В одном только 1917 г. такого рода назначений предвидится от 2 до $2^1/_2$ млрд. рублей.

Далее идут расходы на потребности водных и шоссейных путей сообщения, на улучшение коммерческих портов, на продовольственную и семенную помощь населению, на нужды почтово-телеграфного ведомства, на заготовку топлива для населения, на выдачу ссуд разным техническим предприятиям, работающим на армию, и многое другое.

В следующей таблице приведены ассигнования на расходы, связанные с войною, с разделением их по главнейшим ведомствам:

	Военное мин-во	Морское мин-во	Мин-во вн. дел	Мин-во пут. сооб.	Остальные ведомства	Итого ассигновано
	В миллионах рублей					
1914 г. (июль — декабрь)	2 208,3	83,3	200,5	36,7	17,2	2 546,0
1915 г.	7 486,7	406,0	832,9	388,0	261,3	9 374,9
1916 »	11 395,5	804,6	1 526,3	1 050,3	489,7	15 267,0
1917 г.						
Январь	1 364,1	101,5	97,9	90,8	47,4	1 701,7
Февраль	1 223,4	81,5	41,2	169,5	56,7	1 572,3
Март	1 512,7	41,5	473,7	53,0	61,3	2 142,2
Апрель	1 328,0	121,5	84,1	107,8	42,0	1 683,4
Май	976,0	102,9	33,1	155,9	44,1	1 312,0
Июнь	1 261,9	115,0	679,0	92,4	93,4	2 241,7
За полгода	7 666,1	563,9	1 409,0	669,4	344,9	10 653,3
С начала войны	28 756,6	1 857,8	3 969,3	2 144,4	1 113,1	37 841,2

Эта таблица показывает, что с начала войны до 1 июля 1917 г. было открыто кредитов на расходы, вызванные войною:

	Млн. руб.	%
Военному министерству	28 756,6	76,0
Морскому »	1 857,8	4,9
Министерству внутренних дел	3 969,3	10,5
» путей сообщения	2 144,4	5,7
Другим ведомствам	1 113,1	2,9
	37 841,2	100,0

Назначения по обоим военным ведомствам составили 30 614,4 млн. руб., или 80,9%, и по всем гражданским ведомствам вместе — 7 226,8 млн. рублей, или 19,1%.

Действительный расход несколько меньше и к началу июля 1917 г. составил приблизительно 35 млрд. рублей, но из этого не следует, что разница с ассигнованием может быть сочтена за сбережение; не израсходованные по 1 июля кредиты, без сомнения, потребуются в разное время после 1 июля.

Большой интерес вызывает к себе усиление темпа военных расходов с начала войны. Суточный расход определяется (по ассигнованиям):

	Военное мин-во	Морское мин-во	Мин-во внутренн. дел	Мин-во путей сообщен.	Остальные ведомства	Итого
	В миллионах рублей					
В 1915 г.	20,5	1,1	2,3	1,0	0,7	25,7
» 1916 »	31,1	2,2	4,2	2,9	1,3	41,7
» 1917 » . . . . . (первое полугодие)	42,3	3,1	7,8	3,7	1,9	58,9
Увеличение:						
в 1916 г.	10,6	1,1	1,9	1,9	0,6	16,0
за полгода 1917 г. . . .	11,2	0,9	3,6	0,8	0,6	17,2

Из этих цифр видно, что особенно увеличились расходы в 1917 г. отчасти в связи с происшедшей революцией и с предъявлением исключительных требований демократическими массами. За полгода 1917 г. они повысились больше, чем за весь 1916 г., и относительно всего более по министерству внутренних дел, по которому отпускаются пайки семьям солдат.

Для установления размера военных расходов до конца 1917 г. следует к сумме действительных расходов за 1914—1916 гг. (1 655,4+8 818,4+14 472,8) 25 046,6 млн. руб. прибавить: 23 600 млн. руб. — вероятный расход в 1917 г. и 1 224,1 млн. руб. (48,1+376+800) процентов по переучету краткосрочных обязательств в 1915—1917 гг. Сложность этих цифр дает общий итог военных расходов до конца 1917 г. в 49 870,7 млн. рублей.

Для покрытия военных расходов поступили по 1 июля 1917 г. следующие средства:

Свободная наличность к началу 1914 г. и остатки от исполнения бюджетов обыкновенных и чрезвычайных, кроме военного, за 1914—1917 гг.	—	2 199,8 млн. р.
От выпуска:		
займов внутренних	10 940,5 млн. р.	
» внешних	7 555,0 » »	
краткосрочных обязательств в России	14 262,9 » »	32 758,4 » »
		34 958,2 млн. р.

По исключении этой суммы из вычисленного итога расходов в 49 870,7 млн. руб. находим, что для покрытия расходов войны до конца 1917 г.

необходимо изыскать в текущем году средства на сумму 15 млрд. рублей.

Таков заключительный вывод, который получается путем подсчета доходов и расходов государственного казначейства за время войны по сведениям министерства финансов. Эти сведения приблизительны, но какую ни пришлось бы сделать впоследствии поправку в них на основании точных отчетных данных — пусть даже будет отклонение в 1—2 млрд. (хотя отклонение может быть и в сторону увеличения расходов, не только уменьшения), общая картина финансового положения, к которому приведено государство войною, безумною расточительностью, не считаясь со средствами и крайне слабым управлением финансами, не изменится.

Какие же, спрашивается, шансы имеются у государства для того, чтобы найти недостающие ему в 1917 г. 15 млрд., за которыми последует еще неизвестное пока количество миллиардов в 1918 г.?

Вместо ответа на этот вопрос обратимся к анализу тех 32,7 млрд. рублей, которые числятся, как выручка от кредитных операций, совершенных до 1 июля 1917 г. для приобретения средств на покрытие военных расходов. Представленные дальше сведения дадут достаточно материала для размышления над поставленным вопросом о 15 млрд.

Из предыдущих объяснений уже известно, что от реализации внутренних займов (5% 1914 г., 5% и двух $5^1/_2$% 1915 г., двух $5^1/_2$% 1916 г., займа свободы и билетов государственного казначейства) поступило 10 940,5 млн. рублей.

За границею (в Англии, Франции, Италии, Японии и Северо-Американских Штатах) учитывались краткосрочные обязательства государственного казначейства. Эта операция принесла по сведениям, требующим проверки, 7 555 млн. руб. Если наши союзники, по наступлении срока обязательств, не согласятся на переучет их, то перед русским правительством встанет тот же вопрос о средствах для оплаты этих обязательств на нарицательный капитал 7 914 млн. руб. [1]), который возникает относительно 15 млрд. рублей. Союзники же естественно рассматривают Россию не только с экономической стороны, но и со стороны ее политической и военной благонадежности.

Наконец, от учета краткосрочных обязательств государственного казначейства в России на нарицательный капитал 14 668,7 млн. руб. зачислено на текущий счет казначейства в государственном банке по 1 июля 1917 г. 14 262,9 млн. руб. Дало ли, однако, население страны полностью всю эту сумму государству для борьбы с врагом? Ничуть не бывало; в народное обращение ушло обязательств едва на 4 276 млн. руб. нарицательных, а на 10 392 млн. руб. осталось в государственном банке.

---

[1]) Разницу (7 914—7 555) в 359 млн. руб. составляют проценты, учтенные при выпуске обязательств. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

Следовательно, путем реализации внутренних займов и размещения краткосрочных обязательств среди населения выручено за три года войны по 1 июля 1917 г. не более 15 млрд. рублей, т.-е. такая сумма, какую в текущем году необходимо изыскать на шесть месяцев. Между тем, за первое полугодие не размещено полных 3 млрд. займа свободы, несмотря на декоративные процессии, поездки делегатов и т. п. приемы пропаганды займа.

Оставив краткосрочных обязательств на 10 392 млн. руб. за собою, государственный банк вынужден был для подкрепления государственного казначейства обратиться к выпуску кредитных билетов. С начала войны по 1 июля 1917 года [1]) было выпущено кредитных билетов на сумму 11 515 млн. руб., причем за исключением 1914 г., в котором выпуск кредитных билетов был значительно больше суммы оставшихся за банком краткосрочных обязательств, в остальные годы — 1915, 1916 и 1917 гг. получается весьма близкое соотношение выпуска кредитных билетов с увеличением наличности краткосрочных обязательств в государственном банке.

	Выпущено и осталось за госбанком краткосрочн. обязательств	Выпущено кредитных билетов
	В миллионах рублей	
В 1914 г.	656,7	1 425
» 1915 »	2 574,9	2 612
» 1916 »	3 634,5	3 488
» 1917 »	3 526,3	4 030

Эмиссионная деятельность государственного банка все время усиливается; в среднем ежемесячные выпуски кредитных билетов составляли:

В 1914 г.	237	млн. р.
» 1915 »	218	» »
» 1916 »	291	» »
» 1917 »	671	» »

Особенно усилились выпуски кредитных билетов в 1917 г. в связи с революционным временем и с проявившимся стремлением демократических масс, пользуясь своей сплоченностью и силой, требовать улучшения своего материального положения за счет казны, владельцев частных предприятий и пр. Поэтому выпуски кредитных билетов оседают, главным образом, среди крестьянского, рабочего и солдатского населения. Заметную в этом отношении роль играет выдача пайков семьям солдат, на что указывают следующие данные:

---

[1]) В июле 1917 г. выручка превысила три миллиарда руб. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

1917 г.	Расходы, вызванные войною, кроме назначения по мин-ву внутр. дел	Расходы мин-ва внутр. дел (главным образом пайки, выдающиеся по четвертям года)	Выпуск кредитных билетов (за исключением билетов, находящихся в кассе госбанка)
	В миллионах рублей		
Январь	1 502	98	343
Февраль	1 348	41	510
Март	1 482	474	1 031
Апрель	1 469	84	476
Май	1 279	33	729
Июнь	1 563	679	869

В марте и июне, когда происходит выдача пайков, значительно усилился и выпуск в обращение кредитных билетов. А так как в 1917 г. предвидится выдача пайков на $2^1/_2$—3 млрд. рублей, то можно себе представить, какое огромное количество денежных знаков одним этим каналом проникает в сельское и городское солдатское население. Если к этому прибавить очень крупные выдачи рабочим по сильно повышенным в 1917 г. нормам платы, увеличение жалованья солдатам и т. д., то с несомненностью можно установить, что в народных слоях осаживаются миллиарды денежных знаков. Извлекаются же они из этой среды обратно в кассы не легко и не вполне. При обилии денег в народе подписка на военные займы могла бы итти успешнее, но для этого нужны, с одной стороны, лучшая организация по сбыту облигаций займа, при участии местных общественных органов, в селах и деревнях, а с другой стороны, доверие к прочности положения страны и к ее финансовому состоянию.

Одним из ближайших последствий войны является увеличение задолженности государства. С причислением к государственным долгам также и краткосрочных обязательств, замена которых долгосрочными займами лишь вопрос времени, состояние государственного долга представляется в следующем виде:

К 1 января 1914 г.	8 824,5	млн.	руб.
» 1 » 1915 »	10 488,5	»	»
» 1 » 1916 »	18 876,5	»	»
» 1 » 1917 »	33 580,8	»	»
» 1 июля 1917 »	43 906,0	»	»
» 1 января 1918 »	60 000,0 [1]	»	»

Одних процентов на эту последнюю сумму придется уплачивать ежегодно до 3 200 млн. рублей.

Сильнейшим образом война отразилась также на внешней торговле России, баланс которой принял крайне неблаго-

[1]) Сумма условная; находится в зависимости от выпуска займов во второй половине 1917 г. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

приятное для нас положение, о чем можно судить из следующей таблицы:

	Вывоз	Привоз	Превышение вывоза над привозом	Превышение привоза над вывозом
	Ценность в млн. руб.			
Средние за 1909—1913 гг.	1 501	1 139	362	
1913 г.	1 520	1 379	141	
1914 »	956	1 098	—	142
1915 »	402	1 153	—	751
1916 »	579	2 707	—	2 128
			За 3 года	3 021

Ввиду неимоверно возрастающего привоза при сократившемся вывозе, баланс внешней торговли принял прямо катастрофический для России характер: с 142 млн. руб. пассива 1914 г. он через два года, в 1916 году, стал пассивным уже на 2 128 млн. руб., а всего за три года Россия должна переплатить иностранцам 3 021 млн. руб. и уплатить золотом.

Это положение продолжается и даже прогрессирует и в 1917 г. По крайней мере за первые три месяца этого года (без Владивостока и Николаевска за март) баланс внешней торговли был пассивным для России на 400 млн. руб., против 262 млн. руб. за те же месяцы 1916 г.

К сожалению, несмотря на всевозможные совещания и комитеты, положение внешней торговли России не привлекает к себе достаточно серьезного внимания; заказы за границей совершаются ведомствами слишком свободно и, может быть, слишком охотно, без строгого соображения с последствиями для России усиленных платежей за иностранные товары. Забывается при этом, что пассивность баланса должна обесценивать наш рубль на международных рынках. Поднять же свой вывоз для улучшения баланса внешней торговли Россия не может. Напротив, надо ожидать очень слабого вывоза в первые годы после войны. Нетрудно убедиться в этом из следующего перечня товаров, вывезенных в 1913 г. при нормальных условиях:

	Ценность в млн. руб.
Хлеб, мука, крупа, стручковые растения, отруби .	594,5
Яйца	164,9
Лен	86,8
Масло коровье	71,6
Нефть и ее продукты	50,1
Бумажные ткани	43,9
Выжимки	38,7
Кожи невыделанные	36,1
Живые животные	34,4
Сахар	27,7
Пенька	20,4
	1 259,1

При общей ценности вывоза в 1913 г. 1 520,1 млн. рублей поименованные товары составили 83%. Спрашивается, много ли этих товаров будет вывозиться в ближайшие годы при расстройстве нашего сельского хозяйства? Много ли повезем мы хлеба, яиц, масла коровьего, сахара, производство которых сократилось? Или живых животных, усиленно истребляемых во время войны? Или при недостатке топлива или даже леса, нещадно истребляемого на дрова?

В заключение не излишне еще раз остановиться на цифре 15 млрд. рублей, как на предстоящем до конца 1917 г. расходе, для покрытия которого государственное казначейство еще не имеет средств. Не без основания можно опасаться, что с окончанием года, когда выяснится размер фактических расходов, на покрытие их потребуется более значительная сумма. Опасения эти основываются на том, что, во-первых, государственное казначейство может лишиться доходов некоторых местностей в случае развития наступления неприятеля и занятия им части юго-западной России, во-вторых, в приведенных выше сведениях не заключается расходов министерства продовольствия, от которого еще не получено исчислений на 1917 г. [1]) и, в-третьих, в текущем [году] предъявляются ведомствами такие исключительные и неожиданные требования, что было бы затруднительно считать, что приведенные выше цифры расходных предположений до конца 1917 г. — предельные.

Следующие немногие примеры из бесчисленного числа их могут дать некоторое представление о масштабе налагаемой на государственное казначейство тяготы.

Почтово-телеграфное ведомство всегда отличалось скромностью своего бюджета, а незначительность окладов служащих этого ведомства не только вызывала сочувствие к их положению, но и послужила затем поводом к возбуждению Государственной Думой вопроса об улучшении материального положения почтальонов, телеграфистов и всякого названия чинов ведомства; кредиты на это были увеличены. За время же войны в конце 1915 г. была сделана прибавка в 20 млн. руб., а в 1917 г. в несколько приемов разрешены дополнительные ассигнования на различного рода добавки почтово-телеграфных служащих на дороговизну до 141 млн. руб., повышающихся в 1918 году до 182 млн. руб. Требования служащих этого ведомства сопровождались угрозами забастовок.

Многочисленный кадр служащих на казенных железных дорогах также под угрозой забастовок предъявил к казне требования по случаю дороговизны, которые обязали казначейство к новому расходу на 700 млн. руб., в том числе в 1917 г. на 540 млн. рублей.

---

[1]) Не приняты также в расчет расходы казны, вытекающие из монопольных операций по снабжению населения хлебом и другими припасами, топливом, кожами и многим другим. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

Около 500 млн. руб. потребовалось на увеличение в 1917 г. жалования солдатам и матросам.

Суточные деньги эвакуированным увечным, раненым и больным солдатам, конечно, недостаточные по современным ценам на продукты — по 25 коп. в сутки — увеличены в 1917 г. до 75 коп. Казалось бы копейки — расход пустяковый, а для казны он повышается с 3 до 9 млн. в месяц, или на 72 млн. руб. в год.

Не останавливаясь на других ведомствах с менее значительными бюджетами, надо отметить, что, несмотря на войну, по некоторым ведомствам предприняты всевозможные преобразования и операции, которые в мирное время были бы признаны непосильными для обыкновенных ресурсов государства, а теперь в головокружительном вихре всяких добавок легко проходят в значительнейшей части за счет военного фонда, но по окончании войны многие из этих расходов войдут в обыкновенный бюджет.

Операционные расходы по разного рода заготовкам военного ведомства исчислены для 1916 г. приблизительно в 4,2 млрд. рублей, главным образом по частям интендантской, артиллерийской и военно-технической. Спрашивается, в какой сумме выльются эти операции в 1917 г., в котором дороговизна возросла на 100 и более процентов? Никаких расчетов на увеличение платы за рабочий труд, вызвавшее сильное повышение стоимости изделий, не существует, но кому же неизвестно, что рабочие массы при первом же революционном движении озаботились прежде всего обеспечением своего существования в размерах, ими установленных и превосходящих плату до 1917 г. в несколько раз. Стране обойдется это в несколько миллиардов и, в частности, на государственное казначейство упадает значительная часть новых добавок.

Не смущаясь войною, ведутся и строительные операции, которые хозяйственно, может быть, и полезны, но должны быть отложены до наступления мира уже потому, что они отнимают металл, топливо и рабочие силы от главной в настоящее время задачи государства — изготовления для армии снарядов и прочих боевых припасов. Уже приходится, все равно, многие строительные операции, по явной нецелесообразности их для данного момента, останавливать, израсходовав многие десятки миллионов рублей. Для характеристики дороговизны построек можно привести пример Николаевского, Ташкентского, Иркутского военных училищ и Иркутского корпуса. В 1913 г. постройка их исчислялась в 9,8 млн. руб.; замедлившись, она в 1916 г. оценивалась уже в 20 млн. рублей. Арифметическая задача: во что она обойдется по ценам 1917 года?

Но в требовательности к казне превзошли всякое воображение только что разработанные в особой комиссии при министерстве внутренних дел, при деятельном участии делегаток от солдаток и делегатов от Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, назначения пайков

семьям солдат. В тяжелое время войны, в особенности великой нынешней войны, требующей громадных расходов, состав пайков по закону ограничивается лишь самым необходимым для поддержки жизни — мукой, крупой, постным маслом и солью, стоимость которых в начале войны определялась в 6 руб. на паек в месяц, а в 1917 году она дошла до 14—15 рублей. В зависимости от повышения цен расходы казны деньгами, вместо продуктов в натуре, тоже поднялись, и в текущем 1917 году они по расчету должны составлять, при указанном составе пайков, от $2^1/_2$ до 3 млрд. рублей. Несмотря на такую тяжелую для государства сумму, комиссия при министерстве внутренних дел выработала новый состав пайков, добавив на каждый паек не только взрослых, но не исключая и грудных младенцев: масла коровьего $1^1/_2$ ф., мяса 15 ф., картофеля $1^1/_2$ пуда, сахара 2 ф. и чая $^1/_8$ ф. Кроме того, предполагается расширить право на пайки, ... [1]) тех, кто думает, что казна может все выдержать, забывая, что казенные деньги это те же народные деньги, получаемые налогами и займами, и что государство ведет войну, требующую величайшего напряжения средств.

Следующие подсчеты показывают, какое опустошение в продуктах получилось бы при полном удовлетворении всех требований в пайках, если бы они выдавались натурой.

На 45 млн. пайков пришлось бы в год:

	Млн. пудов	
Муки	810,0	или $^1/_3$ всего урожая ржи и пшеницы.
Крупы	134,4	
Масла постного	20,2	
Соли	27,0	
Масла коровьего	20,2	
Мяса	202,5	
Картофеля	810,0,	или около 40% урожая.
Сахара	27,0,	т.-е. более 40% всей выработки сахара в 1917 г.
Чая	1,69,	составляющих 35% всего привоза чая, не исключая и кирпичного.

А для дачи мяса в желаемом количестве надо было бы зарезать более 8 миллионов голов рогатого скота.

---

[1]) Пропуск в подлиннике. *Б. Р.*

Октябрьская революция в Балтийском флоте.

(Из дневника И. И. Ренгартена.)

«Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 2 января 1917 г. по 5 (18) февраля 1918 г.» капит. 1 ранга И. И. Ренгартена содержит много интересного и ценного материала о военных действиях флота и о событиях революции 1917 г. Печатаемая часть дневника охватывает период с 13 октября по 18 декабря 1917 г. (ст.ст.) и особенно ценна, как дающая картину подготовки и развития Октябрьской революции в Балтийском флоте, участия флота в революции, а также борьбы штаба флота и командного состава с образовавшейся Советской властью.

С 1916 г. Ренгартен занимал в штабе Балтфлота ответственную должность начальника разведывательного отделения. Благодаря своей должности и широким личным связям с верхушкой штаба Ренгартен всегда был в курсе всех событий в Балтийском флоте. Судя по всему, с ним считались; на последнее указывают его отношения с убитым в Февральскую революцию командующим флотом вице.-адм. Непениным и назначенным после июльских событий контр-адмиралом Развозовым. В своем дневнике автор воспроизводит перед нами настроение той части офицерства, представителем которой он является. Особенностью дневника является его пунктуальность: с точностью вахтенного начальника Ренгартен проставляет часы и минуты своих записей.

Дворянин Ковенской губ., значительно более образованный, чем огромное большинство офицеров, знающий три иностранных языка, Ренгартен находится всецело во власти буржуазных влияний. Лучше всего характеризует Ренгартена его запись в дневнике от 2 января 1917 года: «В тот самый вечер, когда я сделал последнюю запись, я прочел в газете об увольнении Трепова и гр. Игнатьева и о назначении премьером совершенно неспособного старца кн. Голицына и сподвижника Кассо — Кульчицкого, определенно отрицательную личность, врага просвещения и бюрократа, министром просвещения. Мы дошли до предела. Говорят самые невозможные вещи, которые оказываются возможными: Распутин похоронен в Царском Селе, на его могилу — паломничество высоких особ и проч. Говорят, что императрица — человек большой воли, и государь ее слушает, что все министры, если не хотят вылететь, обязаны, параллельно с докладом государю, делать доклад и государыне, которая, таким образом, фактически властвует. Говорят об ее определенных немецких симпатиях. Мерзавцы! Что они делают с моей родиной!»

12 января новая запись: «Говорят о проскрипционном списке «15-ти», приговоренных к смерти: 1-й пал Распутин, 2-я она — императрица, будто на нее уже было покушение, 3-я идет Вырубова. Говорят, что гвардия замышляет государственный переворот.

Говорят много и, конечно, большей частью ложь; но ведь правда же, что Распутин погребен в Царском Селе».

Ренгартен не протестует против возможных дворцовых революций, они ему нужны и понятны. Автор уже в этот период интересуется письмом Гучкова к Алексееву, материалами по совещанию Протопопова с членами Государственной Думы, речью Чхеидзе и т. д. В весьма откровенной беседе с адм. Непениным Ренгартен по вопросу о воздействии на царя предложил третий путь (один открытый — говорить с царем, второй — дворцовые интриги) и — «путь устранения»... «Будем говорить прямо, — читаем в его дневнике,— те крупицы гражданской свободы, которыми мы пользуемся, получены не доброй волей. Красивые, милостивые слова — в манифестах, а на деле санкция их продиктована страхом».

«Есть мракобесы и идиоты, — пишет он в тот же день, — и есть патриоты», относя к последней категории и себя.

Наконец, 28 февраля Ренгартен получил известия о событиях в Петрограде; его настроение вылилось в следующей записи:

«28. II. Вторник, 9 ч. Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Государственной Думе образовалось Временное Правительство во главе с Родзянко, все министры в Думе, к Временному Правительству примкнуло 5 гвардейских полков, о совершившемся донесено в ставку». В этой революции Ренгартен ищет разрешения своих вопросов, но уже с первых дней революции сначала удивленные, затем и протестующие замечания начинают мелькать в дневнике. У Ренгартена мартовскими днями революция была закончена — буржуазия стала у власти.

Поэтому вполне ясно, что малейшие намеки на возможность второй революции вызывают у него сильнейшие протесты против нового «грозного этапа». Он мечтает о сильной центральной власти, и это настроение выражается в составлении «меморандума», с весьма авантюристическими планами борьбы с немецким флотом и... гибелью. Это было 17 октября. Надо отдать ему справедливость, все, что можно было сделать для поддержки Временного Правительства, Ренгартен в эти дни агонии Правительства сделал. «Меморандум» был принят советом флагманов и послан с нарочным офицером к морскому министру и командующему сев. фронтом ген. Черемисову.

Интересны моменты, касающиеся непосредственной подготовки Октября и самой революции во флоте.

Ренгартен вынужден признать действительную революционность матросов. Это видно из его записей (25. X), где указывается на отсутствие специалистов на кораблях, так как все уехали на фронт в Петроград. Через некоторое время уже читаем: «матросы восторженно записываются в добровольцы против Каледина». В остальном «настроение» Ренгартена ничем не отличается от представителей буржуазной и мелкобуржуазной среды. Он также пророчит, что «власть падет через неделю». Последующий за Октябрьской революцией этап закрепления Советской власти встретил в лице Ренгартена ярого противника, он уже один из лидеров, он идет на блок с соц.-рев. и даже — меньшевиками. Все, что против большевиков, все для него приемлемо. Борьба идет под знаком признания лишь правительства, созданного Учредительным Собранием. Ренгартен настаивал, чтобы комфлот и начальник штаба не шли ни на какие условия. Это касалось признания управляющего морским министерством М. Иванова. Наконец, разразился конфликт. 20 ноября М. Иванов прибыл в Гельсингфорс и на линкоре «Гражданин» поднял свой

флаг. Со стороны Развозова последовал чисто формальный протест (дескать, не знали, и флот подчинен северному фронту), который, в конечном итоге, вылился в принципиальную постановку вопроса о власти и признании командующим и его штабом совершившегося переворота. Благодаря энергичному вмешательству Центробалта конфликт был ликвидирован, и внешне штаб признал правительство уже не только de facto, но и de jure.

Однако политика штаба успела уже пустить глубокие корни в офицерской среде. В результате — ряд конфликтов на кораблях между матросами и офицерами. 5 декабря фактически все управление флотом перешло в руки Центробалта, создавшего специальный военный отдел. Записи за этот период у Ренгартена носят отпечаток апатии и неуверенности.

По заключении мира с Германией И. И. Ренгартен стал преподавателем Морской академии, во вновь открытом военно-морском отделе, по кафедре «истории морской войны», а затем и по кафедре «службы генерального штаба». Одновременно Ренгартен был назначен редактором оперативного отдела Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—1918 гг. на море.

В ночь с 13 на 14 января 1920 г. Ренгартен умер от сыпного тифа.

В Центрархиве имеется копия дневника Ренгартена, заверенная самим автором

А. Дрезен.

1917 ГОД.

13. X.

15—00. **Близятся 20-е числа: двойное ожидание выступления и мятежа. Все сплетается вместе. На судах идет пропаганда большевиков; уже на эск. миноносце «Самсон» в команде разговоры, что больше в море не пойдут.**

На миноносцах минной дивизии, где после операции была просьба увеличить общее число представлений к наградам, теперь идет движение в пользу отказа от наград.

«Петропавловск» снят с камней. Теперь будет разбирательство... Воображаю, во что оно выльется...

14. X.

14—00. **Увы! Служба связи напутала: пост ошибся в пеленге — «Петропавловск» на камнях недвижим.**

Много слышу разговоров о «поправении» Петрограда, о появлении на свет многих новых газет ярко антибольшевистского направления, о росте недовольства Керенским, которого все ругают, о том, что с восстанием большевиков что-то не клеится...

Совет Российской Республики открылся; там много замечательных людей, но, по общим условиям, пока — все это одни разговоры, и настоящего просвета не видно.

Нынче мы спохватились: послезавтра — срок представлять кандидатский список для выборов в Учредительное Собрание. По этому

поводу Левушка Сахаров написал письмо Вилькену, предлагая устроить сегодня вечером собрание, чтобы наметить кандидатов. Я звоню о том же Новопашенному в Ревель.

17—30. Здесь был кап. 1 р. Вилькен — говорили мы (Вилькен, Сахаров, Демчинский и я) об Учредительном Собрании; решили, что сегодня в 19. 30. в Морском собрании соберется группа офицеров и наметят двух кандидатов. Кроме того, я говорил с Новопашенным, который обещал собрать группу в Ревеле, наметить несколько кандидатов, сообщить их фамилии и предоставить нам [1]) окончательный выбор.

15. X.

17—50. Вчера в Морском собрании состоялось заседание группы офицеров под председательством Вилькена. Были Граф, Куремиров, Иерхо, Давыдов, Демчинский, Баллас [2]), два представителя партии народной свободы и Ножин.

Представители к.-д. выставляют под своим флагом кандидатуру адм. Колчака и адм. Канина. Они очень красноречиво доказывали, что, без всякого сомнения, всякая офицерская кандидатура здесь провалится и тягаться с большевиками в Балтике не приходится, но общественное мнение в России будет, по крайней мере, знать, что офицеры остановили свой выбор на достойных, опытных людях, в то время как команды пошли за Лениным и Дыбенко...

Мы (и я тоже) возражали им, что мы не находим возможным так заранее сдавать свои позиции, что мы надеемся найти таких кандидатов, которые оказались бы приемлемыми и для части команд, что среди матросов очень многие видят, к какому краху ведет большевизм, и многие [3]) боятся открыто это высказать. Насколько выборы будут в действительности тайными — благоразумная часть команды предпочтет подать свой голос за офицера, а не за такого явного пораженца, как Ленин.

Споров было много, но до конца не договорились, попробовали голосовать записочками, получилось большинство за Колчака и Канина и по одному или два голоса — за Демчинского, Новопашенного, Вилькена, меня... Я заявил, что нас мало, сборище случайное, надо собрать побольше народу завтра (15-го).

Сегодня в 14 собралось в Морском собрании человек до 70. Демчинский председательствовал, рассказал про всю технику выборов, о вчерашнем собрании (забыл записать), где прошли кандидатуры Развозова и Пилкина, но оба отказались, почему вопрос остался открытым. С большой речью в защиту предложения к.-д. выступил

---

[1]) В подлиннике: «наш».
[2]) В подлиннике: «Боллас».
[3]) В подлиннике: «много».

их представитель; ему возражал Лев Сахаров; весьма веско доказывал, что нам предлагают доставить удовольствие одной партии, мы должны предпочесть вступить в борьбу. Демчинский тоже говорил в пользу составления своего списка.

Затем подачей записок установили список кандидатов: подавляющее большинство было за Колчака, Канина, затем от шести до трех голосов: Зарубаев, Демчинский, Новопашенный, Ренгартен и один голос за Пуришкевича. Тогда Демчинский передал председательствование Графу, и мы с ним (как присутствующие кандидаты) вышли, предоставив собранию обсуждать все эти кандидатуры. Когда мы были вновь приглашены, собрание подачей записок установило новый список:

Демчинский	39 голосов
Цион	20 с чем-то голосов
Ренгартен	18 голосов
Колчак	14 »
Канин	.....
Новопашенный	1 »
Пуришкевич	1 »

Цион — подполк[овник], с.-р., участник Свеаборгского восстания. Таким образом, от нас будет список: Демчинский, Цион.

Известно, что уже имеются от флота два списка:

1. От большевиков: Ленин и Дыбенко.

2. От с.-р.-интернационалистов: Шишко и Прошьян.

Комитет XII армии из кожи лезет, чтобы поднять дух и восстановить порядок, но дело не идет: солдаты говорят: «вот — выпадет снежок: домой пойдем».

17. X.

10—30. Вчера, после разговора моего с Черкасским, решили, что комфлот должен заявить правительству всю правду о состоянии боеспособности подчиненных ему флота и армии.

Я взялся составить соответствующий меморандум. Основная мысль его: позиции не боеспособны, почему вся тяжесть защиты падает на флот. Силы наши слишком неравны, почему единственный исход: приказать флоту, чтобы, при появлении флота немецкого, наш бросался ему навстречу, не думая о себе и стремясь лишь нанести врагу максимум вреда ценою хотя бы собственной гибели. Что при современном упадке духа столь полное использование нашей морской силы едва ли, в действительности, будет иметь место, но можно, тем не менее, надеяться, что в известной мере такая задача будет выполнена, после чего флот наш перестанет существовать, и весь Балтийский театр будет для немцев открыт.

При докладе этого комфлоту он нашел нужным еще подчеркнуть, что вообще, если только немцы захотят, то сделают все, что им надо, что сопротивление наше равно нулю, что если и вообще не

будет нападения, то, все равно, к весне 1918 г. флота не будет... Словом, полная безнадежность.

Я предложил свое «сочинение на заданную тему»; все эти мысли подверглись резкой и вполне обоснованной критике Левушки Сахарова, затем снова обсуждались мною с Черкасским и М. Петровым, и, наконец, сегодня я еще много думал об этом и, кажется, склоняюсь к тому, что мы не имеем права так опускать руки...

Затем имел разговор с Демчинским, который справедливо заметил, что нельзя этого излагать документально: неровен час, где нибудь застряв, снимут копию, и попадет она к немцам, этакая расписка в своем бессилии! На это князь [1]) возразил, что подобных расписок у немцев куча...

Вчера выяснилось, что Цион идет кандидатом в списке социал-революционеров, по этой причине в наш список вошел следующий из намеченных, т.-е. я.

Кроме того, М. И. Давыдов добыл согласие баллотироваться от почетного старца, известного Лопатина, предложив вторым... Бриллиантова. Я пришел в ужас, ибо по первым дням революции знаю этого демагога и льстеца толпе. Мое замечание убедило Давыдова снять кандидатуру Бриллиантова, и он заменен матросом Магницким (бывший председатель Ц. К. Б. Ф.) — весьма почтенная личность.

С нашим списком из-за нераспорядительности писаря едва не вышла драма: срок представления списков — полночь 17. X. Расписка в получении его в избирательную комиссию помечена 23 ч. 45 м. 17. [2]) X.

Таким образом, кандидатами от группы офицеров (109 чел.) флота и армии по Балтийскому округу — предложены:

1. Старш. лейтен. В. Н. Демчинский.
2. Кап. 1 ранга Ив. Ив. Ренгартен.

Предполагается, что мы в течение ближайшей недели попытаемся войти в блок со списком с.-р. или беспартийных избирателей, дабы не разбивать голосов среди приемлемых для умеренной части избирателей списков.

Последняя сенсация: радио — принята 5—00. 16. X.; адресована она «всем солдатам, матросам, рабочим и крестьянам» — подписана: «Северный Областной Съезд Советов Солд., Раб. и Кр. Деп.». Эта радио содержит ряд клеветнических выпадов по отношению всех, кто не согласен с большевиками, и объявляет, что 20. X. в Петербурге назначен Всероссийский Съезд Советов, который [3]) предложит немедленное перемирие на всех фронтах,

[1]) Черкасский.
[2]) В подлиннике ошибочно: «16».
[3]) В подлиннике: «которое».

передаст крестьянам землю и обеспечи созыв Учредительного Собрания в назн ченный срок...

Попутно: по агентурным сведениям, немцами намечена операц высадки десанта — захвата острова Оланда...

И еще... на фронте вновь возобновилось братание...

12—45. Мои доводы касательно меморандума отвергнуты Чер касским, а комфлот все-таки признал нужным сохранить его, ка было составлено. Только еще М. Петров добавил в более подчеркнутой форме мысль, что, если правительство не сумеет справиться с разла гающими течениями и разрухой, война окончится позорным неуспе хом и потерей достояния народного...

Сейчас узнал, что председателем Ц. К. Б. Ф. четвертого созыва избран Дыбенко.

Избирательная комиссия получила пять списков: от большевиков— Ленин, Дыбенко; от с.-р.-интернационалистов — Шишко, Прошьян; от с.-р.—Маслов, Цион; от группы беспартийных — Лопатин, Магниц кий; от группы офицеров флота и армии — Демчинский, Ренгартен

15—00. В каюте комфлота заседание флагманов.

Ком. флотом прочел меморандум.

Пилкин спрашивает: А какая цель этого? Чего мы доби ваемся?

Ком. фл. Это — документ, устанавливающий существующее настроение у нас, и мы просим, чтобы нам ответило Временное Правительство, учитывает ли оно это?

Пилкин. Не может ли отсюда Временное Правительство сделать вывод, что надо заключать мир?

Ком. фл. Нет. Мы — лишь часть фронта. Может быть, надо еще отступить, отдать, может быть, еще 500 верст и пространством забить немцев.

Бахирев. Согласен с Александром Владимировичем.

Петров. Надо нажать на правительство, чтобы не продолжало быть таким инертным.

Беренс. Мне кажется, что здесь слишком мягко сказано о флоте; надо подчеркнуть, что во флоте много хуже.

Ком. фл. Приходится быть осторожнее во избежание использования документа в целях агитации крайними партиями.

Кн. Черкасский вспоминает свои впечатления о разговорах с Временным Правительством. Оно рассчитывает на конечный успех союзников и их верность нам; поэтому, если мы и потеряем еще очень много, то потом возместится, но что они, в правительстве, плохо учитывают состояние флота и надеются на него больше, чем можно.

Бахирев. Дело плохо, но, по-моему, не так уж безнадежно.

Развозов. Я больше надеюсь на осень...

Бахирев. Больше согласен с князем, что дело наше общее, не вовсе еще пропащее. Самое лучшее — дать нам всем до завтра подумать.

Старк констатирует, что мы всегда были слабее немцев здесь, на море. Надо все, что мы имеем в центральной позиции [1]). А на Оланд надо махнуть рукой, отказаться от Ботники, уничтожить все фарватеры, оставить только батареи... а вход в Финский залив мы и с нашими силами можем охранить.

Беренс. А если возьмут Ревель? Нет, без давления противника ничего нельзя оставлять.

Ком. фл. Часть фарватеров уже приказано уничтожить.

Пилкин. Предполагается ли этот документ представить конфиденционально [1])?

Ком. фл. Нет — официально, но весьма секретно — министру и главнокомандующему.

Вейс говорит, что команда у него держится хорошо, но к весне не надеюсь.

Киткин. У меня тоже, и до весны.

Старк говорит то же.

Говорится о настроении команд больших судов, что на словах они бодрятся, а на деле устанут через три дня.

Бахирев. В общем — хорошо написано.

Другие находят, что все это изложено правильно. Пилкин только считает, что есть какая-то неясность в смысле вывода.

Решается, что все подумают до завтра.

Ком. фл. сообщает выводы по обстановке — о неприятеле и о поступках в связи с защитой Або-Оландского района.

Если падет Ревель, загнем позицию. Мины едут из Черного моря, их будет довольно.

Документов отпечатано пять — взяли подумать: Пилкин, Бахирев, Старк, Киткин, Вейс (присутствует еще Беренс).

Решают придать документу форму постановления заседания флагманов, для чего пригласить всех флагманов завтра днем.

Бахирев думает, что мы все-таки еще можем воевать.

Вспоминают случаи упадка духа. Говорят, что если это станет гласным, то демократические органы будут говорить: «нас предали».

Пилкин предлагает отметить, что мы знаем и верим искренности порывов команд, но опыт убеждает нас в непрочности их подъема.

Развозов говорит, что его гнетет беззащитность Гельсингфорса.

Бахирев соглашается, что неизвестно, что мы будем делать, если немцы высадятся у Ганге.

---

[1]) Так в подлиннике.

17—50. Совещались Черкасский, Сахаров, я. Тема: что делать комфлоту? Решено: если предстоящие политические пертурбации не выкинут из флота Развозова, то я должен итти к нему и предложить решить — или уходить теперь же или со льдом. Если он решит — теперь же, то отпустить Черкасского, взять вместо него Шевелева, потом уехать, оставив Шевелева временно исполняющим обязанности, после чего, через некоторое время, последует утверждение Шевелева в должности...

Когда мы кончали беседу, ко мне в каюту вошел комфлот, бухнулся в кресло и говорит: «Ну и заседание же было!»

Он пришел с «Полярной Звезды», где под председательством Дыбенко заседал Ц. К. Б. Ф.

Дыбенко очень мило, предупредил, что с завтрашнего дня он намерен провести в жизнь постановление Областного Комитета о контроле и выборном начале.

Комфлот ответил, что силою они, конечно, могут ввести контроль, но он категорически отказывается признать его без приказания министра; что прежние инструкции комиссарам вполне достаточны, оказались полезными, и совместная работа наша с ними шла вполне гладко.

О выборном начале Дыбенко сказал, что они уже устроили анкету и, вероятно, его, Развозова, выберут единогласно...

Комфлот и на это ответил, что протестует и, кроме того, находит, что, во-первых, им выбирать-то не из кого, а вреда и беспорядка все это внесет неисчислимо много.

Когда Дыбенко говорил, многие члены Комитета посматривали на него с неодобрительной улыбкой; затем комфлот ушел, оставив их обсуждать его возражения.

18. X.

10—00. В каюте комфлота. Заседание совета флагманов. Присутствуют в.-адм. Бахирев, к.-адмиралы: Вейс, Киткин, Старк, Пилкин и кап. 1 р. Беренс.

От нас: к.-адм. Развозов, Черкасский, кап. 1 р. Ренгартен и кап. 2 р. Петров. Комфлот сообщил о текущем моменте по обстановке и вернулся к вопросу о «меморандуме».

Бахирев. Мы решили, что надо писать от имени флагманов вам (командующему флотом). А с тем, что написано в записке, я во всем согласен.

Пилкин. В записке не все ясно, не выяснена ее цель, есть противоречия...

Идет спор о редакции, вычеркивается заключение, в споре принимают участие: Развозов, Пилкин и я.

Бахирев. Ну, в общем мне эта бумага нравится, надо сообщить ее правительству, как есть...

Развозов. Мы не знаем, на что рассчитывает правительство, каковы планы обороны на будущее время, и важно ему разъяснить, что при таких обстоятельствах, какие сейчас имеют место, флота к весне не будет, что там и написано.

Пилкин. Но таких-то данных у нас мало!

Бахирев. Как мало? Я скажу: самая худшая часть — дредноуты. Это ужас, что такое!..

Черкасский. Да, годятся до первого снаряда! А там и до белой простыни дойдет!

Бахирев. Ну-у! Не-ет! Все-таки офицеры не допустят.

Беренс. Трудно сказать: если случится паника, такие доклады будут командиру, что он сам решит, что надо бросить корабль...

Пилкин. Вот мы сами говорим, что флот неуправляем... Зачем же мы хлопочем?! Не лучше ли прямо сказать им: «выбирайте кого хотите!»... А то ведь в каком положении оказываются те начальники, которых не слушают! Вы сами говорите, что ничего не выходит...

Развозов. Ну, знаете, испытали мы выборных: М. Иванов и те, которых потом команды просили убрать, говорили, что «ошиблись, назначьте толкового, больше выбирать не будем».

Пилкин. А Лодыженский?

Беренс. В отдельном случае, может быть, выйдет хорошо, а как правило — совершенно невозможно.

Бахирев, Черкасский, Старк горячо возражают Пилкину.

Пилкин. Ну, хорошо, а все-таки по документу выходит, что мы ничего не можем.

Ренгартен. Нет. Там говорится, что сможет сделать флот. И флот способен выйти в бой.

Старк. Конечно, мы даже можем бой выдержать и даже успех иметь...

Бахирев. И даже до центральной позиции?

Беренс. Конечно, да!

Пилкин. Господа! Тогда не надо ничего писать, раз на деле оказывается, что мы еще что-то можем.

Развозов. Это не так — мы кое-что можем, но нельзя рассчитывать на позицию, и там же ясно сказано, что, в случае планомерной и решительной операции немцев, они своего достигнут...

Бахирев. Я считаю, что не так уж плохо дело! По-моему, так ничего еще! Можно делать! А документ — послать! С удовольствием подпишу, пусть читают... это правительство.

Черкасский. Обсвистанное правительство.

Бахирев. Конечно — ни к чорту оно не годится! И надо, чтобы оно убиралось, если ничего не умеет... пусть прочтет!

Пилкин. Очень вероятно, что наш документ не останется тайным, попадет в комитеты, будет разглашен и вызовет кривотолки:

не следует ли на этот случай застраховать себя от мелких нападков и отметить, что команды проявляли воодушевление, заверяли нас в готовности во всем и т. п., что факты это подтверждают, как подтверждают также и непрочность добрых порывов...

Старк. Конечно, это верно, и мы верим искренности команд...

Бахирев. Разумеется.

Черкасский и я поддерживаем предложение Пилкина.

Комфлот предлагает мне сесть возле него и составить в этом смысле заключение.

Документ этот вновь прочитывается, в нем делаются мелкие редакционные поправки, выпускается несколько абзацев [1]) и весь конец.

Я прочитываю вновь составленное заключение; оно одобряется. На этом заседание закончено.

19. X.

13—30. Вчера, после заседания, Левушка Сахаров, под мою диктовку, отпечатал «документ» в форме протокола совета флагманов, затем он был подписан адмиралом Бахиревым, Пилкиным, Вейсом, Киткиным, Старком и кап. 1 р. Беренсом.

После этого мне было поручено составить препроводительное отношение комфлота к морскому министру.

Я упомянул о данных агентуры и обстановке, предостерегал о возможности захвата немцами острова Оланда и закончил указанием, что катастрофа, как от войны, так и от разложения, не может быть предотвращена никакими мерами на местах, и единственный выход есть создание действительно сильной центральной государственной власти...

Развозов принял мысль и редакцию, и вчера же нарочный офицер выехал с этими документами в Петроград к морскому министру и с копией с них в Псков, к главнокомандующему сев. фронтом.

17—40. В связи с последними известиями о немцах я утром сегодня при оперативном докладе высказал мысль, что весьма полезно было бы послать четыре самых исправных и храбрых «Новиков» для постановки мин на путях противника; на обратном пути они могли бы снять маячные суда немцев к W от Эзеля.

М. Петров обрадовался, взял циркуль, рассчитал время — выходит: в одну ночь все можно сделать. Князь отнесся скептически: где они — исправные и храбрые? А тут получаем днем телеграмму от главкосева, общий смысл которой: почему вы бездействуете, почему немцам даете спокойно жить в Моонзунде?

Составляя ответ, Петров склонил Развозова согласиться приписать, что он имеет намерение послать «Новики» на заградительную операцию в Балтийском море...

---

[1]) В подлиннике: «образцов».

21. X.

14—10. В море. В 13 ч. вышли из Гельсингфорса; цель — свидание в Ревеле комфлота, генер.-губернатора Финляндии Некрасова, главкосева Черемисова и минмора Вердеревского.

По агентст. «Х». — Четыре «Осфрисланда», шедшие к нам, ушли опять в Киль; отряд О. Н. расформировывается; командование вновь возвращается либавскому начальству... Это похоже на отказ от дальнейших операций.

Итальянцы потерпели страшное поражение — около 200 000 пленных, свыше 1 500 потерянных пушек, огромная территория.

Только французы наносят немцам тяжкие удары. А у нас — опять братание на фронте и накаливание атмосферы в тылу, пока дело не дойдет до гражданской войны; уже пишут в газетах, что обыватель перестал бояться и начал злиться...

На 22-е назначен «Съезд Советов»; на этот же день, с одной стороны, большевики призывают на улицу для вооруженного выступления, с другой, — казаки устраивают большой крестный ход и моление о спасении родины...

Вчера группа с.-р., выставившая кандидатами в Учред. Собрание Маслова и Циона, предложила нашей группе коалицию. Демчинский предлагает коалицию всех (включая с.-р.-интернационалистов) против большевиков.

Я согласился на коалицию, ибо тогда наш список имеет шансы пройти вторым, т.-е. мы получим одно место. Таким образом лично я не заинтересован, но обещал Демчинскому всякое содействие, включительно до выступления на предвыборных собраниях. Он надеется привлечь на нашу сторону с.-д. меньшевиков.

22. X.

0—15. Ревель. Около 18 ч. 21. X. пришли сюда. На нашем месте стоит «Волга», почему ошвартовались у ее борта.

Вечером с Е. И. Максимовым пошел в управление службы связи, где беседовал с Коптевым и Новопашенным об обстановке в связи с предположенной операцией «Новиков». По всему выходит, что единственный район — Люзерорт.

Бедный Новопашенный бьется, как рыба об лед; до чего все развалилось — не может пройти гладко такая ясная вещь, как выставление поста службы связи, ибо в дело путаются и начальник и комитет и мешают друг другу... Он ездил на Бердер и в Пернов, говорил по телефону с постами. С Залиса ему сообщили, что теплой одежды не надо присылать, ибо сухопутные войска отослали присланную им одежду: они не намерены зимовать и с первым холодом кончат воевать — пойдут по домам... ну, а что же тогда делать посту? Для кого наблюдать, если войско ушло? Логично.

23. X.

2—30. Весь день 22-го сплошь были заняты работой по разведке. Никто не мешал. А начальство было занято совещанием. Здесь были: генерал Черемисов, ген. Надежный (командир 42 корпуса), ген. Изместьев (комендант крепости) — новый, что заменил Лескова, ген. Хендриксон и при них ряд лиц: генер.-квартирмейстеры [1]), Альтфатер, Арнаутов, комиссары — Войтинский, Скачков и др.; приехали и наши — Франкфурт и Онипко.

По словам Развозова, собрание было слишком многочисленно и потому мало продуктивно, были еще морской министр и помощник Финл. генер.-губернатора бар. Корф.

Оборона всего этого колоссального района: сев. фронт, Балтийское море, Финляндия, действительно, в наших условиях — кажется прямо невыполнимой...

Часов в 11 веч. меня призвал к себе Развозов: у него сидели бар. Корф и Онипко. Я должен был быть четвертым собеседником. Пили чай и херес и заболтались до 2-х час. ночи — обо всем, а поговорить нынче есть о чем!.. Ох, какие же у нас безрадостные перспективы!..

21—00. Днем было совещание — Развозов, Новопашенный, М. Петров, я. Происходило в управлении службы связи за картой. Тема: заградительная операция «Новиков».

Относительно операции ни до чего окончательно не договорились, кроме того, что все признали мою точку зрения верной: мы обязаны поставить препятствия неприятелю на двух вероятных направлениях его удара: 1) Финский залив, 2) Оланд: мы не можем вовсе преградить ему доступ к этим целям, но пусть он заплатит за это потерями.

Моральные последствия потери всегда имеют известное значение.

Вечером Новопашенный сообщил мне, что к нему явились комиссары местного Сов. Р. и С. Д. — для контроля на Морской Центральной станции всех телеграфных сношений. Он заявил, что полагает целесообразнее в морском ведомстве контроль морских же демократических организаций.

Местный флотский комитет оказывает Новопашенному поддержку. Это ставят в связь с ожидаемым в Петрограде Съездом Советов и выступлением большевиков.

Газеты полны заметок об этом выступлении; общий тон газет несоциалистических направлений — крайний пессимизм, отвращение и отчаяние. Впрочем, недовольны все, всех объединяет взаимная ненависть, презрение, злоба; на столбцах прессы потоки клеветы, грязи.

---

[1]) В подлиннике: «генер.-квартирмейстеров».

24. X.

12—45. На Ревельском рейде.

19—35. Ходим по внешнему Свеаборгскому рейду. Свежо. Волна. У бона южнее Грохары никто не встретил; кажется, мы его ткнули, потом прошли вплотную Грохару...

Сейчас выходим наверх: светят мигалки, прожектор наш ищет вешки, даем хода — вперед, назад; слева, из темноты слышен свирепый голос... «не люди... сволочи... не могут найти»... и еще что-то заглушает свист ветра. Кто кричит, откуда, кому? ничего не понять. Развозов пошел на мостик разобраться.

Перед этим мы мирно сидели с Черкасским в его каюте на креслах, вытянув ноги, и беседовали.

Он рассказал о беседах с Вердеревским и Черемисовым. Перед северным фронтом немцев мало до неприличия; перед XII-й армией (8 корпусов) не более нескольких дивизий... и вот Черемисов отдал приказ о наступлении — и... рад теперь, что его не пришлось приводить в исполнение, ибо это привело бы лишь к худшему погрому. Армии босы и голодны и не хотят более воевать ни за что!

Вердеревский говорит, что страна забыла армию, бросила армию... армии больше нет.

Правительство знает, что Россия более воевать не может, и только тянет, как бы вытянуть побольше времени, чтобы успеть хоть как-нибудь сговориться с союзниками.

Черкасский пришел к выводу, что больше мы ничего не можем сделать. Все кончено!

Я предложил ему план: отказаться от посылки в море и английских лодок... ибо — свинство выезжать теперь на них.

Решить, что пока мы еще владеем остатками, последними обломками оперативных возможностей, все средства направить на ничем не стесняемое минирование Балтики везде, где только есть указание, что противник может пройти. Позвать сюда англичанина Кроми и честно ему сказать: «Спасибо, союзники, за службу, за помощь. Мы теперь кончены и распоряжаться вами больше не можем: Балтийского флота, российской армии — больше не существует. Делайте со своими лодками, что хотите, — по мере сил своих — поможем»...

Наш разговор был прерван приходом Развозова.

Он мрачно сел в кресло и сказал: «вот — придет — сейчас придет к вам Дыбенко и приставит контроль»...

Черкасский: «... Ну и что вы сделаете?»

Развозов: «... Что я сделаю?.. Что же... сказать, что не признаю?..»

Черкасский: «А если скажут: ну, признаете или нет, это не важно, — будет контроль и все тут».

Развозов: «... Да вот — пробовал Зарубаев протестовать и сдал, в конце концов, когда ему заявили: «в таком случае мы будем бороться, мы — враги»... Да и мы, когда нас за горло схватят, тоже, в конце концов, скажем — довольно! Выбирайте, кого хотите»...

Ренгартен: «Не поможет это ничего, и вас выберут, и меня выберут, и вообще всех выберут, и останемся со всеми теми же бесчисленными затруднениями»...

21—15. Гельсингфорс. В каюте комфлота. Здесь — Бахирев, Развозов, Черкасский, Демчинский, М. Петров, начальник дивизиона Крашенников [1]) и командир миноносца — Б. Иванов. Перед тем был здесь Дыбенко и заявил, что в Петрограде происходит разгром Съезда Советов и Петроградского Совета при помощи юнкеров, что команды наши решили помочь Советам — послать три миноносца для поддержки десанта из Кронштадта на Петроград.

С этим требованием Дыбенко и делегаты еще до нашего прихода обратились непосредственно на миноносцы, начальник дивизиона и комиссар — к нам.

Получена открытая радио Исполн. Комит. Кронштадта: «Петроградскому Совету грозит опасность... закрыты газеты «Рабочий Путь» и «Голос Солдата»; готовится наступление юнкеров и разных темных личностей!»

Кто его знает — правда или провокация?

Развозов колеблется.

Черкасский считает согласие послать миноносцы абсолютно недопустимым. Я говорю, что мы не хотим — не можем итти на гражданскую войну.

Сегодня здесь вынесено постановление судовых комитетов: «Да здравствует власть Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов!.. По первому зову Центрофлота все выступим — умрем или победим! Смерть лучше позора!»...

21—45. Пришло сейчас три комиссара Центробалта, принесли предписание комфлоту «немедленно послать в Петроград «Забияку», «Страшного» и «Меткий»... «при шифровании телеграмм и отдаче приказаний в штабе быть присланным комиссарам»...

Комфлот говорил с Петроградом. Там что-то заварилось: разведены мосты; кажется, собираются арестовывать Революционный Комитет Петроградского Совета... говорят даже, что войска с фронта идут на Петроград.

Комфлот ушел на экстренное заседание Ц. К. Б. Ф. Я говорил по телефону с Ревелем (со Щастным, приехавшим из Петрограда). По его сведениям, в столице кризис власти, причем конъюнктура складывается в пользу большевиков. Он привез с собою два тюка из генмора: шифры и всякие секреты...

Начинается новый, еще более грозный этап революции.

---

[1]) В подлиннике: «Кошерининов».

25. X. Среда. Гельсингфорс. «Кречет».

Около полуночи я говорил по юзу с Петроградом. Деж. офицер генмора: до сих пор ничего не было предпринято ни той, ни другой стороной. В городе сравнительно спокойно; часть разведенных мостов на Неве вновь наведены; открыты кинематографы...

Во время моего разговора в рубку юза вошел «сам» Дыбенко. Это — высокий, плотный мужчина с пышной копной волос на голове, с черной бородой и благообразными чертами лица; одет в серую куртку, в руках мягкая широкополая шляпа: держит себя скромно, вежливо, уверен в себе.

Вернулся Развозов с экстренного заседания Центробалта.

Ком. флотом был принят весьма предупредительно, были внимательно выслушаны его решительные протесты против посылки миноносцев в Петроград; не возымело действия; он подчеркнул, что не желает давать вооруженной силы ни правительству, ни его противникам... и собрание единогласным голосованием подтвердило, что миноносцы должны быть посланы.

Комфлоту было заявлено, что, если власть будет взята Советами, в жизнь войдет выборное начало, и его, Развозова, обязательно выберут командующим флотом.

Развозов ответил, что отказывается...

Около 2 ч. ночи из Петрограда по телефону звонил морской министр: он только что вернулся с заседания Временного Правительства.

Настроение в столице весьма тревожное и напряженное, но пока никаких «действий» не было, и Временное Правительство прилагает все усилия для мирного разрешения дела. Арестов пока не было; приняты лишь меры охраны от погромов анархических выступлений. Из армий фронта Временным Правительством получен ряд телеграмм с требованием немедленно установить порядок в тылу, и особенно в Петрограде, и всю власть дать правительству.

После этого разговора пришел комиссар Центробалта; Развозов передал ему сообщение Вердеревского, указав, что оно не соответствует рассказам Центробалта.

Затем затеяли спор: комиссар-матрос убежден в необходимости передачи всей власти Советам и не сомневается в благодетельных результатах этой реформы.

Развозов всячески возражал... Спор бесплодный, слова старые, тысячи раз повторенные, но спор характерен в смысле посылок и доказательств.

Общее резюме комиссара большевистского толка таково: если власть не будет взята Советами — пропадай флот! не надо его, и воевать не будем! довольно ждали!..

На возражение, что не может вопрос о власти решаться явным меньшинством, что, повидимому, подавляющее большинство армии—

противоположного большевикам мнения, комиссар ответил: «... Ну, если армия будет за родину, а не за флот... то пусть одна воюет дальше... Что она без флота сделает?»

Слышу топот ног, посмотрел в окно: по мосткам «Полярной Звезды» бегут матросы, громко говорят... Этот шум действует на нервы. Но если что-нибудь серьезное: доложит флаг-офицер. А сейчас спрашивать лень...

Странное еще происшествие: еще до полуночи явился на «Кречет» матрос с «Видного», сказал, что хочет видеть лично комфлота. А когда деж. флаг-офицер стал допытываться — кто? откуда? зачем? — он смутился, отступил и стал уходить. По всему кораблю бегали за ним Дыбенко и Демчинский, но не догнали, и матрос исчез бесследно...

Снова шум, топот ног бегущих людей, крики, слышна команда... «во фронт», чей-то голос кричал: «товарищи!»

Впечатление, что собирается вооруженная команда.

Что-то они затеяли.

3—40. Сейчас принял командира эскадр. миноносца «Меткий», он показал мне полученное им предписание Центробалта «с рассветом итти в Петроград»...

Я рассказал ему о заседании Центробалта и позиции, занятой комфлотом, а также передал как приказание, — подчиниться принуждению, если команды будут настаивать на походе, предварительно попытаться отговорить от этого шага.

Он спросил, надо ли поднимать утром сигнал: «прошу разрешить следовать по назначению».

Решили, что не надо, чтобы не ставить в трудное положение комфлота, но я сказал ему, что он может записать у себя, что через меня получил все эти указания адмирала...

Глубоко сочувствую бедняге...

9—30. В Петроград с рассветом вышли «Забияка», «Самсон» и «Меткий»; должен был итти еще «Страшный», но, к счастью командира, миноносец оказался неисправным.

Оказывается, ночной шум был, действительно, от сборища вооруженных людей: чуть не до 1500 охотников с судов образовали «десантный отряд», который по жел. дороге направился в Петроград для поддержки Совета.

На миноносцах также отправлены боевые взводы.

11—00. С утра сидел с Черкасским у Развозова; редко перекидывались замечаниями и ждем... Черкасский говорит: «и все лгут, и мы лжем»...

11—30. Приходил Руденский (командир «Гражданина»); говорит, что снимает с себя всякую ответственность за боевую готовность корабля, ибо нужные специалисты массами уходят в боевые отряды для направления в Петроград во имя «углубления завоеваний революции».

Что ж, они прямо говорят: «не получат власти Советы — не нужен и флот и... ничего не нужно... мы не хотим власти капитала, а если ее нельзя скинуть никак, то — не все ли равно, чей капитал: русский, н е м е ц к и й, французский»...

15—00. Меня призвал Черкасский; у него сидел «хитрейший из хитрейших» — А. М. Щастный.

Мне молча протянули телеграмму, указав, что она расшифрована без контроля, ибо у нас фактически контроль еще не существует, хотя контролеры и присланы.

Содержание телеграммы таково: «по приказанию главковерха немедленно направьте в Петроград такие-то и такие-то части при такой-то артиллерии. Об исполнении срочно донести. Подпись — генерал Лукирский, нач. штаба главковерха», — и спросили мое мнение.

Я ответил, что надо ответить: «на №..... исполнено быть не может». Ибо нельзя вчера заявлять, что миноносцы не желаем посылать, а сегодня посылать войска. Ведь ясно же, что это не оперативное приказание!

Оба мужа обозвали меня простецом и рассказали свой план: ответить 1) «телеграмма №..... не расшифровывается», 2) «установлен контроль, прошу шифрованных телеграмм не посылать».

В Петрограде юнкера и некоторые части действительно готовы к борьбе и подавлению выступления большевиков, но и только — защищать Керенского и его правительство никто не хочет.

По рассказам приехавшего из Петрограда К. Зубова, атмосфера накалена, но обе стороны сдерживаются, не желая нападать первым... У кого окажутся крепче нервы?

Из Кронштадта уже высажена матросская часть.

17—45. Получено по телефону из Петрограда известие, что «Аврора» и «Амур» вошли в Неву, что на Дворцовой площади строят баррикады и идет уличный бой...

18—40. Мои хитрецы не сделали того, что хотели, относительно шифрованной телеграммы: она была сожжена, и ответ составлен так: «с вечера 24. X. здесь установлен контроль всех получаемых и отдаваемых приказаний».

Полагаю — должны понять.

26. X.

13—00. Свершилось. Временное Правительство свергнуто. Вчера вечером получена юзограмма с этой вестью.

У нас тут утром было маленькое совещание: Развозов, бар. Корф, Черкасский, Щастный, Онипко, Демчинский, я.

Корф сообщил о своих намерениях: со свержением Временного Правительства он здесь больше никого не представляет и не имеет никаких средств защищать русские интересы, почему слагает свои полномочия и прекращает всякую деятельность.

Далее он, лично, предоставляет себя в полное распоряжение комфлота.

Все признали это намерение правильным (надо отметить, что бар. Корф сейчас за генерал-губернатора Некрасова, который находится в Петрограде).

Комфлот заявил, что он стоит на прежней точке зрения исключительно военно-морских интересов.

14—00. Сейчас прочел новые телеграммы за подписью «Съезд Советов» — смертная казнь отменяется, все арестованные по политическим делам освобождаются.

Все министры, кроме Керенского, арестованы: Керенский бежал; приказывается всем его ловить.

Воззвания к железнодорожникам — сохранить порядок и не прерывать движение.

На фронте восстанавливается право свободной агитации...

16—00. Слух: образова́но новое правительство: председатель — Ленин, министр иностранных дел — Троцкий.

17—45. В 15 ч. 29 м. принята радио из Петрограда, в которой Петроградский Совет Р. и С. Д. призывает все корпусные комитеты прислать своих представителей по 1 на 25 000 чел. на Съезд Советов.

27. X.

С утра, как это стало теперь обычаем, сидел у Развозова; тут были Черкасский, Щастный, Демчинский.

Официально известно следующее: по инициативе «Балтийского флота» образуется комиссия для управления морским ведомством; капитан 1 ранга Модест Иванов, намеченный кандидатом для избрания на должность члена коллегии, был по радио запрошен о согласии и немедленно это согласие дал.

Другим кандидатом, повидимому, выставляется адм. Лесков (?).

Образовалась какая-то «Следственная комиссия особого назначения», которая арестовала и посадила в Нюландскую тюрьму полковника Нордмана (н-ка контр.-разв. отд. шт. ком. флотом); причина ареста — «политическая неблагонадежность»...

17—40. Tiens! Это ново! Занимаюсь в каюте, слышу чьи-то шлепающие шаги, входит мальчик в солдатской шинели: газетчик, предлагает — «Известия», «Прибой», «Социалист-Революционер» — это правоверная печать нашего времени.

Газетчик на корабле — мелочи новых форм быстротечной жизни.

В Центробалте слух, что Петроград осаждается войсками, присланными с фронта...

28. X.

За ночь — ряд событий: получены две юзограммы за подписью министра-председателя и верх. главноком. Керенского, который со-

общает, что во главе войск фронта, преданных родине, идет на Петроград, — им взята Гатчина без кровопролития, причем войска Петроградского Совета и матросы сдались.

В другой телеграмме он объявляет петроградское действо буйством шайки преступников и т. п.

Затем к аппарату юза из Петрограда был приглашен член Областного Комитета. Вызвал Ленин и начал передавать, что «положение критическое, войска Петроградского гарнизона устали ...», «необходима помощь, что можете прислать?»

На это Областной Комитет ответил, что могут послать здешнюю 128 дивизию, «Республику», миноносцы...

Дальше неизвестно, что говорилось, ибо дежурного офицера просили выйти: «разговор секретный»...

К утру мы узнали, что Ц. К. Б. Ф. решил и отдал приказ итти в Петроград крейсеру «Олег».

11—15. В каюте комфлота — обычное совещание.

Решается, если суда действительно пойдут, комфлот немедленно пошлет телеграмму главнокомандующему северным фронтом, что, при условиях впутывания кораблей в политику в ущерб войне, он более командовать не может.

Ночью к Черкасскому явился штурман «Олега» с вопросом о безопасных курсах и конвойных миноносцах. Князь ответил, что ни комфлот, ни штаб не отдадут распоряжения о посылке судов с политической целью; что, если корабль сам находит нужным итти, пусть обратится к тем, кто его посылает.

Есть сообщение, что в [?] сев. фронте образовался «Революционный Комитет», постановивший признавать только «Революционный Комитет Петрогр. Совета», что к нему присоединился генерал Черемисов, а комиссар Временного Правительства Войтинский подал в отставку.

15—00. Мы с Черкасским составили юзограмму от Развозова главнокомандующему сев. фронтом Черемисову — ссылаясь на нарушение его прав: посылка в Петроград четырех миноносцев, затем «Олега», задержание в Петрограде «Авроры» — все это несмотря на протесты и указания на недопустимость этих посылок в оперативном отношении, — комфлот заявил, что слагает с себя ответственность за оборону вверенного ему театра и просит указать, кому сдать командование.

17—00. Сейчас сидели в каюте комфлота, бар. Корф, Черкасский, Щастный, Демчинский; из Петрограда адъютант бывш. министра сообщил, что ничего существенного в газетах нет — почти исключительно распоряжения новой «власти» по продовольствию, а сверх того им в министерстве ничего неизвестно.

Все буржуазные газеты закрыты, что вызывает негодование даже «Новой Жизни» Горького. Вообще, вся социалистическая печать небольшевистского толка возмущена до крайности всей этой историей.

19—00. Перед обедом телеграмма об отставке комфлота была подписана Развозовым и прочтена призванному для этого нашему комиссару из Центробалта матросу Журавлеву.

Телеграмма произвела на него большое впечатление; он стал говорить, что теперь он и сам видит, что как будто ни к чему было посылать корабли, что они уже собираются их отозвать, да вот только сведений никаких из Петрограда нет: не дает гл. телегр. контора провода уже скоро сутки...

Журавлев просил обождать, не посылать сейчас; выражал опасение, что содержание ее дойдет до Керенского, и тот разъяснит ее своим казакам в нежелательном смысле: де матросы не хотят исполнять боевых приказов...

На это Развозов возразил, что в телеграмме этого нет, и ничто в ней не дает повода к такому толкованию...

В общем, комиссар удручен...

Телеграмма должна быть послана.

29. X.

11—00. Радио всем. «2-й Всерос. Съезд Советов опубликовал правительство в следующем составе: председатель Совета Народных Комиссаров — Ленин; по внутренним делам — Рыков; земледелия — Милютин: труда — Шляпников; по делам военно-морским — Антонов; по делам военно-морским — Крыленко; по делам военно-морским Дыбенко; торговли и промышленности — Ногин; просвещения — Луначарский; финансов — Скворцов; иностранных дел — Троцкий; — юстиции — Ломов; продовольствия — Теодорович; почт и телеграфов — Авилов-Глебов; председатель по делам национальным — Сталин.

«Новое правительство вступило в исполнение своих обязанностей, опубликовав ряд декретов. Министр Вердеревский согласился быть в морском министерстве, заведуя технической частью и не касаясь политики. В Гатчине находятся казаки во главе с Керенским.

«Навстречу им двинуты силы Военно-Революционного Комитета. V, VI, VIII, XI армии, Москва, Одесса, Псков, Смоленск, Рязань, Севастополь и другие города поддерживают власть нового правительства.

«Пока никаких столкновений между Петроградским гарнизоном и войсками Керенского не было. Настроение в Петрограде спокойное. В войсках единодушное сознательное отношение к происходящим событиям. Поступает целый ряд телеграмм о поддержке новому правительству.

Рев. Морск. Ком. № 130. Председатель В а х р а м е е в».

Эта радио была принята вчера днем, но не была нам показана...

Сегодня с утра она вывешена на доске, где вывешиваются объявления во всеобщее сведение.

Вчера вечером, когда юзограмма Развозова об отставке была уже подана в рубку для передачи, явился взволнованный председатель Центробалта и заявил, что они не могут допустить передачу этой телеграммы... ибо не хотят, чтобы Черемисов знал, какие силы посланы нами в Петроград.

Комфлот ответил, что, в таком случае, он составит акт о факте задержания телеграммы...

Этот человек тогда сказал: «пожалуйста, не посылайте телеграммы, мы согласны бы хоть сейчас отозвать корабли, да вот только не знаем — каково там, в Петрограде, положение! не дают проводов юза, не соединяют телефона!..»

30. X.

10—50. Вчера вечером получена радио от лица «членов революционного органа»; призывает не верить врагам народа и уверяет, что большевики вполне победоносны. Подпись «Олег».

Сегодня мы узнаем, что сюда идет яхта «Штандарт» на буксире «Ермака».

Так как были слухи, что Ленин и Троцкий скрылись, то у нас возникло предположение, что они идут сюда на «Штандарте».

Собрались в каюте Развозова: Черкасский, Щастный, Демчинский, я, — как быть? Черкасский предложил: с его появлением комфлот, начальник штаба, оба флаг-капитана заявляют, что они не признают власти Ленина и уходят, оставляя остальные чины штаба для «хранения дел».

Все согласны, что это правильно, но возражение в том, что такой план будет квалифицирован как измена... что лучше, может быть, просто ни в какие сношения не входить — пусть арестуют, а мы до конца будем на своем месте...

12—50. Получен письменный, формальный протест английского капитана 1 ранга Кроми против установления контроля над его сношениями.

Для передачи этого протеста вызван наш комиссар Центробалта Журавлев.

«Петропавловск», неожиданно для нас, снялся с камней (благодаря прибыли воды).

Завтра — начало выборов в Учредит. Собрание. Воображаю, что из этого выйдет!?

Вот где истинная наша трагедия: хозяин земли русской, признанная всеми власть — Учредительное Собрание рождается при условиях ужасающей распри — что это будут за выборы?

18—00. Только что говорил по юзу с Петроградом — генмором, с кап. 2 ранга Романовым. Спрашивал — нет ли вестей от англичан (на-днях была агентура, — правда, весьма сомнительная, — о возможной операции в Финском заливе) и, после разговора на эту тему,

считаясь с возможностью, что рядом с Романовым сидит какой-нибудь комиссар в роде тех, что у нас в радио-рубках, спросил его дипломатично: «не имеете ли еще чего сообщить по обстановке?»

На что последовал ответ: — «ничего не могу... ох... не имею вам сообщить...»: «ох»... на языке юза значит — «ошибся».

19—10. Сегодня утром протест Кроми против контроля, при надписи комфлота: «Требую немедленно снять контроль с флотилии иностранной державы» с указанием, что такое действие может вызвать «международные осложнения», был направлен в Центробалт. Там созвали совещание и решили немедленно снять контроль, о чем сейчас посланы соответствующие телеграммы...

31. X.

14—00. Из Петрограда вернулся Тимофеевский: он видел всех, кого можно: Вердеревского, городского голову, Комитет Спасения и т. п. После избиения юнкеров все успокоилось в городе, солдат мало — все ушли на «позиции», в городе много патрулей, магазины открыты. Позиция Комитета Спасения нейтральна, Городская дума враждебна большевикам.

Саботаж со стороны ведомств и населения продолжается.

При войсках Керенского находится В. Чернов, «селянский министр»; говорят, что дело принимает затяжной оборот, что Керенский хочет изолировать столицу, что не позже как через неделю большевистская власть лопнет.

Вердеревский, однако, думает, что вся эта неразбериха сможет продлиться с месяц.

С фронтов вести соответствующие: братания...

17—21. Радио с царскосельской радиостанции.

«Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту.

Народный комиссар Дыбенко».

2. XI.

11—00. В каюте комфлота — Развозов, Черкасский, Щастный, я.

Очередная сенсация — немцы сообщают по радио, что Сибирь отделилась от России и призвала к себе царем бывшего императора Николая II...

Другая радио за подписью Дыбенки и ряда революционных организаций объявляет о состоявшемся в Петрограде соглашении между казаками, юнкерами и гарнизоном — требовать Керенского в Петроград для «гласного народного суда».

Третья радио от новой организации — «Союза имущественного и трудового равенства» — с предложением через предста-

вителей нейтральных держав ко всем воюющим — перемирия на три месяца...

Сегодня ожидается большой скандал в городе. Какая-то «социальная реформа»: не то разгон сейма, не то драка между красной и белой гвардией...

Так или иначе Ц. К. Б. Ф. постановил не увольнять матросов на берег сегодня и завтра; вероятно, матросы обиделись — а как же офицеры? и, в дополнение, издан новый указ Центробалта: не сходить на берег и офицерам.

Утреннее совещание у Развозова.

Все тот же вопрос: где же предел нашему терпению? До каких пор должны мы подчиняться? Не иссяк ли уже наш основной стимул, ради которого мы жертвовали всем прочим, — война?

Во имя чего еще держаться?

Мы имеем сведения, что многие начальники и офицеры решили все вопросы просто и легко: «делать то, что сделает комфлот»...

Счастливцы!

А каково-то Развозову, зная, что за ним пойдут многие, решаться?!

У нас есть пример: на-днях, когда от миноносца «Деятельного» потребовали, чтобы он открыл огонь, стоя в Неве, по городу, командир лейт. Рыболтовский ушел с миноносца и скрылся; остальных трех офицеров арестовали и отправили в Кронштадт.

В газетах пишут, что в Черном море команды поставили офицерам вопрос ребром: «или вы за Советскую власть или...»

13—15. Имеем радио из Петрограда: Гатчина взята советскими войсками; генерал Краснов и штаб Керенского взяты в плен; сам Керенский — снова бежал...

Сегодня с изумлением прочел агитационный плакат списка № 3; там рядом с моей фамилией — напечатано: член президиума союза социалистов, товарищ председателя Исполнительного Комитета Гельсингф. Сов. Деп. I созыва...

Никогда не был в президиуме союза социалистов; мне крайне неприятна эта ошибка агитационного бюро; придется писать заметку в газетах, но ведь плакатов до тысячи, на ложь будут пальцами тыкать!

На плакате написано, что «захват власти одной партией есть насилие над волей народа», что «кто за волю большинства демократии Российской республики», с исключением «преступных крайних левых и правых элементов»...

Не думаю, чтобы этот плакат имел успех.

14—30. Через Демчинского просил агитационное бюро поместить в газетах заметку, что, по их недосмотру, вместо «член учредитель», написано «член президиума».

16—30. Подлинная сенсация: получена юзограмма генерала Духонина; он объявляет, что генерал Краснов донес ему о заключенном

с войсками Петроградского гарнизона перемирии и о том, что Керенский «скрылся»! Далее Духонин объявляет, что, на основании такого-то закона, он принимает на себя обязанности верховного главнокомандующего и приказывает немедленно прекратить всякое кровопролитие, запрещает всякое передвижение войск к Петрограду и призывает ожидать образования в Петрограде нового правительства.

Комфлот был в Центробалте; ему задали вопрос — как быть с жалованьем, с финской валютой?

Он ответил, что на 1. XI он озаботился и таким образом: до 20. XI деньги есть, а что будет дальше — вне его власти. Больше денег нет, и он не имеет возможности достать их.

То же и с мукой: выписанные для флота запасы расхищены по дороге; комфлот может писать только к министру, но министров не существует, может писать в министерство, но министерства бастуют...

Члены продовольственной секции ездили в Петроград, но ничего не сделали; председатель строго на них посмотрел и сказал: «просто ни чорта не сумели сделать, надо самому поехать... поеду сам — и хлеб будет!»...

Каждый день — ряд случаев, подчеркивающих полное наше безвластие; дошло до того, что целый полк (Лодейнопольский) уведен из Гельсингфорса без ведома (не говоря уже о разрешении) комфлота.

И вот только что был у нас (Развозов, Черкасский, я) разговор, что, так как фактически власть перешла к Советам, то надо разработать новый «modus vivendi»: составить какой-то устав, в котором точно указать область применения офицеров во флоте — оперативно-техническую...

3. XI.

12-00. Весьма любопытная телеграмма Черемисова: «Ком. арм. 1, 12, комфлоту (и другим адресам)...

«В 15 ч. 1. XI главковерх Керенский выехал из Гатчины неизвестно куда. Во временное и. д. главковерха вступил наштаверх генерал Духонин. Братоубийственная война под Петроградом прекратилась. Войска, собранные главковерхом в Гатчине, отведены назад. Приказываю всякие перевозки войск в районе фронта, кроме оперативных, прекратить, а также прекратить всякие самочинные передвижения войск. Всем начальствующим лицам совместно с комитетами принять все меры для поддержания порядка в войсках и обратить все внимание на прочное удержание ныне занимаемых позиций, п о к а с о с т о р о н ы п р а в и т е л ь с т в а н е п о с л е д у е т д р у г о г о р а с п о р я ж е н и я (!).

2 ноября 12 ч. № 2078. Ч е р е м и с о в».

13-00. Разговор за завтраком:

Щ а с т н ы й: «...Разве назначение всего живущего не есть переваривание пищи?»

Черкасский: «...Конечно... и жалованье 20-го числа».

Щастный: «...Которое идет на ту же пищу...»

Ренгартен Черкасскому: «...Тошно все это! Надо послать Черемисову телеграмму об отставке, что была тогда задержана...»

Черкасский: «...Зачем? Ведь это та же тога, в которую мы заворачиваемся, когда, ссылаясь на «спасение родины», «сохранение фронта», все отодвигаем и отодвигаем пределы... Это продолжается восемь месяцев, а предела все нет. Говорим: вот придет Ленин, тогда скажем: довольно ... Пришел Ленин, и мы остались... Говорили: вот придет гражданская война, нам скажут — посылайте суда... и офицеры скажут: нет! довольно! на гражданскую войну мы не пойдем... И вот пришла гражданская война, мы прикрылись фиговым листком бумажных протестов и... корабли пошли в Петроград. Может быть только два решения: одеть котелки и уйти или признаться в собственной подлости и продолжать катиться по наклонной плоскости во имя 20-го числа и пищи...»

Щастный: «...А может быть — мы стихийно принимаем участие в процессе распада...»

Черкасский: «...Еще одна тога...»

Мирбах: «...Ну, а представим себе, что вдруг все офицеры стали идеальны и все уйдут — не будет ли тогда во флоте еще хуже?»

Черкасский: «...Ну, конечно! Вот уже есть благовидный предлог служить, т.-е. получать 20-го жалованье...»

Щастный: «...Так, катимся, катимся, все равно, в голове, в хвосте, все — кучей...»

Черкасский: «...Опрохвостились!..»

17—30. Днем ходил в город с семьей и Сахаровым.

Встречаю дорогой бар. Корфа: «Не ходите... там стрельба, паника... около университета...»

Идем дальше, навстречу офицер: «Не ходите — там красная гвардия забирает банки»...

Идем дальше. На площади Salutorget часть оцеплена красной гвардией, рабочие с красными повязками на шляпах стоят — ружья наперевес. За ними идут весьма стройными рядами отряды красногвардейцев. Публика толпится, но пятится при окриках вооруженных людей. Далее видно запруженную народом площадь Сенатскую и слышен гул голосов и отдельные крики.

В городе ни трамваев, ни извощиков — все бастует.

Когда мы шли домой, слышали отдельный ружейный выстрел.

5. XI.

15—00. Вместе с Л. Сахаровым подали свои голоса; избирательная камера находится в нашем «салоне». На столе большой деревянный ящик, крышка которого запечатана несколькими печатями. На крышке — щель. За столом — дежурный член избирательной

комиссии принимает удостоверения, отмечает в избирательном списке, что голос подан, выдает конверт для вложения записки.

Угол каюты завешен, дабы избиратель мог «тайно» осуществлять свое право.

Я подал свой голос за список № 3.

Может быть, выборы и закончатся, может быть, даже удастся подвести им итоги; есть также вероятие, что соберутся члены Учредительного Собрания и даже удастся открыть его... но что будет дальше?!

Сегодня хотел говорить по юзу с Ревелем, но оказалось, что правительственный провод получить нельзя: по словам юзиста, ревельская телеграфная контора забастовала, не признает нынешней «власти». «Власть» рассердилась и объявила, что, если работа не возобновится, вся контора будет арестована и отправлена на фронт.

Обычный в наше время эпизод: было приказано летчикам с Бригитовки лететь на Даго для разрушения немецких ангаров. Отказались лететь: объявлен «декрет о мире», поэтому нехорошо обижать «товарищей немцев»...

8. XI.

Утром, когда флаг-офицер хотел послать за комфлотом его автомобиль, председатель Ц. Б. Измайлов заявил: «доведите до сведения комфлота, что автомобиль, по моему приказанию, пойдет на вокзал встречать «адмирала» М. Иванова...»

Сюда едет председатель Верховного Морского Комитета Модест Иванов.

Что делать — ясно; вопрос лишь в форме.

На совещании: Развозов, Черкасский, Щастный, М. Петров, я.

М. Петров. Надо придраться к случаю с автомобилем, заявить, что «требую переизбрания председателя Ц. Б.» или «ухожу с поста комфлота»...

Щастный. Слишком мелок этот случай; надо сделать это торжественнее: пусть на большом собрании флагманов Модест Иванов продекламирует свои взгляды и намерения... ему можно будет отвечать соответственной отповедью и заявить после этого о своем уходе.

Ренгартен. Вполне согласен с этим предложением.

Петров. Но это лишает нас приятной возможности игнорировать М. Иванова.

Черкасский. Ну нет! Он сам сюда явится и, все равно, уклониться от всякой встречи не придется.

Я. Со своей стороны, если не будут пускать, прошу разрешения уехать в отпуск; по последнему приказу имею законное право на пять недель...

Развозов. Нет — мы еще не дошли до грунта: мы все что-то ждали, что вот-вот — еще немного, и вся эта ерунда сокрушится, на-

ступит нечто приемлемое. На деле же новая власть и не думает падать, но, наоборот, глумится. Больше того: на «Республике» большевиками уже недовольны, хотят большего. В Ц. К. Б. Ф. уже завелось 15 анархистов... Советы больше не удовлетворяют, требуют не много, не мало— анархии! Мы не должны участвовать в переходе от Советской власти к анархии.

Щ а с т н ы й. Русский народ и по складу ума и по привычке управлять «миром» весьма склонен к тихому бэдламу. Я думаю, что наиболее длительным из периодов революции будет анархический... В самом деле — система «подскочи» наиболее свойственна нашей природе и духу.

Ч е р к а с с к и й. Итак — доехали! Решено; а там, пусть поступают с нами по «местным законам», дальше видно будет.

Р а з в о з о в. Да. Так и сделаем.

В вечером у Развозова был Модест Иванов: явился в качестве начальника 2-ой бригады крейсеров, чтобы узнать, можно ли сдавать бригаду Дмитриеву.

Подумаешь, какая дисциплина! А уехать самовольно можно было!

Он рассказал, что войдет в новое правительство в качестве морского министра, что он идет с большевиками из любви к офицерам, желая своим влиянием спасти офицеров от ожидающих их бедствий, до безработицы включительно; что правительство в вопросе о мире не может действовать иначе, ибо доподлинно известно, что армия с наступлением зимы все равно ушла бы домой. Правительство своим шагом хочет удержать армии в порядке (!?) и придать планомерный характер (??) эвакуации...

Решено, что, когда он станет министром, он официально сюда явится на собрание флагманов и капитанов, где предполагается декларировать «исход».

9. XI.

11—45. Можно считать, что правительство Крестьян и Рабочих декретировало анархию на фронте...

Верховным главнокомандующим назначен — прапорщик Крыленко.

Радио — передана на немецком языке 23-00. 8. XI. 1917.

«В о з з в а н и е к м о р я к а м г е р м а н с к о г о ф л о т а.

«Братья по пролитой крови и труду, моряки германского флота!

«Обращаемся к вам с сердечным и искренним призывом, свергайте ваших угнетателей, эксплоатирующих вашу силу и труд!

«Товарищи матросы германского флота!

«Следуйте примеру ваших братьев — русских моряков Балтийского флота, которые гордо подняли красное знамя восстания.

«Товарищи! Открыто и честно вам заявляем, что в России сам народ взял власть в свои руки и управляет всей Российской Республикой!

«Надеемся, что и вы отзоветесь на наш братский призыв, сбросите с себя рабские цепи империализма и дружно, вместе, провозгласим:

«Долой кровавую бойню, затеянную капиталистами и царями!»

«Да здравствует братский мир народов любви [?] всего мира!

«Да здравствует Третий Интернационал!

«Да здравствует соединение многострадальных в бушующих волнах морей и океанов моряков всего мира!

Центральный Комитет Балтийского флота. 5. XI. 1917».

Один из характерных штрихов революционной тактики:

Разговор по юзу между Дыбенко (в Петрограде) и председателем Ц. К. Б. Ф. (в Гельсингфорсе). Говорят о возможности, что офицеры не будут подчиняться большевистской власти.

Дыбенко замечает: «...Офицеров можно отпустить, но не в резерв, а... матросами, в кочегарку! ...а от тех, что теперь в резерве — отобрать жалованье!...»

Один из многих эпизодов, характерных с точки зрения неприкосновенности жилища:

Нынче ночью меня разбудил звонок телефона: говорят из квартиры жены Петухова — просят помощи: к ним стучатся в окна и двери матросы...

На помощь пришли и с «Кречета» и из «Секции охраны народной свободы».

Выяснилось, что матросы «Деятельного» искали бежавшего командира, вероятно, чтобы «судить не по закону, а по совести».

Жена Рыболтовского сама не знает, где ее муж, и, боясь оставаться в своей квартире, ночует у Петуховых. Матросы же с «Деятельного» не верят этому, ибо какая-то прислуга уверила их, что видела Рыболтовского...

Сегодня Советская власть исполнила свое обещание — она «приступила к опубликованию тайных договоров»... Это всего лишь секретная переписка министров иностранных дел. Я ожидал большего. Правда, это только начало.

Здесь был сегодня capt. Cromie; он только что из Петрограда. Он дружески сообщил мне, что заключение сепаратного мира могло бы привести нас в состояние войны с ними, на что я возразил, что не найдется для этой войны русских офицеров. Он очень озабочен судьбой своей флотилии, и мы совещались на этот счет у Развозова.

На иностранных послов произвело наибольшее впечатление опубликование секретной переписки (это откроет немцам ряд шифров!). Особенно боятся опубликования переписки о Дальнем Востоке: что-то союзники нечистое договаривали, как будто в ущерб Японии и Америке...

Теоретически — согласен, что тайная дипломатия есть величайший разврат и кладезь чудовищной подлости. Но... во что обойдется это России?

14—40. Когда были призывы в баталионы смерти для борьбы с врагом внешним на фронте, «революционные матросы» с презрением отвергали такие предложения.

Теперь кликнут другой клич:

На борьбу междуусобную, на войну гражданскую, на фронт русско-русский или петроградско-донской, или ленино-калединский...

И «революционные матросы» восторженно записываются в добровольцы!

Вот они идут к «Штандарту» по стенке, за оркестром музыки, играющим марсельезу.

14. XI.

16—00. Мне предложили взять на себя чтение лекций по электротехнике в Матросском университете. Электротехнический факультет организуется Демчинским. Курс 5 месяцев.

Это значит — 9 часов в неделю делать дело нужное, полезное и, кажется, хорошее.

Я дал принципиальное согласие.

Утром тягостное собрание у Развозова.

Сидели два представителя Центробалта.

Вопрос шел о зимней дислокации. Развозов сообщил им, как он приказал распределить суда, и заявил, что никаких претензий по этому поводу принимать не будет, и пусть Ц. Б. сам разрешает все могущие произойти недоразумения...

Попутно, невольно, задевались общие места.

На замечание комфлота, что нынче нет свободы слова, один из двух представителей Центробалта дал такую реплику, сказанную с полным сознанием своей непогрешимости: «свобода слова не значит — свобода лжи... это все, что я имел заявить!».

На другое замечание Развозова, что флот принадлежит всему народу, и высшее управление им не может зависеть всецело от воли 30.000 человек его личного состава — ничтожного меньшинства по сравнению со 180.000.000 [?] населения России — на это второй представитель Центробалта, стиснув зубы, твердо заявил: «не 30, а 65.000 человек!».

По поводу чего первый еще добавил: «...А Совет Народных Комиссаров поставлен волею представителей 12.000.000-ной армии!...».

Таким образом каждый остался при своем мнении.

Ко мне приходил Кроми; я утешил его, рассказав о совещании с представителями Центробалта, о том, как один из них убежденно заявил, что «наши главные враги — Франция и Англия...».

Кроми последовал моему совету и собирает все свои лодки в Ганге. Мы долго говорили с ним о текущих делах самым дружественным образом.

Он спросил, не было ли бы полезно ему явиться в Центробалт и поставить ребром вопрос: считают ли они Англию врагом или другом и дать на ответ 24 часа...

Я возразил, что пока Развозов находит возможным командовать флотом, Кроми надлежит игнорировать всякую другую власть и считаться только с властью командующего флотом, особенно, пока с ним (с Развозовым) считаются. Но может, и очень скоро, притти время, когда такой шаг был бы весьма целесообразен.

Вчера в Ботнике, близ Ментилуото, взорвался на немецкой мине и погиб миноносец «Бдительный». На нем погибли все офицеры, из матросов спасено только 10 человек.

Среди офицеров — начальник дивизии капитан 1 ранга В. Кедров, командир миноносца лейтенант Мусселиус, мичман Тихомиров и еще двое.

Прошли выборы на «Кречете»:

левых с.-р.	113
большевиков	105
офицеров	30
правых с.-р.	10
Лопатин	5

В Петрограде победили большевики — они получили 6 мест; за ними кадеты — 4 места и с.-р. — 2 места. Прочие ни одного.

Весьма характерно.

19. XI.

1 — 00. Вчера в газетах опубликовано обращение Временного Правительства за подписью всех тех его членов, которые не арестованы и не ушли в отставку. За председателя — Прокопович. В обращении этом Временное Правительство объявляет все акты Совета Народных Комиссаров незаконными, призывает к сплочению всех вокруг Учредительного Собрания, подтверждая незыблемость договоров с союзниками, указывает на недопустимость и позор сепаратного мира и т. п.

Одновременно опубликовано постановление об открытии Учредительного Собрания 28. XI. в 2 часа дня в Таврическом дворце...

Этот голос Временного Правительства, которого, в сущности, нет, но которое все же существует, прозвучал как-то странно, из небытия.

Сегодня (т.-е. 18-го [1])) ни одна газета, напечатавшая обращение Временного Правительства, не вышла, т.-е. снова закрыты все газеты, кроме большевистских и «Новой Жизни»!

Но этого мало: распущены Московская и Петроградская городские думы, т.-е. Военно-Революционный Комитет распускает органы само-

---

[1]) Так в подлиннике.

управления, избранные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Результаты голосования в Учредительное Собрание по Балтийскому округу:

Ленин	60.000 гол.
Дыбенко	
Шишко	30.000 »
Прошьян	
Цион	12.000 »
Маслов	
Демчинский	2.000 »
Ренгартен	

20. XI. «Кречет».

19-50. Из дому вышел только в 13 ч., чтобы итти на открытие электротехнических курсов Матросского университета.

Подойдя к набережной, увидел на рейде много кораблей под красным флагом... еще вчера на этих кораблях развевался Андреевский флаг, что свидетельствовало о принадлежности их к России.

Итак — первое впечатление дня: красные кормовые флаги.

По дороге встретил Демчинского, заведующего электротехническими курсами. Он рассказал мне, что в ночь на 19-е в 3-м часу к юзу был вызван Альтфатером из Пскова командующий флотом и начальник штаба. Оба были дома, разбужены и вызваны на «Кречет». Альтфатер сообщил, что было сношение северного фронта со ставкой, из коего видно, что союзники согласны на заключение нами сепаратного мира с немцами, что из Петрограда едут и на рассвете будут во Пскове два офицера генерального штаба, назначенные в делегацию военными экспертами, что необходимо к их приезду знать мнение комфлота о гарантиях, которые мы должны потребовать как условия заключения перемирия.

Командующий флотом спросил: делается ли это с предварительного согласия союзников?

На это последовал ответ: «П о в и д и м о м у, да».

Тогда комфлот заявил, что признает в качестве обязательного требования: возвращение нам Балтийских островов, увод германских морских сил из Рижского залива, проведение демаркационной линии на время переговоров о мире — Виндава-Готланд.

Так начался этот печальный день.

С утренним поездом приехал из Петрограда капитан 1 ранга Модест Иванов, и начались чудеса.

Он явился на «Гражданин» и приказал поднять «свой» флаг морского министра.

Командир отказался исполнить это приказание без разрешения командующего флотом. Развозов одобрил действия командира и не разрешил подъема флага министра.

Тогда Модест Иванов отправился в Центробалт, куда скоро был приглашен и Развозов.

Произошло заседание, весьма тягостное и нелепое по содержанию и грубое и бурное по форме. Часть собрания прямо искала повода для оскорбительных выходок по отношению к командующему флотом: некоторые ораторы в сильных местах стучали кулаком по столу, раздавались крики «долой», «требую», «мы не позволим», «мы сметем», «штаб надо встряхнуть так, чтобы все полетели вверх ногами»...

Были и личные, резкие и несправедливые нападки на командующего флотом.

В конце концов утомившееся от криков собрание постановило:

1. Сообщить на все суда, что на «Гражданине» поднят флаг морского министра — Модеста Иванова, все приказания которого подлежат беспрекословному исполнению.

2. Обсудить в особом заседании Центробалта 20-го линию поведения комфлота и его штаба.

Когда я пришел с открытия электротехнического отделения Матросского клуба на «Кречет», то застал там, в ожидании конца заседания Центробалта, в каюте комфлота Бахирева, Тимирева и Черкасского.

Шли разговоры — как быть, что предпринять. Бахирев ходил по каюте взад и вперед и изредка угрюмо бормотал, что «довольно»...

По возвращении Развозова он рассказал о заседании; было решено 20-го в 9 час. утра собрать на «Кречет» флагманов, чтобы принять общее для всех решение.

Так как приказание о подъеме флага министра теперь исходило от признаваемого Центробалта, то от комфлота командиру «Гражданина» послана записка с подтверждением, что подъем флага разрешается.

Вечером с «Гражданина» всем — семафор:

«Морской министр просит комфлота, нач. штаба и всех флагманов прибыть на «Гражданин» в 10 час. утра 20 ноября».

В это время на «Кречете», в частном порядке, обсуждалось положение — в столовой сидели: Развозов, Черкасский, Вилькен, я, М. Петров и другие офицеры штаба.

Печальная была беседа.

Разговор шел о Модесте Иванове как о провокаторе-авантюристе; дело казалось ясным: сказать ему, что о нем думают, и заявить, чтобы он убирался к чорту.

Все соглашались, что это, пожалуй, самое лучшее, что можно сделать, ибо как можем мы признать министра из правительства Ленина, которое не признано страной и является узурпатором власти накануне Учредительного Собрания...

Но Развозов говорит, что мы не можем не считаться с Центробалтом и со съездом всех морей, который, как оказывается, недавно собрался в Петрограде и принял кандидатуру Иванова на пост министра... что он, Развозов, на собрании Центробалта открыто и категорически заявил о непризнании им власти Совета Народных Комиссаров, но такого признания и не требуют от него, что конфликт создается на почве предположения, что мы, т.-е. комфлот и флагманы и вообще офицеры — не желаем признавать власти демократии вообще.

Черкасский высказался определенно, что комфлот и он должны заявить Иванову, что, будучи назначены Временным Правительством, они не могут признать над собою его власти и слагают свои полномочия.

М. Петров предложил, чтобы представители Промора (Вилькен и он) заявили Иванову, что считают его приезд приемом провокаторским и что если в результате возникает острый кризис, то офицерство пойдет не за ним, М. Ивановым, но за комфлотом — Развозовым.

Я предложил — чтобы комфлот и начальник штаба не шли ни на какие условия, а просто заявили бы, что, как назначенные Временным Правительством, его, Иванова, не признают и слагают свои обязанности, передавая все свои полномочия Центробалту, настаивая при этом, чтобы всем офицерам, не признающим власти, непризнанной страною, была дана возможность уйти, куда пожелают...

Наконец, порешили, что свидание с Ивановым все же состоится, что Развозов заявит ему, что мы требуем, чтобы до созыва Учредительного Собрания (до чего осталось лишь 8 дней) нас оставили в покое: пусть будет все, как есть сейчас.

А по созыве Учредительного Собрания оно создаст власть, которой все мы беспрекословно подчинимся. Потом решили, что Вилькен с Петровым теперь же разыщут М. Иванова и передадут ему это решение; если он его отвергнет, мы идем на конфликт.

Однако поиски Иванова не увенчались успехом — ездили за ним по городу, и на катере, на «Гражданин» — он как сквозь землю провалился; никто не мог указать, куда именно.

Черкасский думает, что не миновать ему и Развозову Петропавловской крепости; пришел вечер и неопределенные перспективы на ночь. На случай ареста и прочих случайностей — комфлот и начальник штаба решили ночевать на корабле. Я тоже решил это сделать.

20. XI.

9—15. Каюта комфлота. Собираются флагманы.

Так как вчера не удалось найти Иванова, то Вилькен сейчас отправился к нему на «Гражданин».

Только что получена из ставки юзограмма, что, по официальной справке, слух, будто союзники выразили согласие на заключение нами сепаратного перемирия, н е п о д т в е р д и л с я...

9—30 все собрались, началось совещание.

Развозов рассказал о вчерашних событиях, о создавшемся положении, о позиции Центробалта, об отсутствии твердого, определенного настроения в офицерстве, в результате чего он полагает, что надо ехать к Иванову и заявить мнение обо всем этом флагманов.

Б а х и р е в. Не стоит ехать... если офицеры — такие шляпы и не могут себя защитить, то... пусть пропадают...

Р а з в о з о в. Я все-таки думаю, что так как Центробалт поставил дело в такую плоскость — непризнания власти демократических организаций, чего на самом деле нет, то мы не можем итти на конфликт. Я хочу сказать Иванову: «Ваш приезд сюда, за восемь дней до созыва Учредительного Собрания, поставил нас в крайне тяжелое положение, и вы должны все это уладить, чтобы мы могли спокойно ожидать власти, Учредительным Собранием поставленной, которую все безусловно признают».

Б а х и р е в. А по-моему — не стоит — правда? Когда-нибудь же надо в рыло!..

П а т т о н. Еще нет. Флот еще надо поддерживать: вот как только заключат мир, — мы уйдем...

Б а х и р е в. Наглость дальше и дальше идет... когда-нибудь надо кончать!..

(Все молчат. Продолжительная пауза.)

Б а х и р е в. Эксцессы! Пусть будут эксцессы!..

П а т т о н. До сих пор менялись правительства, и нашего мнения не спрашивали. Спрашивали только, признаем ли мы демократические организации, и мы всегда отвечали: да... а вопрос о признании или непризнании власти вообще, сам по себе, нелеп... она есть, не надо обострять.

Б а х и р е в. ...Пора обострять!

З а р у б а е в. Если мы пойдем на открытый разрыв, то не сможем обеспечить для офицеров безболезненной демобилизации... я не знаю — будет ли это правильно. Я на бригаде еще могу кое-что сделать, меня признают...

Б а х и р е в. Эта почва больно скользкая!..

З а р у б а е в. Если признавали Керенского, то почему не признавать Ленина?

Т и м и р е в. Все-таки разница... Я, с своей стороны, вполне одобряю план, что предложил Александр Владимирович...

Б а х и р е в. Да ведь так — конца-края нет...

П а т т о н. Мы, раз признаем комфлота, должны итти за ним и его поддерживать.

Т и м и р е в. Конечно — да!

Р а з в о з о в. В виду того, что до Учредительного Собрания остается лишь восемь дней, я поставлю ему (Иванову) условие, чтобы до созыва Учредительного Собрания не было произведено никаких изменений в личном составе. Они собираются сегодня судить меня и

штаб за вчерашнюю историю с флагом. Об этом его (Иванова) хотел поставить в известность Промор. В смысле офицеров и их сплоченности, мы знаем от того же председателя офицерского союза, что такой сплоченности нет.

Черкасский. А если Модест Иванов скажет, что он не согласен ждать Учредительного Собрания, что ныне вся власть в руках демократии, и дальнейшее зависит от нее, он же мешать ей не намерен?..

Развозов. Тогда я отвечу ему, что я назначен Временным Правительством и этого нового порядка признать не могу...

Бахирев. Надо прямо сказать: «Не признаем вас и — шабаш. К чортовой матери ступайте...»

Развозов. Я сбит с позиции постановкой вопроса, сделанной Центробалтом, которого мы признавали раньше, признаем и теперь.

Теперь все это дело перешло в сферу театральную: поднят флаг выборного министра, и под ним задан вопрос — признаем ли мы власть народа или хотим ей противиться?.. Они действительно верят, что он избран народом, что ему поручена лишь техника, что политика тут не при чем...

Конечно, всякая уступка влечет другие уступки; но ведь — до созыва Учредительного Собрания осталось только восемь дней, а там все будет выяснено, придет конец колебаниям...

Мне кажется, что нам особой демонстрации делать не следует, мы подчеркнули бы только, что идем против Центробалта, чего, на самом деле, нет.

Развозов. Фактически — власть в их руках. Это движение исторически создалось, невозможно его не признавать.

Черкасский. Таким образом, дальнейшие шаги таковы: признать Модеста Иванова министром и, значит, поддерживать правительство комиссаров, прикрываясь признанием демократических организаций... это так? au claire, без шифра!.. И впоследствии что бы наш сосед ни выдумал... сегодня будут судить комфлота и его штаб... завтра комфлотом назначат матроса...

Или мы идем на все это, и тогда — признаем министра — или надо сказать: нет. По-моему — нет. Довольно!

Паттон. Нет. Мы можем сказать, что требуем не смены комфлота. Мы будем протестовать против смены, ибо она не вызывается никакими военными и техническими причинами...

Развозов (обращаясь к Вейсу). А ваше мнение?

Вейс (помолчав). Согласен с Николаем Ивановичем (Паттоном).

Тимирев. Если будет сменен командующий флотом, то мы все уйдем...

Ружек. Все — рапорты подадим, и больше никаких.

Развозов. Так, как же, Михаил Коронатович, давайте — поедем...

Б а х и р е в. ...Я вашему приказанию подчинюсь, но и там скажу то же...

П а т т о н. Мне кажется, что нам не надо поднимать самим какие-либо вопросы. Мы идем за командующим флотом и присоединяемся к его заявлениям...

Ч е р к а с с к и й. Таким образом, большинство за то, чтобы признавать.

Б а х и р е в. Выходит — и поддерживать это самое правительство.

Ч е р к а с с к и й. Ну, нет.

Т и м и р е в. Это же совсем другой вопрос...

Р а з в о з о в. Наш приезд есть акт чисто политический во исполнение приказания Центробалта, в руках коего единоличное распоряжение в сфере политической...

Скажу ему, что его приезд сюда и действия есть поступок демонстративный, направленный к разрушению флота, нами всемерно осуждается... и спрошу его, что он, собственно, имеет нам сказать?

Б а х и р е в. Что он такое может сказать? Мы даже и предположить не можем, чего он там наговорит!..

(Все молчат.)

Б а х и р е в. Давайте еще перебаллотируем... не ехать просто на просто...

(Все молчат. Молчание неловкое и тягостное.)

Р а з в о з о в. Так как же: ехать или не ехать?

Б а х и р е в. Нет!

Р а з в о з о в (к Вейсу). А вы? (Вейс молчит.)

Р а з в о з о в (к Тимиреву). А вы?

Т и м и р е в. Ехать...

В это время доложили, что катер у трапа, все поднялись и вышли; последним — Бахирев, который с сердцем хлопнул дверью, проворчал со злобой что-то; я расслышал: «испить чашу унижения...», и жалко было, что дверь не хлопнула — так устроена, что не может хлопать.

Дальше произошло нечто неожиданное.

Когда комфлот с флагманами были готовы отваливать, к трапу подошел катер с «Гражданина», из которого вышли Модест Иванов и председатель Промора — Вилькен.

Все вместе вернулись в каюту комфлота. Расселись так, что Модест Иванов, на стуле, оказался лицом к собранию, сидевшему полукругом. Рядом с ним Вилькен. А в полукруге справа налево: Паттон, Развозов, Бахирев, Зарубаев, Вейс, Тимирев, Черкасский, Ренгартен, М. Петров, Ружек, Демчинский.

9—55. Открывается новое заседание.

Председатель Промора докладывает о содержании своей беседы с М. Ивановым.

В и л ь к е н. ...Я сказал капитану 1 ранга Иванову, что Промор считает приезд его сюда при существующих условиях, за восемь дней до открытия Учредительного Собрания, актом, вызывающим конфликт, в котором офицерство за ним не пойдет. Я сказал ему, что приглашение явиться к нему к 10 ч. всем флагманам есть обострение конфликта, ибо если комфлот и флагманы не придут, устранить последствия будет уже невозможно. Дело осложняется еще тем, что события вчерашнего дня вызвали на сегодня, в 2 часа, в Центробалте суд над комфлотом и его штабом...

Я указал капитану 1 ранга Иванову, что если он сейчас же поедет к комфлоту, то, быть может, удастся в более нормальных условиях притти к определенному решению.

На это капитан 1 ранга Иванов ответил мне: «...Зачем же вы раньше не сказали мне об этом? Я с удовольствием приехал бы и сделал со своей стороны все возможное!..»

Р а з в о з о в. Я хочу сообщить нашу точку зрения. Вчера в Центробалте вопрос был поставлен неверно — говорили о связи между признанием вас и признанием правительства...

М. И в а н о в. Я — не член правительства.

Р а з в о з о в. Мы решили, что неприезд к вам — есть акт непризнания Центробалта, чего на самом деле нет, и потому решили к вам приехать.

Ваш приезд сюда и форму, в которую вы его вылили, я не мог понять иначе, как желание вызвать конфликт. Если бы вы прямо пришли ко мне, это не было бы ничьим умалением. А ваш приезд на «Гражданин» сразу же поставил в тяжелое положение командира «Гражданина» и повлек за собою ряд неприятных последствий... Все это дало нам повод думать, что вы решили умышленно создать конфликт.

Вот причины, по которым я собрался ехать к вам, и вот, что имел намерение вам сказать.

М. И в а н о в (немного возбужденно). ... Я решил, что впредь никогда больше ни с кем не буду говорить с глазу на глаз... Я буду теперь ставить все вопросы ребром, открыто, при всех...

Я был у вас, Александр Владимирович, когда просил разрешения сдать бригаду Ст. Дмитриеву, мы говорили с вами. Вы сказали, что желаете мой приезд... Вы говорили мне, что хотите уйти... «...подыщите мне заместителя...» — значит, вы тогда признавали, а теперь...

Р а з в о з о в. Я вас тогда поставил лишь в известность о моем двукратном обращении по телеграфу к генералу Черемисову об освобождении от командования флотом, что оба раза телеграммы эти не были допущены комиссаром...

М. И в а н о в (продолжая волноваться). ...Я в Петрограде говорил один-на-один с Вердеревским — сказал ему, что я назначен товарищем морского министра, предлагал ему сговориться о

совместной работе... Он меня выслушивал, отвечал... А что из этого вышло?..

Я все время предлагаю устроить, наладить дело... Я готов выступить где угодно и дать ответ на все вопросы и объяснения всех моих действий...

В Петрограде был съезд представителей всех морей, на котором решено поднять власть командующего флотом...

Почему там не было представителей от офицеров?.. Вы далеки от жизни... Вы не знаете, что происходит... Вы замкнулись в себе... Я один должен защищать там интересы офицеров... Если бы меня не было, не удалось бы отстоять Андреевского флага: только благодаря моим настояниям было принято решение только временно заменить все флаги красными... это — шаг политический, ибо иначе часть русского флота уже стояла бы под украинским флагом.

Мои намерения и поступки толкуются предвзято и неверно; я не знаю, почему ко мне так дурно относятся?

Р а з в о з о в. Потому, что те лозунги, которые выкинуло правительство, настолько несостоятельны и гибельны по последствиям, что совершенно неприемлемы для нас. Сепаратный мир мы считаем изменой по отношению к союзникам... Подобная политика нынешнего правительства непонятна и нам претит... вот почему и к вам такое отношение.

М. И в а н о в. Но дело в том, что я — не член правительства! Мне было предложено войти в Совет Народных Комиссаров, и я категорически отказался! Я — не большевик и не партийный человек и политикой не занимаюсь. Меня пригласили как техника. Я мог бы предложить способ обеспечить полную неприкосновенность личного состава...

Третьего дня в генеральном штабе собрались офицеры. Я пришел, спросил разрешение присутствовать; меня просили обождать. Я обождал, пока они решали, пускать или не пускать. Решили пустить. Тогда я просил разрешение участвовать в прениях. Меня просили на минутку выйти — стали обсуждать, допускать или не допускать. Решили — разрешить. Я сказал там, что хорошо знаю настроение масс народа, но не знаю настроения министерства, я объяснил лишь мою непричастность к политике и мои намерения в отношении флота и офицеров и... в результате, на другой день тот же Беренс принял место...

Ведь право смешно... граф Каннист, начальник морского генерального штаба, собирает своих подчиненных, подговаривает их бастовать... он был арестован — я к этому не причастен...

Потом понадобился эксперт в делегацию для переговоров о перемирии, я пригласил кап. 1 ранга Доливо-Добровольского. Когда он узнал все, он принял мое предложение и уехал сияющий!..

Вы сидите здесь в тупике. Вы изолированы и мертвы и не знаете, какова жизнь и каковы ее требования.., а когда является человек, ко-

торый согласен за все отвечать, на все дать определенные разъяснения, который в курсе всего и хочет всем помочь, вы не желаете его знать и относитесь к нему с предубеждением...

Развозов. Захват власти создал такую обстановку, в которой разобраться трудно, — от нас теперь просто скрывают многое, и мы, действительно, многого не знаем. Неудивительно, что и в офицерстве, достаточно потрясенном, нервы натянуты и нет надлежащего единодушия. И это верно, что жизни мы не знаем...

М. Иванов (уверенным тоном, откинув голову, смотря вверх). В будущем строительстве жизни вы — мертвецы.

Развозов. Но ведь дело в том, что декреты Ленина и приказы Крыленко таковы, что окончательно разваливают армию и ставят мир в условия самые невыгодные для нас. И мы не можем этому содействовать...

М. Иванов. Жизнь идет своим чередом... Я это чувствовал и пошел в министры, ибо видел, что выхода нет вне прямого участия. Я хотел предложить способ — вместо Центробалта и штаба — создать один орган, т.-е. институт комиссаров в отделениях штаба, и тогда Ц. Б. станет не нужным...

Развозов (перебивая). Они желают совсем не этого... Они желают убрать штаб вовсе и создать, по-своему, секции... технически получится ерунда и чепуха, и никакое дело с места не тронется...

М. Иванов. Так надо, чтобы офицеры приняли сами участие... Вы не знаете: я имею в виду, что комиссарами будут офицеры...

Сейчас создается совет 20-ти, который войдет в предпарламент и будет высшим органом для флота... Вы знаете, ведь адмиралтейств-совет упраздняется.., а офицеров в этом новом совете нет, а они должны там быть...

Ну как же выйти из этого положения? Вы предполагаете что-нибудь?

Развозов. Когда будет правительство, признанное всей страной, то дело сделается само собою. А до тех пор я никакого выхода не вижу...

М. Иванов. Выборное начало безусловно пройдет, но в общегосударственном масштабе... Нельзя допустить, чтобы оно вошло в жизнь самочинно, решениями отдельных комитетов; надо выходить из всех этих положений созданием определенных законов... законопроекты пишутся.

Развозов. Конечно, нужны уставы. Но надо дать нам возможность ознакомиться с их проектами...

М. Иванов (реплика). Мертвая отписка. Вы не знаете, как они представляют себе выборное начало.

Развозов. Не знаю, ибо желание офицеров — чтобы им не мешали исполнять их обязанности...

М. Иванов. Я говорю о том, что приехал сюда не для того, чтобы принизить, но чтобы поднять офицерство... за офицеров теперь я один. Вы же закрываете глаза на действительность... Я предлагаю такой выход: в 2 или 3 часа созовем митинг офицеров — пускай задают мне вопросы, я на все отвечу... не беспокойтесь — в толпе могут быть свистки, крики, брань — на меня все это не подействует. Самолюбия у меня — ноль...

Кроме того, мне не нужно никаких почестей, ни караулов; вот, вы помните, Александр Владимирович, как вас встречали почетным караулом в Мариенхамне... это же ужас, парад, почет, а рядом матрос пускает дым папиросы вам в лицо...

Этого не нужно делать... и Лебедев, помните, требовал почестей, и почему же вы находили возможным признавать министра в поручике французской армии?

Если я взялся за дело, то только потому, что команда относится ко мне с огромным доверием. И вовсе не потому, что я подлаживался... Про меня распространена неправда... И эта история с увольнением меня в резерв; по слухам, не проверив, не разобрав!.. Потому только, что штаб находит это нужным.

Я, действительно, видел в представителях команды, в комитетах— лиц официальных и относился к ним с должным уважением, прочая же команда знала и видела во мне на корабле только своего начальника бригады...

А вы не видите действительности... Штаб — вещь колоссальной силы, влияние его огромно, и я должен сказать, что, действительно, «Кречет» — накануне взрыва... офицерство замкнулось и ничего не понимает... Понятие об Учредительном Собрании — у вас неверное...

Развозов. Может быть, наши взгляды и не соответствуют, но они какие есть, такие и есть, — и с этим надо считаться... Офицерство старается прежде всего сохранить флот... Я считаю, что до Учредительного Собрания ничего менять нельзя... весь вопрос заключается в системе власти... Власть, установленная захватным порядком, претит офицерскому сознанию... и вот — причина всех конфликтов...

М. Иванов. Мне сказали, что Промор, что все офицеры — уйдут, если уйдет комфлот, — я в это не верю... и зачем это, когда мои намерения — спасти, помочь офицерам...

Развозов. Если ваши намерения таковы, то и надо ждать Учредительное Собрание...

М. Иванов. Вы, Александр Владимирович, превосходный офицер, отличный командующий флотом, но вы слишком упорны и упрямы... как Александр Васильевич Колчак... упорство ужаснейшее...

Вы погубите флот. Вы должны уйти, но нельзя, чтобы это случилось с конфликтом; вы должны уйти с помпой... Вы не отдаете себе никакого отчета о том, какова действительность.

Слушайте, решено, что правительство, до Учредительного Собрания, должно быть ответственно перед «Народным Советом»; так ведь идет спор, сколько мест отвести одному съезду... и решено, что если политическая физиономия окажется левой, дать 20 мест, а правой — 2 места... это действительность, это жизнь... Нам нечего и неоткуда ждать помощи. Спасать флот надо нам самим.

Р а з в о з о в. Сохранение флота было нашей основной задачей... Всякие нападки на офицерство при таких условиях всегда могли иметь одну явную цель: посеять раздор и развалить флот, но мы и посейчас стоим на своей точке зрения и желаем сохранить флот как военную организацию... С политической стороны — мы ничего не можем... Я не знаю, чего хочет мой сосед? Власть в их руках. Они могут прийти сюда с караулом и выгнать нас всех. Они этого не делают, ибо не хотят явно развалить флот своими же руками. Но они хотят другого: они хотят, чтобы я думал так, как они, чтобы я верил в социализм, в их идеалы. Мы не знаем даже, что это такое. Общие столовые, общие жены, общие дома?!.. Я не верю в этот наступающий социализм...

М. И в а н о в (с видом знатока). Социализм есть: поставить в равные условия всех живущих на земле, чтобы каждый мог свободно развиваться сообразно его способностям...

Я вижу, Александр Владимирович, что вы — лидер военной партии... Михаил Коронатович говорил, что все здесь хотят оставить вас командующим флотом...

Что ж — действуйте. Он вам нужен, не мне, зачем я должен вам помогать?..

(Я прервал запись, заметив, что записывает Демчинский, который умеет это делать гораздо лучше меня...)

21. XI.

14—00. Последний оплот современной государственности пал.

Утром по юзу получено сообщение из ставки, что Духонин убит и в ставку вступил и фактически стал верх. главнокомандующим прапорщик Крыленко... Начальником штаба верховного главнокомандующего назначен генерал Бонч-Бруевич.

Вчера произошло, можно сказать, историческое заседание Центробалта (см. запись Демчинского) [1]). Таким образом, «конфликт ликвидирован», — командующий флотом остается на своем посту впредь до издания положения о выборном начале съездом всех морей. Командующего флотом просят принять все меры, чтобы подчиненные ему флагманы повлияли на офицеров и команды в смысле наилучшего исполнения всех предначертаний комфлота, направленных к укреплению боеспособности флота. Командующего флотом просят продолжать его энергичную и плодотворную работу по укреплению

[1]) Записи Демчинского не обнаружено.

передовых и других позиций, а также подготовке личного состава к бою (!).

Затем Модест Иванов устроил большое gala-представление: были призваны все флагманы, торжество «нахождения общего языка» ознаменовано рукопожатием (бедный Развозов)...

М. Иванов придумал своему врагу тонкую пытку: он предложил Центробалту послать телеграмму Верховной коллегии с просьбой произвести Развозова в вице-адмиралы!

И это предложение встречено аплодисментами и привело к посылке и другой телеграммы... о производстве самого М. Иванова в контр-адмиралы.

Таким образом М. Иванов добился исполнения своей давнишней мечты, исполнению которой было столько помех!..

23. XI.

17—00. Между прочим, эта страна[1]) естественным ходом вещей стала самостоятельной; вчера глава здешнего правительства — Свинхувуд с бывшим министром-ст.-секретарем Энкелем просили Развозова принять их совершенно частным образом; они были приглашены на «Кречет» и сообщили, что Финляндия, сделавшись волею народа самостоятельным государством, предполагает послать своих представителей к правительствам иностранных держав с покорнейшей просьбой признать новое государство — Финляндскую республику...

Войска и флот, пока что, пусть будут с Россией общие... а там дальше видно будет, как наладим с этим делом...

А у нас все то же.

Дела не делаются. Все развалилось.

Отдельно, по некоторым специальностям, работа еще продолжается автоматически, по инерции, ибо сама жизнь этого требует, но в общем— нет руководительства, планомерности, надежд — есть полный разброд и расстройство.

На больших кораблях нехватает по нескольку сот человек команды, все они уволены в отпуск или отправились «против Каледина», «для завоевания ставки»...

О боеспособности просто и говорить не приходится...

21-го вечером, неожиданным распоряжением Верховной морской коллегии до 10. XII. запрещены все отпуски.

Центробалтом получено секретное приказание иметь наготове отряд в 6.000 человек вооруженных матросов...

Зачем? Не знаю.

29. XI.

15—00. Получив в свое время приглашение на Всероссийский съезд радиотелеграфистов, я, вечером 25-го, выехал отсюда в Петроград.

---

[1]) Финляндия.

Я хотел побывать у городского головы — это центр антибольшевизма, почтенный и смелый человек; и неудивительно, что он, представитель подлинного демократического права, был уже раз арестован, жилище его оказалось прикосновенным и потому — телефон оказался испорченным и квартира всеми оставлена.

В дальнейших поисках я побывал в городской управе (и почему она до сих пор не разогнана!), где говорил с одним из членов управы, тоже партии с.-р.; он сказал мне, что разогнанная дума нынче соберется на заседание в помещении районной Литейной думы.

На завтра они готовятся к открытию Учредительного Собрания и питают розовые надежды, что какие-то полки будут защищать Учредительное Собрание от большевиков...

В Технологическом институте я неуспел захватить Шрейдера — он уже уехал; там царствовало совсем воинственное настроение. В вестибюле разный народ ходил взад и вперед — видно, что хозяина нет, приходил и уходил — кто хочет. Посреди лестницы на площадке какие-то люди продают «партийную литературу»; на дверях аудитории надписи, сделанные кое-как, на клочках бумаги, — все это какие-то собрания кружков, групп, партий... После многих расспросов я добрался до аудитории № 5, где заседали члены Учредительного Собрания партии с.-р., — встретил Федота Онипку, этого милейшего, бестолкового революционера, искреннего разрушителя, мечтателя, продукт конспиративных кружков...

Он восторженно уверял меня, что завтра — решительный день— такие-то и такие-то части гарнизона уже настроены против большевиков, будет организована грандиознейшая процессия... он еще не может мне сказать всего, но, вот, завтра я сам все увижу... Я ни в коем случае не должен сегодня уезжать, но завтра непременно должен прийти к нему в полдень... Литейная, 21, 3-й этаж...

Милый Федот! Все, что он говорил, не произвело на меня ни малейшего впечатления: завтра, очевидно, ничего не произойдет ни решающего, ни, вообще, ничего значительного, разве что — манифестация и, может быть, драка...

Не могу не отметить как штрих, рисующий современные нравы: уличная толпа увидела мальчика — кадета сухоп. корпуса — по предложению кого-то из публики, принялась колотить его на том основании, что он «кадет», а партию к.-д. — «приказано бить».

Этот факт рассказан знакомым доктором, который спас кадета от толпы.

С 18 до 20 ч. был на радиотел. съезде — в Инженерном замке.

В старинном, когда-то красивом зале дворца я увидел серую массу солдат, среди коих немного офицеров, матросов и статских; за столом президиума стоял статский и читал по записке речь; я не сразу узнал его — это был мой старый учитель А. А. Петровский.

В свое время он читывал лекции перед иными аудиториями и начинал их словами — «Ваши превосходительства, милостивые государыни и милостивые государи!..»

Теперь, он с чувством, встряхивая своей профессорской шевелюрой, восклицал: «товарищи!» Это была замечательная речь: «...радиотелеграф это уже не младенец, это уже стройный юноша с развевающимися золотыми кудрями, а голос его гремит на тысячи километров...» Но лучше всего были заключительные слова: «...по выражению ваших лиц я вижу, что вы меня поняли...»

Тут ко мне пристали наши радиотелеграфисты: у них язык прилип к гортани — просили от их имени приветствовать съезд.

Пришлось выступить.

Я избег обращения «товарищи», ибо это слово звучит нынче уж чересчур фальшиво.

По окончании заседания избрали мандатную комиссию. Я заявил президиуму, что приезжать в Петроград часто не могу, что мой опыт и знание к услугам съезда, но что могу служить им только экспромтом, так сказать, по востребованию.

Я выехал в тот же вечер из Петрограда.

Когда шел пустынными улицами Петроградской стороны, слыхал со стороны Невы отдельные ружейные выстрелы.

Кн. Черкасский получил указание — впредь не именоваться «князем». Он с Развозовым уехал по жел. дор. в Ботнику — посетить Николайштадт и Торнео.

1. XII.

15—30. Я — фактически в отпуску. Не оформил его только по совету А. М. Щастного в связи с задержкой отпусков до 10. XII.

Вчера последний раз был на «Кречете», видел ряд постановлений Центробалта: офицеры штаба имеют явиться в Ц. Б. и т. п. Общее впечатление, что кем-то решено разрушить управление флотом.

Нет, — надо это все кончить. Решил окончательно продать часть имущества, чтобы на вырученные деньги прожить это время и вылечиться.

3. XII.

23—00. Итак — теперь уже можно сказать, что «дошли до грунта» [1]). Вчера было совместное заседание всех комитетов и «товарищ Дыбенко» продемонстрировал любопытный документ: проект приказа по флотам.

Должность командующего флотом и его штаб упраздняются; вся власть в морях переходит к Центральному Комитету, который

---

[1]) Морской термин, означающий, что якорь достиг дна — в переносном смысле: дойти до конца.

выделяет особый военный отдел для заведывания оперативными делами. Этот отдел приглашает (в качестве компетентных лиц) несколько офицеров для работ в области оперативной части...

Этот документ оказался совершенно неожиданным даже для некоторых членов Центробалта; с их стороны были попытки возражать; выступали с напоминанием о выборном начале, которого в его «проекте» не оказалось... Но властное слово Петрограда все заглушало.

Великолепный Измайлов сообщил собранию, что на пост «компетентного лица по оперативной части» «нанимается» «товарищ» Ружек.

В помощники «нанимают» героя «Славы» — бравого капитана Антонова...

Мне сообщили, что у нас в штабе пока решено никаких деклараций по этому поводу не выносить, однако, предрешено, что каждый заявит о своем нежелании «наниматься» в коллегию, выросшую на почве 25. X, особенно после событий последних дней (фактический разгон Учредительного Собрания).

По этому поводу состоялось собрание флагманов у М. К. Бахирева. К сожалению, и флагманы не пришли к единодушному решению; лишь сам Бахирев и немногие другие считают конфликт нужным — прочие колеблются и ждут возвращения Развозова... Плохое предзнаменование.

На завтра назначено общее собрание офицеров в морском собрании.

Офицерство наше в смятении. Перед сколькими [1]) встает вопрос: а как будет мол [2]) семья существовать без жалованья, которое она получала каждое 20-е число? Что буду делать я, невежда, приученный только проводить известные часы на корабле или, что в лучшем случае, обученный какой-нибудь специальности, нужной только военному флоту?..

5. XII.

19—40. Вчера я поднялся с трудом около полудня и узнал, что на 15—30 назначено заседание флагманов, на котором Развозов предложит форму протеста против знаменитого приказа Верховной морской коллегии.

В 14—00 я пошел на «Кречет»; отдал распоряжение об окончательной ликвидации разведывательного отделения, к чему тут же приступил Ев. Ив. Максимов; сообщил о происходящем у нас разрушении флота в Ревель С. Д. Коптеву; просил его уничтожить теперь же все документы, касающиеся английских подводных лодок.

В 15—30 открылось заседание флагманов в нашем салоне на «Кречете».

---

[1]) В подлиннике: «столькими».

[2]) В подлиннике: «мор».

Присутствуют:

Контр-адмирал Развозов, вице-адмирал Бахирев, контр-адм. Зарубаев, контр-адм. С. Дмитриев, контр-адм. Вейс, контр-адм. Паттон, контр-адм. кн. Черкасский, контр-адм. Тимирев, контр-адм. Киткин, ген.-майор Скаловский, ген. Хенриксон, контр-адм. Ружек, кап. 1 ранга Беренс, ген.-лейт. Винтер, кап. 1 ранга Щастный, ст. лейт. Демчинский, кап. 1 ранга Ренгартен, кап. 2 ранга Дудкин, кап. 2 ранга М. Петров и два комиссара-матроса из Ц. Б.

Р а з в о з о в (прочел проект приказа Верховной морской коллегии о введении коллегиального начала в управление флотом и прочих мер...). Из Петрограда приказано завтра расцветиться красными флагами в ознаменование перехода власти во флоте к Центробалту.

Таким образом, мне предстоит передать всю ответственность за дальнейшие «судьбы» флота на Ц. К. Б. Ф. Перед тем, как уйти, я хочу, в самых сухих, общих, но определенных выражениях, изложить письменно, почему я считаю эту реформу вредной, непрактичной.

Для истории, быть может, небезынтересно окажется мнение лица, несущего на себе ответственность за флот в течение последних четырех месяцев его существования — до перехода власти к коллегии... Я хочу указать, что проект народовластия от этого не восторжествует, ибо флот принадлежит всему народу и распорядиться им в праве только всенародное Учредительное Собрание.

Что касается до управления флотом как военной организацией, то оно находится вне зависимости от политики и следует определенным военным принципам; это — область техники... Я хотел бы выслушать по этому поводу мнения флагманов...

С т а р к (в большом возбуждении). Флот сделан только для войны и победы, а не для позора!.. Наш флот создан многолетними трудами адмирала Эссена, который поднял флот на должную высоту... Это сложное тяжелое дело; если флот перейдет в руки коллегии, это будет гибель флота.

Сколько нас учит история, таких примеров не было... Она учит нас, что все войны выигрывались только гением отдельных людей...

Многолетний опыт определил, что в случае выбытия из строя командующего его место должен занять его ближайший помощник, сжившийся с ним, изучивший его и его планы; такая преемственность необходима...

Проект, который нам прочли [1]), будет иметь ужасное последствие— приведет флот к безусловной гибели и ненужной трате народных денег...

Б а х и р е в. К полной гибели... и притом там, в этой самой коллегии — люди, в военно-морском отношении совершенно безграграмотные!..

---

[1]) В подлиннике: «прочили».

Развозов. ...Конечно; и эти люди, не будучи в курсе дел, как они сложились исторически, будут решать их, руководствуясь, главным образом, политическими соображениями и во имя народовластия, хотя бы дела эти были чисто военно-технического характера...

Бахирев. ...И результаты мы уже видим с тех пор, как коллегия только еще впутывалась в дела командующего флотом.

Паттон. Вчера на собрании флагманов никакого разногласия не было в мнениях, что приказ этот развалит флот окончательно, но как нам надо к этому отнестись, вот в чем весь вопрос сейчас. Но что это окончательно погубит флот, в этом нет никакого разногласия.

Ружек. Насколько я знаю, этот приказ появился потому, что Центробалт не мог работать со штабом... тут был случай с ледоколом; кто-то не так распорядился... Заявления члена Центробалта не принимались вообще... и прошлый раз, когда прибыл морской министр, на заседании было решено реорганизовать штаб и... вообще флот...

... Они считают, что в команде не будет доверия к одному лицу. Теперь вводится выборное начало. Но даже если и выборный человек, то ему все-таки не будет доверия... а Центробалт — признан всем флотом...

Ст. Дмитриев. То, что сказал адмирал Ружек, может быть, хорошо с политической стороны, но совершенно не годится с точки зрения военной... Мы знаем, что лучшие флоты управляются на основе единоначалия... Мы должны сказать, что флот обрекается на полнейшую гибель, и мы не можем играть роли его палачей...

Ружек. ...Этот приказ предусматривает, чтобы было полное доверие к этому органу, — я понимаю, на войне, действительно... а в мирное время...

Ст. Дмитриев. А с переходом к вольнонаемному личному составу управление тоже будет коллегиальным?

Комиссар Ц. Б. ... Я здесь исчерпывающего ответа дать не могу... Переход власти к Ц. К. Б. Ф. это, конечно, мера временная.

Винтер (с большим подъемом, дрожью в голосе и нервно). Дело в том, что командующий флотом служил всю жизнь во флоте, его все знают, и дела его на глазах всех, и если такой командующий флотом, который всю жизнь отдал флоту, не встречает доверия, то я спрошу— встретит ли доверие тот, который вышел из Центробалта и никому не известен? Флот с момента его передачи коллегиальному управлению — погиб... флота — нет... Существуют суда и люди, живущие на них...

Развозов. Теперь как относительно войск, подчиненных мне...

Хенриксон (бравый генерал, в куртке без погон, согласно последнему распоряжению товарища Крыленко, держит себя очень бодро, говорит громко, решительно).

Начинает с чтения «Положения о демократизации армии»; там указано, что вся полнота власти в войсках переходит к комитетам; оперативное же и техническое заведывание остается в руках прежних органов, ибо «комитет не может взять на себя ведение специальной областью, в коей он не компетентен», где необходимы быстрые решения отдельных лиц.

Развозов. Это именно то, что у нас было до сих пор...

Хенриксон. ...Высшим органом является солдатская секция Центр. Исполн. Комитета... Строгая дисциплина поддерживается комитетами. Комитеты ведут кандидатские списки... Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Бонч-Бруевич предупредил все комитеты, что они должны с осторожностью выполнять программу демократизации армии, выбирать начальников осторожнее, избегать интриг и пр. Уже наверху, таким образом, сознают, что путь, на который они вступили, — скользкий. Декрет далее говорит об отмене всяких внешних отличий — погон, шпор, орденов (кроме георгиевского креста), знаков... Каковы же теперь будут взаимоотношения между армией и флотом? Я просил бы указать, как должен я согласовать объявляемое положение с новой реформой во флоте...

Развозов. Да, это трудная задача; надо запросить главнокомандующего, как тут быть; вы обратитесь прямо к нему.

Хенриксон. Я не знаю, как будет итти дело с таким выборным началом, когда... в каждый последующий момент мне могут выразить недоверие.

Я лично не вижу оснований — зачем становиться на этот путь?!

Кто бы ни был человек, будь он самым популярным, как только он становится во главе, он делается не заслуживающим доверия... Но замените его комитетом, это не поможет, ибо масса и комитетов не слушает. Такие выборные органы, раньше чем решиться на что-нибудь, вынуждены еще позондировать почву... а такие проволочки в области управления военной организацией совершенно недопустимы... не говоря о том, что и при зондировке можно легко ошибиться, попасть в группу лиц, мнение коих уже или еще не удовлетворяет массы...

Частный. Разрешите привести историческую справку. Когда зарождалась идея государства, Аристотель сказал, что государственный организм жизненен только, когда строго разграничены власти — законодательная, исполнительная и судебная...

Когда в каком-нибудь государстве замечалось смешение этих трех функций власти, это приводило его к гибели. И за все 3.000 лет, протекшие с тех пор, как Аристотелем открыт этот закон, не было ни одного исключения из него. До сих пор, худо ли, хорошо ли, — Центробалт являлся властью законодательной, командующий фло-

том — властью исполнительной, и существовали судебные установления; при наличии закона выработалось бы надлежащее сознание и найдены надлежащие формы.

И закон поддерживал бы авторитет власти.

Ныне суды упразднены вовсе, и начинается смешение исполнительной и законодательной властей...

Комиссар Журавлев. Я должен заметить, товарищи, что, действительно, мы были без власти... и шла борьба за власть... Но у нас, как сказать, была власть как бы коалиционная — был Центробалт вместе с командующим флотом.

Теперь у нас власть народная, есть и власть законодательная, а смешивать Центробалт со штабом вовсе не смешиваем, а просто будет один Центробалт, одна исполнительная власть...

Ведь у нас выхода больше нет, это же явный факт — у нас не может быть никакого раздора, и все будет проводиться скорее и точнее, и нам пришлось решить, чтобы дела шли, как бы сказать, более или менее лучше...

Являясь здесь, мы вырабатываем дела как ответственные люди; если придется воевать, мы дадим власть одному человеку... вот мы помогали в Ревеле адмиралу Развозову и работали совместно; если бой будет, мы даем это дело одному человеку... если народная власть будет, а она должна быть — нет! теперь власть будет — одна и для всех!

Мы должны удержать Россию от гибели страны; а если мы будем говорить, как вы говорите, товарищи, что уйдем, — так это будет саботаж... если человек хочет свобод только себе...

Мы все должны быть братья, мы не должны работать врозь; если будут лица, которые будут разжигать, — мы их сметем!

Мы стараемся объединить, чтобы так не смотрели массы, что не доверяют им... а что в массах могут произойти и эксцессы, чего мы слишком не желаем, а массы ведь тоже скажут: вот они не желали.

Если мы — защитники и патриоты родины, то все должны оставаться на местах и служить, как раньше служили под палкой Николая Кровавого.

Он над нами измывался... Конечно, какие люди, которые проливают нашу братскую кровь, мы их уберем...

Те и виноваты, которые ведут массы против нас, и таких людей надо стереть с лица земли... вот что!

Старк. Мы протестуем не против идеи народовластия, но мы протестуем, как техники, ибо мы с детства учились, что коллегиальное управление в военном деле абсолютно недопустимо.

Если вы поведете флот к победе как командующий флотом, — мы пойдем за вами!

Комиссар Журавлев. Вот я и хочу сказать, что мы все хотим вместе защищать родину.

Явный факт, если я буду следить за тем или другим делом, то вреда коллегиального управления почти совершенно нет... Если теперь у нас будет возбуждение сделано, то это как есть — саботаж, и этого мы ни в коем случае не можем допустить.

Я такого образования не получил, а знаю, что если такой саботаж, мы ни к чему не придем.

Если не будете признавать власть, то что же это получится?! И нам вовсе нежелательно, чтобы мы остались одни, — это приведет к слишком печальным обстоятельствам...

Разв озов. Вот я вижу, опять Центробалт ставит вопрос не в ту плоскость...

Мы же ничего не возражали ни по поводу народовластия ни по поводу комитетов... Здесь высказывается мнение техников, и никакого отношения к политике наша беседа не имеет...

Идея народовластия в том, что флот находится в распоряжении всего народа...

Раз доверие к «единой власти» потеряно, то утрачено и всякое управление военной силой.

Но теперь всякая война у нас здесь замерла, перемирие заключено на 28 дней, и фактически мы не можем воевать, ибо фронт и не может и не хочет; таким образом, надо считать, что война фактически заканчивается, и нам приходится подумать, как ее ликвидировать; для этого тоже нужны опыт и знания...

Комиссар Журавлев. Мы действительно подходим к тому, что война ликвидируется, но мы этого не говорим сейчас...

Мы, конечно, моложе, и я вас так понял, что вы должны уйти, и которые не имеют средств могут уйти — должны работать [1]); но если этот человек, который надеется бросить дело и жить на свой капитал!.. этого не должно быть и этого не допустят...

Мы избегаем только, чтобы взять в руки это... как бы не было эксцессов.

Если человек хочет укрепить лучшие права народа, то он должен остаться на своем месте...

В настоящий момент не существует суда, и вы видите, какие сделаны злоупотребления — вы сами знаете случаи на заградителях, на «Орфее» и др. Ни к кому, ни к одной личности нет доверия — мы можем работать только совместно, и тогда злоупотреблений не будет.

Так нельзя оставить, ибо будет еще хуже.

Надо предотвратить это, чтобы не убивали.

Если вы этого не сделаете, вина за это падет на вас.

Поэтому я предлагаю, чтобы вообще — на сторону не выносить никаких восклицаний: «этого не признаю!.. того не признаю!..»

---

[1]) Так в подлиннике.

Я предлагаю об этом моим старшим товарищам на сторону этого не выносить...

Законная власть — в Петрограде, и мы только исполняем приказания этой власти.

Дудкин. Я хочу подойти к действительности... если мы заключим мир, все будет просто: офицеры смогут уйти.

Фактически этого нет, мы мира не имеем; говорят, что за перемирием будет мир, но наверное ничего неизвестно; есть люди, которые думают, что война еще может продолжаться, пусть хоть остается сотая доля вероятия, что война возобновится... Я с начала революции считал, что в какие бы тяжелые положения мы ни попадали, надо оставаться, пока война — я всегда принесу хотя бы крупицу пользы; бывали все же в действительности случаи, что ко мне обращались как к специалисту, и я своим опытом и знаниями приносил эту хотя бы небольшую пользу.

Мой личный взгляд, что мир близок; нет оснований сказать, что при таких условиях работать нельзя; может быть, продуктивность моей работы совсем упадет, но пока не будет заключен мир, я обязан остаться на своем месте, пока команда сама не скажет, что я больше не нужен или Россия не выйдет из состояния войны.

Бахирев. Но ведь это же к делу совершенно не относится; пользу мы и принесем, если укажем, какой вред принесет эта самая... «реформа».

Комиссар Журавлев. Действительно, как сказал товарищ, надо оставаться на местах, — в чем же дело?

Это явный факт, что вы не так говорите, что к гибели... мы ведь только что вышли из этого омута, в котором были 8 месяцев, и не желаем туда же возвращаться...

Вы напрасно думаете, что дело будет итти плохо; мы будем все дело вести как можно лучше...

Такие разговоры, что это — допустимо, то — недопустимо, это так нельзя... все должны работать... Если кто идет против воли народа, тогда такой будет сметен.

Паттон (доброжелательно и мягко). Я хотел бы опять пояснить наш взгляд; мы все, старшие начальники флагманы, мы с самого начала революции прошли через ряд должностей, значит, шли за демократией, — ибо она же вела страну, и если мы сегодня заявляем свое мнение, то это вовсе не есть саботаж... Мы не можем отнестись безразлично к своему маленькому, но дорогому для нас всех делу.

Мы не можем относиться безразлично и выразили свое мнение для истории; иначе она осудит нас за то, что мы промолчали... И я думаю, что наше мнение о том, что коллегиальное управление поведет к гибели флота, должно быть услышано. Таково наше глубокое убеждение.

Комиссар Журавлев. Вот видите, вы все говорите, что... если вы шли за всеми организациями до настоящего времени, то почему не идете сейчас?!.

Я уверен, что если бы не взяли власти, я не мог бы здесь говорить так свободно... Нет такой революции, которая была бы без ошибок... Может быть, нас [не] осудит история, так как она знает, что мы не виноваты.

Не должно быть того, что вы или мы правы или виноваты... во всем виноват тот, кого мы свергли 25 октября...

Я не могу сказать, что я виноват в том, что делаю не так; я не имею опыта и знаний, и, конечно, не знаю, как надо делать... Я не хочу быть у власти и не хочу, чтобы вы были у власти... Я хочу, чтобы все были вместе...

Народовластие должно быть... Декреты, которые они объявили,— правильны, и должно быть дано им предпочтение... а винить друг друга совершенно не надо! Это что ж!

Паттон. Товарищ Журавлев! Мы также согласны с народовластием, но мы против коллегиального управления, потому что такое неправильное управление произведет разруху и гибель...

Ружек (тоном авторитета). Дело в том, что масса не идет теперь за одним человеком; доверие массы может быть только коллегии.

Этот приказ вызван тем, чтобы было полное доверие к Центробалту. Центробалт говорит, чтобы не было единоличных личностей.

Вот, как указал товарищ Журавлев, — доверия нет к отдельному лицу и доверие может быть только к коллективу.

Бахирев (сердито, с сердцем). Когда мир, тогда валяй-ломай во-всю, а пока еще мира нет — не замай!..

Развозов. Но ведь дело же не в этом... Мы обязаны по долгу и совести предупредить, что это решение гибельно.

Я в этом заявлении не вижу ничего угрожающего, ничего — против народовластия... Из этого абсолютно нельзя заключить, что у нас есть стремление к так называемому саботажу и проч.

Комиссар Журавлев. Вот что! Выборов не будет — вообще будем приглашать, скажем, дивизионных командиров, и им будет итти жалованье, какое выработает Верховная морская коллегия, а если Центральный Комитет приглашает, он работает уж совместно с вами...

Развозов. А как же насчет выборного начала?

Комиссар Журавлев. Выборного начала не будет! Потому что если будет выборный человек, то произойдет то же недоверие.

Развозов. Послушайте, Журавлев! Так же нельзя! Вот, помните, две недели тому назад я говорил о недопустимости выборного начала; вы жестоко критиковали слова мои, и вы сами теперь пришли к моему же...

И разве то, что я 22 года служу в офицерском чине и всех знаю, не помогает мне при выборе людей? А теперь будет выбирать Ц. Б. И почему это будет лучше, неизвестно, ибо как и кого может знать Ц. Б.?

И вам тоже по необходимости придется довериться заявлению отдельного делегата, совершенно случайного человека...

Комиссар Журавлев. Нет!.. Не в том смысле!.. Выборы-то есть, но вот, скажем, дивизия видит человека, который соответствует должности, ну, ему и предлагают...

Бахирев (реплика). Значит — выборное начало есть!..

Паттон. Товарищ Журавлев, нельзя ли пояснить, вот комиссар Дыбенко сообщил, что будут перевыборы всех вообще офицеров и что те, которым свыше 32 лет, и не будут выбраны, — увольняются в отставку или разжалованы в матросы...

Комиссар Журавлев. Ну да! В каком смысле?.. Мы вообще выбираем людей, которые соответствуют своей должности, и вот команда, если увидит, что не годится и возраст ему вышел,—то, значит, может уйти...

Ст. Дмитриев. Таким образом тех офицеров, которых никуда не выберут, разжалуют в матросы?

Комиссар Журавлев. Да.

Ст. Дмитриев. Но может так случиться, что один корабль не выбирал, а другой выбирает? Это можно?

Комиссар Журавлев. Если на одном не признали, а на другом с радостью, может быть, признают, — это вполне, как говорится, возможно; это — отчего же!

И у нас еще, может быть, недостаток в офицерах будет! Тем более, что больше не будут производить в офицеры, и здесь вот какая обидная история была. В штабе напроизвели писарей в офицеры, это неправильно, потому что больше нельзя производить; теперь придется их разжаловать!

Развозов. Так вот, я прошу комиссаров разъяснить в Ц. Б. все, что здесь говорилось, что мы совершенно не намерены призывать к саботажу, а я протестую лишь как техник, что и изложено в этой записке.

Паттон. Но вот я слышал от товарища Журавлева, что это только проект.

Комиссар Журавлев. Нет, он фактически утвердится.

Паттон. До нас дошли слухи, что два члена Ц. Б. очень удивились, что этот приказ прошел помимо Ц. Б., на что товарищ Дыбенко будто бы возразил, что приказ исходит от военной секции... значит, что в Ц. Б. он и не обсуждался...

Комиссар Журавлев. Так ведь вчера же мы его в Ц. Б. утвердили.

Старк. Только маленькую поправку: мы были вчера на собрании, где читали этот приказ, и все флагманы были против, только не имели права голоса, чтобы заявить свой протест.

Комиссар Журавлев. Что же это такое?!

Ведь надо, чтобы не за кулисами, а на-чистоту! А так не то на две половины, надо, чтобы каждый выразил свое мнение, мы будем приглашать, и пусть он тогда прямо скажет: да или нет! Вот что!

Бахирев. Моя совесть заставит меня сказать, что я не признаю коллегиального начала, а приказ сам по себе; факт, что есть приказ, и все тут.

(Начинается бесцельный спор о словах, пересыпанный репликами, за которыми трудно уследить.)

Ружек. Да ведь это в виде опыта!..

(Продолжительная пауза — не находится слов для возражения!)

Хенриксон. Когда я вступил в командование дивизией, то я нашел там полный развал; я шесть месяцев возился с ним, возник спор по части оперативной; я говорил, что коллегия негодится; решили сделать опыт — создали оперативную секцию, но я просил во время боев давать мне полную власть, и, действительно, мне пришлось участвовать во многих делах, и моя дивизия, могу сказать, вышла из них с честью, и в боевой обстановке эта оперативная секция оказала мне огромную помощь...

Но это удалось только потому, что меня знали хорошо. И на основании своего опыта я нахожу, что человек, которому придется итти в бой и вести за собой других, должен быть вполне авторитетен! Случай не может сделать того, что сделает опыт.

Мой комитет отличался левизной, но всячески меня поддерживал в дивизии, потому что опыт помог ему узнать меня, и я мог управлять фактически.

А управление комитетом — сложно и просто невозможно, и не только в боевой обстановке, но и в обстановке демобилизации.

Приказ есть, и я обязан ему подчиниться, но я оставляю всегда за собою право заявить свое мнение о нем и вызываемых им последствиях.

Комиссар Журавлев. Выбирали мы товарища Ружека, потому что я знаю, что весь флот его знает; вместе мы будем создавать боевую силу флота, а когда будет бой, товарищ Ружек поведет нас.

А без помощи невозможно; надо поддерживать и помочь друг другу, а если одни будем, то мы никогда ни к чему не придем.

(Пауза.)

Развозов (читает свою записку, содержащую доказательства необходимости единовластия и критику коллегиального начала).

Комиссар Журавлев. Да зачем все это?! Вот соберется коллегия, и все рассудим!

Развозов. Да ведь это же все — наше мнение; вы нас призываете и спрашиваете наше мнение, мы его и высказываем... и, может быть, вспомните об этом, когда получите в делах неизбежный затор.

Голоса:

... Да ведь никто не отказывается!..

... Это наше мнение!

... О чем тут еще разговаривать!

(Все флагманы подходят к столу и подписываются под заявлением командующего флотом; ничто же сумняшеся, подписываются и товарищи — Ружек и Дудкин.)

В 17 ч. 40 м. заседание окончено.

По окончании заседания флагманы еще остались одни; разговор шел о том, как им поступить. Насколько я слышал, полного единодушия нет, но часть находит невозможным при новых условиях принимать командные посты.

Я ликвидировал все свои дела в штабе; распорядился о ликвидации также и дел служебных, подал рапорт флаг-капитану о болезни, ибо чувствую себя совсем плохо.

Очень жалел, что уже не чувствовал себя в силах пойти в Морское собрание на общее заседание офицеров.

Оно открылось в 19 ч. под председательством капитана 2 ранга Гаральда Графа и закончилось только в 2 ч. 30 м. ночи.

Было около 300 офицеров; заседание прошло крайне бурно и если вначале и была обычная разноголосица, много вздорных выступлений и шуму, то к концу создалось редкое единодушие; такому объединению особенно способствовало появление в зале (перед концом заседания) председателя Военно-Морской коллегии Измайлова и его товарища из Ц. Б.

Появление «товарищей» и выступление их с угрозами офицерству воспламенило все сердца, и голосами всех против 2-х принята резолюция, от которой товарищи пришли в ужас!

Постановлено, что все офицеры считают приказ Верховной морской коллегии о новой организации управления флотом — гибельным для флота и, если он не будет отменен, то все офицеры отказываются от своего звания, делаются матросами и отказываются от занятия офицерских должностей...

Когда Измайлов заявил, что «завтра коллегия примет командование флотом», собрание отвечало на это дружным смехом.

Резолюция принята «под гром аплодисментов»; возбуждение было чрезвычайное...

О результатах я узнал по телефону; сообщил Жорж Петухов, возбужденный и радостный: «все за одного, один за всех!..»

Сегодня (5. XII) с утра спущен флаг командующего флотом; на стеньгах всех судов подняты красные флаги.

Я этого не видел, ибо не выхожу из дому.

В 14 ч. все офицеры (по приглашению Ц. Б.) явились на заседание на «Полярную Звезду». Но пришло так много, что невозможно было поместиться; решено было перейти в Мариинский дворец.

Заседание длилось около шести часов — председателем Гар. Граф и президиум Ц. Б.

Сущность заседания сводится к тому, что Ц. Б. уговаривал офицеров отказаться от вчерашней резолюции, требовал, грозил эксцессами (!).

Речей было сказано бесчисленное множество; по общему признанию, самая сильная и содержательная произнесена Шевелевым, который громил Ц. Б. вдребезги.

Очень остроумно и неожиданно для большинства — в пользу офицеров — выступил Ладыженский.

В ответ на угрозы многосотенное собрание офицеров гудело: «не запугаете!..»

Когда какой-то оратор из Ц. Б. кричал, стуча кулаком по столу, что еще не было случаев, чтобы зря обижали офицеров, многие голоса возмущенно кричали: «А Петропавловск!»... Когда другой оратор вздумал заявить, что-де не было случаев отказа выполнить оперативное приказание, со всех сторон понеслись крики: «А «Припять»? А «Перель»?»...

Итак, было много шуму, много крика, но... ни к какому соглашению стороны не пришли.

А поскольку касается офицеров, многие ушли с этого заседания неудовлетворенными, ибо чувствовалось, что начинается разброд...

Решено в общем, что все части пришлют по делегату на решающее заседание офицеров в Морское собрание 6-го в 14—00, где будет пересмотрена резолюция 4-го XII.

«Пересмотрена»!

В штабе началась передача дел; явился Антонов — не знает, как взяться за дело, крайне сконфуженный.

Надо отметить, что Черкасский совершенно правильно не пошел ему на помощь, и, заявив, что все дела им закончены, а текущее находится в производстве, почему он имеет передать ему лишь ключи от каюты и письменного стола, он ушел домой.

У меня перебывали сегодня: Н. Мазуров, Д. Дараган, Л. Сахаров и Д. Лупандин, по их рассказам я составил себе общее впечатление и вижу, что окончательно на единодушие офицеров рассчитывать нельзя.

И это понятно: сказывается деморализация. Вчера был порыв, а сегодня уже раздаются другие голоса.

Так, 30 чел. кают-компании крейсера «Россия» определенно протестуют против резолюции 4. XII.

С другой стороны, курьез: команда «Петропавловска» вынесла постановление, что не допустит разжаловать офицеров в матросы, даже если это постановит Ц. Б.

6. XII.

Так состоялось собрание делегатов офицерских кают-компаний; результат голосования: резолюция 300 офицеров 4. XII о т в е р г н у т а большинством 557 голосов против 151 при 44 воздержавшихся; вместо того вынесена и принята теми же голосами другая: обоснованный протест против введения в командование коллегиального начала и требование восстановления власти командующего флотом...

А если не послушают (?!), то «мы оставляем за собою свободу действий».

Таким образом, все стройное здание офицерского единодушия рухнуло.

Наш делегат ст. лейт. Демчинский, действуя согласно данным указаниям, протестовал против новой резолюции и покинул заседание...

Штаб решил действовать самостоятельно.

Я не принимал ни в чем участия, ибо доктор Четвериков уложил меня в постель.

7. XII.

23 ч. 15 м. На «Кречете», говорят, развевается красный флаг с буквами «Р. Р.», и под ним посажен «нанятый» Ружек.

Додо Леонтьев, Д. Дараган, Н. В. Шевелев, адм. Старк и офицеры XIII дивизиона решили осуществить резолюцию 4. XII и подали соответственные заявления, пока каждый своему прямому начальнику.

Левушка Сахаров получил от Центробалта предложение ехать на «мирную конференцию» в качестве «компетентного лица» по вопросу о демаркационной линии...

8. XII.

23—30. Левушка Сахаров отказался помогать большевикам; пригласили адмирала А. П. Зеленого — тот согласился.

В штабе решили проводить в жизнь свою резолюцию; одобрили действия Демчинского.

9. XII.

14 — 00. Левушка Сахаров принес мне обе резолюции — я присоединил к другим свою подпись.

Мы требуем возвращения к нормальному порядку управления флотом и отмены знаменитого приказа Верховной морской коллегии; в противном случае слагаем с себя офицерские звания, отказываемся от офицерского содержания (т.-е. остаемся служить как матросы).

Копии с резолюций переданы Центробалту и судовому комитету. Есть намерение послать копии Учредительному Собранию и в газеты.

13. XII.

Ц. Б. рассмотрел наши резолюции и постановил: издать приказ, что мы вновь становимся офицерами и будем получать жалованье.

Не лишено остроумия.

Завтра наши офицеры соберутся, чтобы обсудить, как реагировать.

17. XII.

13—00. По поводу приказа Ц. Б. вчера собирались офицеры штаба. Увы, развалилась и эта корпорация.

Везде одно и то же. Даже в этой группе, — каких-нибудь 30 человек, как будто спаянных кое-какими высшими идеями, — обнаружились и трусость, и неискренность, и хулиганство в форме срыва заседаний. Левушка Сахаров и двое других были избраны в исполнительное бюро, которому поручено осуществить рассылку резолюции и все сношения по проведению ее в жизнь, и когда большинство утвердило эти меры, нашлись желающие интриговать «в кулуарах», и, в результате, новое голосование все разрушило. Большинство решило присоединиться к резолюции делегатов 75 кают-компаний, т.-е... сдаться.

В меньшинстве остались: Д. Р. Карпов, А. М. Щастный, В. Н. Демчинский, Е. А. Максимов, Л. Сахаров, Г. М. Петухов и я.

Я заявил, что поступлю во всем, как решит это меньшинство.

Я лично не виню нисколько тех, что сначала не желали конфликта с Ц. Б.; это — вопрос убеждения, с одной стороны, и сознание своей слабости (обязанность к семье, неприспособленность к другой работе и пр.), но не понимаю, как можно подать свой голос сначала з а и тотчас затем п р о т и в. В данном случае очевидно, что д а было неискренним.

18. XII.

19—30. Л. Сахаров рассказывал: было совещание несогласных с последним решением штаба.

В общем, порешили, что каждый сделает, как найдет для себя возможным, и постарается уйти со службы так, чтобы не обидеть тех, кто по тем либо другим соображениям принял последнее решение 17-го.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Альтфатер, Василий Михайлович, кап. 1-го ранга, флаг-капитан морского штаба ставки верх. главнокомандующего. В брестских переговорах Альтфатер принимал участие в качестве морского эксперта. После брестских переговоров назначен в Москву на должность помощника начальника морского генерального штаба. В 1918 г. назначен командующим морскими силами Республики и членом РВС. 20 апреля 1919 г. Альтфатер скоропостижно умер от разрыва сердца.

Арнаутов, Сергей Константинович, ст. лейт., сост. при штабе командующего Балтийским флотом.

Балас, Александр Иванович, ст. лейт., ком. эск. миноносца; член совета Промора.

Бахирев, Михаил Коронатович, вице-адм., начальник морских сил Рижского залива. В 1919 г., во время наступления ген. Юденича на Петроград, руководил подготовкой восстания в Кронштадте. Расстрелян.

Беренс 1-й, Евгений Андреевич, кап. 1-го ранга (по морскому генеральному штабу). После Октябрьской революции был выбран начальником морского генерального штаба. После смерти Альтфатера Беренс был назначен командующим всеми морскими силами Республики.

Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич, ген.-майор, начальник штаба главнокомандующего северным фронтом; начальник штаба верх. главнокомандующего (при Крыленко).

Вахрамеев, Иван Иванович, председатель Военно-Морского Революционного Комитета. Член Верховной морской коллегии. Постановлением 1-го съезда Всероссийского военного флота 21 ноября 1917 г. был произведен в лейтенанты.

Вейс, Александр Константинович, контр-адм., флагман.

Вилькен, Павел Викторович, кап. 1-го ранга, начальник дивизиона миноносцев Балтийского флота. Председатель совета Промора (Профессиональный союз офицеров, врачей и чиновников флота и портов Балтийского моря).

Граф 1-й, Гаральд Карлович, кап. 2-го ранга; командовал одним из «Новиков», член совета Промора.

Давыдов, Михаил Платонович, капитан 1-го ранга, состоял в управлении службы связи (гор. Ревель).

Демчинский, Владимир Николаевич, ст. лейт., состоял в штабе командующего Балтийским флотом. Председатель Совета Республиканского союза офицеров, врачей и чиновников армии и флота Свеаборгского района.

Доливо-Добровольский, Борис Иосифович, кап. 1-го ранга, состоял при морском генеральном штабе.

Дудкин, Василий Федорович, кап. 2-го ранга, начальник дивизиона подводных лодок Балтийского флота.

Дыбенко, Павел Ефимович, матрос, председатель Центрального Комитета Балтийского флота (Центробалта); первый народный комиссар по морским делам.

Зарубаев, Сергей Валерианович, контр-адм., начальник 1-й бригады линейных кораблей.

Иванов, Борис Платонович, кап. 2-го ранга, командир эск. миноносца «Самсон».

Иванов 7-й, Модест Васильевич, кап. 1-го ранга, после Октябрьской революции управляющий морским министерством и член Верховной морской коллегии. Постановлением 1-го съезда Всероссийского военного флота произведен в контр-адмиралы.

Иерхо, Генрих Генрихович, инженер-механик, кап. 2-го ранга; член совета Промора.

Изместьев, Петр Иванович, ген.-майор, начальник 20-й Сибирской стр. див.; 20 октября 1917 г. был назначен комендантом крепости императора Петра Великого (Ревельской).

Канин, Василий Александрович, адмирал, командующий Балтийским флотом (с 12 мая 1915 г. по 7 сентября 1916 г.). С 1 января 1917 г. назначен членом адмиралтейств-совета, сверх штата. 4 апреля 1917 г. был назначен вторым помощником морского министра.

Капнист, Алексей Павлович, граф, начальник морского генерального штаба.

Киткин, Петр Павлович, контр-адмирал, начальник дивизии траления. Член центрального исполнительного бюро союза минных офицеров.

Коптев, Сергей Дмитриевич, кап. 1-го ранга, ком. крейсера «Богатырь».

Крашенников, Петр Ильич, кап. 2-го ранга, начальник 4-го дивизиона миноносцев.

Кроми (Cromie), начальник отряда английских подводных лодок в Балтийском море. Убит в 1918 г. в здании английского посольства в перестрелке с сотрудниками ЧК.

Куремиров, Сергей Николаевич, инж.-мех., ст. лейт., механик посыльного судна «Кречет»; секретарь совета Республиканского союза офицеров, врачей и чиновников армии и флота Свеаборгского района.

Лебедев, Владимир Иванович, лейт. 13-го конно-егерского полка французской службы, председатель комиссии для согласования внутреннего быта военнослужащих флота. С 14 июня 1917 г. врем. управл. морским министерством.

Лесков, Петр Николаевич, контр-адмирал.

Лодыженский, Илья Ильич, кап. 1-го ранга, ком. лин. корабля «Андрей Первозванный».

Лопатин, Герман Александрович, народоволец-шлиссельбуржец.

Лукирский, Сергей Георгиевич, генерал-квартирмейстер штаба армий северного фронта.

Максимов, Евгений Александрович, кап. 1-го ранга, сост. при штабе ком. Балтийским флотом (разведыв. отд.).

Надежный, Дмитрий Николаевич, ген.-лейт., ком. 42-го корпуса.

Новопашенный, Петр Алексеевич, кап. 1-го ранга, начальник службы связи (г. Ревель). Председатель Исполнительного Комитета союза морских офицеров г. Ревеля (сокращ. СМОР).

Ножин, Анатолий Евгеньевич, полковник корпуса гидрографов.

Паттон, Николай Иванович, контр-адм., нач. 2-й бригады линейных кораблей.

Петров, Михаил Александрович, кап. 2-го ранга, состоял при штабе командующего Балтийским флотом.

Пилкин, Владимир Константинович, контр-адм., флагман. Морской министр Вердеревский в сентябре ему предложил принять должность помощника министра. Пилкин отказался.

Прошьян, левый с.-р. Умер в 1920 г.

Развозов, Александр Владимирович, контр.-адм., командующий Балтийским флотом после июльских событий 1917 г. (вместо контр-адм. Вердеревского) до 5 декабря 1917 г.

Руденский, Дмитрий Петрович, кап. 1-го ранга, ком. лин. корабля «Гражданин» (бывш. «Цесаревич»).

Ружек, Александр Антонович, кап. 1-го ранга, командующий под брейд-вымпелом отрядом заградителей Балтийского моря. 23 ноября произведен в контр-адмиралы; работал в военном отделе Центробалта.

Сахаров, Лев Валерианович, кап. 2-го ранга, штурман, состоял в штабе командующего Балтийским флотом, помощник флаг-капитана по оперативной части.

Старк, Георгий Карлович, контр-адм., нач. минной дивизии.

Тимирев, Сергей Николаевич, кап. 1-го ранга.

Хендриксон, Николай Владимирович, ген.-майор, командовал войсками, подчиненными командующему Балтийским флотом.

Черемисов, Владимир Андреевич, ген.-майор, главнокомандующий северным фронтом.

Черкасский, Михаил Борисович, кн., и. о. начальника штаба Балтийского флота в период командования флотом контр-адм. Развозова до 5 декабря 1917 г.

Шевелев, Клавдий Валентинович, кап. 1-го ранга, нач. третьего дивизиона «Новиков».

Шишко, левый с.-р.

Щастный, Алексей Михайлович, кап. 1-го ранга, командующий Балтийским флотом в начале 1918 г.; расстрелян в связи с его контр-революционной деятельностью во флоте.

„Демократическое" правительство Грузии и английское командование.

В «Красном Архиве» были уже опубликованы стенограммы бесед представителей грузинского правительства с английским командованием [1]). В нашем распоряжении имеются новые материалы, дополняющие прежние публикации: 1) стенограммы «бесед» представителей грузинского правительства с английскими генералами 23 февраля и 19 августа 1919 г. и 2) протокол совещания грузинского правительства от 23 мая 1919 г.

Документы эти затрагивают тот же круг вопросов, вновь и вновь показывая, что грузинское меньшевистское правительство в своей политике опиралось не только на союз с английским империализмом и русской контр-революцией, но и внутри своей страны не прочь было заигрывать с представителями крупного землевладения, особенно стремясь их использовать в деле восстановления национального мира. Но восстанавливать национальный мир в Закавказье при посредстве представителей крупного землевладения означало пожар тушить огнем.

История существования меньшевистской Грузии есть история непрерывающейся национальной борьбы. Через несколько месяцев после объявления независимости Грузия принуждена была воевать с дашнакской Арменией. В уездах с преобладающим составом мусульманского населения шла беспрерывная борьба населения с грузинским правительством. Национальная политика правительства в Аджаристане и Абхазии привела к тому, что последние отказывались остаться внутри грузинского государственного объединения и довольно недвусмысленно заявили о своем желании отделиться. Все это побуждало грузинское правительство особенно ярко именно в национальном вопросе выявить свое, мы бы сказали, антинародное лицо. Ко всему тому, что мы уже имеем в печати по этому вопросу, публикаемые документы дают чрезвычайно ценное дополнение.

В стенограмме беседы Н. Жордания с генералом Уокером от 23 февраля 1919 г. идет речь о мерах ликвидации борьбы с мусульманским населением, разгоревшейся в Ахалцыхском уезде. В ответ на вопрос генерала, какова будет дальнейшая политика правительства в этом вопросе, Н. Жордания отвечает, что «по мере ликвидации вооруженного восстания татарских банд, из Ахалцыхского уезда, т.-е. из пределов границ Грузинской республики, будет немедленно выслан весь нежелательный элемент».

---

[1]) «Красный Архив», т. XXI, стр. 122—173. Стенограммы от 23 февраля и 19 августа обнаружены С. Е. Сеф в разрозненных материалах архива Музея Революции ССР Грузии. Протокол же совещания от 23 мая обнаружен Е. Драбкиной в Центральном Госуд. Архиве Азербайджанской ССР в фонде мин. ин. дел мусаватского правительства (дело № 229).

Этот высылаемый, по терминологии социал-демократа, «нежелательный элемент» при дальнейшем разъяснении оказался татарским населением соседних уездов, причем, при всем желании доказать, Н. Жордания не удалось убедить даже английского генерала в том, что «татарские банды» (!) не формировались из состава коренного населения именно Ахалцыхского уезда.

Характерно, что в подтверждение этого положения представитель «демократического правительства» сослался на то, что часть беков (крупных помещиков) уезда стали на сторону грузинского правительства, отказавшись от турецкой ориентации. Из публикуемых документов видно, что эта фраза сорвалась у Жордания не случайно, что это явление было звеном в общей связи национальной политики. Разъясняя английскому генералу, что население Аджаристана (равно как и Абхазии) проникнуто симпатиями по отношению к грузинскому правительству, Жордания принужден был заявить: «В этом направлении [в направлении установления национального мира. *С. С.*] работает в Батуме грузинский мусульманский комитет, имеющий своими сторонниками многих влиятельных беков, которые всецело на стороне грузинского правительства».

Как видит читатель, ставка на помещиков в национальной политике Грузинской республики была далеко не случайной.

Становится понятным, почему Абхазский Народный Совет, находясь под непосредственными ударами деникинщины, все же настаивал на выделении. Да и достаточно ознакомиться с показаниями Джугели (см. «Тяжелый крест. Записки красногвардейца». Тифлис, 1920 г.), чтобы получить определенное представление о политике правительства и о поведении грузинских меньшевистских отрядов в Сухумском округе.

В этих условиях английские генералы, разговаривавшие от имени Деникина, имели все основания брать глумливый тон в тот момент, когда разговор касался вопроса о симпатиях Абхазского населения к грузинскому правительству (см. протокол совещания от 23 мая 1919 г.). Равноправные члены II Интернационала, подавлявшие силой оружия права малых народностей, высылавшие карательные экспедиции против мирного крестьянского населения, по отношению к сильным мира сего проявляли услужливость и доподлинное лакейство.

В этом отношении публикуемая стенограмма переговоров от 23 февраля преподносит нам исключительный по своей яркости материал. Ведь партия, именующая себя социал-демократической, предлагает английскому генералу не печатать в местной прессе сообщений о рабочих волнениях в Англии против капиталистов и своего правительства, так как это может скверно отразиться на населении. И представитель английского империализма принужден был преподать социалисту Жордания урок демократизма, заявив, что «Англия — страна свободная, в которой все рабочие движения, в том числе и забастовка, могут протекать совершенно правомерно», хотя и поспешил оговориться, что «если правительство Грузии предпочитает их [сообщения. *С. С.*] не печатать, то генерал против этого не возражает и вполне соглашается с подобной постановкой дела».

С. Сеф.

Беседа председателя правительства с генералом Уоккером.

23 февраля 1919 г. 11 ч. 55 м. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, командующий британскими войсками Закавказья генерал *Уоккер*, майор *Кемпбель*, интерпретер-лейтенант *Хэнт*, секретарь председателя правительства *Мачавариани*.

Генерал Уоккер, приветствуя председателя правительства, говорит, что целью его посещения является желание узнать, каковы намерения грузинского правительства и его дальнейшая политика в районе Ахалцыхского уезда.

Председатель правительства отвечает на вопрос генерала Уоккера, что, по мере ликвидации вооруженного восстания татарских банд, из Ахалцыхского уезда, т.-е. из пределов границ Грузинской республики, будет немедленно выслан весь нежелательный элемент.

Генерал Уоккер осведомляется, кого председатель правительства подразумевает под понятием нежелательного элемента.

Председатель правительства поясняет, что таковым является турецко-мусульманское население, ворвавшееся из Поцховского района и выжегшее грузинские деревни.

Генерал Уоккер интересуется, куда собственно правительство Грузии намерено выслать этот нежелательный элемент.

Председатель правительства говорит, что, так как все эти лица являются уроженцами Ардаганского и Поцховского округов, то туда они и будут выдворены, кроме того, в числе восставших банд находятся турецкие аскеры, которые также будут высланы в указанном направлении.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом председателя правительства и полагает, что раз в числе восставших есть аскеры, то их безусловно надо арестовать, но было бы нецелесообразно высылать их в Батумскую область.

Председатель правительства поясняет, что он говорил исключительно о восставшем татарско-мусульманском населении Ахалцыхского уезда, но против мирного населения этого уезда, к какому бы вероисповеданию оно ни принадлежало, правительство Грузии ничего против не имеет. Мера выселения будет касаться исключительно восставшего населения. Например, жители селения Вахравани и некоторых других вооружились для борьбы с нами к моменту прихода войск грузинского правительства, а остальной элемент — это перекочевавшие из Ардаганского и Поцховского районов. Вместе с тем председатель правительства, чтобы поставить генерала Уоккера в полную известность с положением дел, знакомит его со всем действительным состоянием вещей, которые имели место перед разыграв-

шимися событиями. Такое пояснение председатель правительства находит необходимым сделать в виду того, что генерал Уоккер предполагает, что поднявшие оружие против правительства Грузии были местные, т.-е. ахалцыхские жители. До прихода сюда англичан, другими словами, до полного торжества оружия союзников, правительство Грузии вошло в соглашение с турецким правительством в Константинополе относительно того, что Ахалцыхский и Ахалкалакский уезды будут очищены в продолжение одного месяца, в срок с 4 ноября по 4 декабря, и вслед за очищением войсками этих областей войска Грузинской республики вступят и займут очищенный край. В подтверждение этого обстоятельства имеются документы. Генералу Макаеву было предложено 4 декабря ввести в указанные местности грузинские войсковые части. К моменту очищения турками Ахалкалакского уезда там образовался комиссариат, состоящий из лиц турецкой ориентации, во главе с Сервер-беком Атабековым. 2 декабря господин Атабеков со своими единомышленными [?] пришли в Ацхур к генералу Макаеву и заявили о своем нежелании признать власть грузинского правительства. Вместе с тем они довели до сведения генерала, что у них свое правительство. Господин Атабеков располагал тысячью вооруженных солдат, большинство которых были оставшиеся аскеры. Макаев ответил им, что он считается лишь с распоряжением своего правительства, что не может признавать образования никакой новой власти и что ему достоверно известно, что турки очистили Ахалцыхский уезд для грузин. К этому времени среди сторонников Атабекова произошел раскол; так, например, влиятельные беки Мачабели, Эристовы и многие другие явно стали на сторону Грузинской республики, а Атабеков со своими сторонниками остался в меньшинстве. Большинство солдат тоже разошлось, открыто заявляя, что не желают итти против грузин.

Генерал Уоккер спрашивает: это были аджарцы или татары?

Председатель правительства разъясняет генералу, что это были ахалцыхские грузины-мусульмане, два века тому назад принявшие ислам (аджарцы приняли его в XVIII веке, а ахалцыхцы в XVII веке). Итак, когда произошел упомянутый выше раскол, и генерал Макаев занял Ахалцыхский уезд, Атабеков со своими сторонниками бежал в Батум, где образовал пресловутое карсское правительство, передав при этом соответствующий меморандум английской миссии в Батуме; копия этого меморандума имеется у грузинского правительства.

Генерал Уоккер замечает, что в то время его не было в Батуме.

Председатель правительства поясняет, что хотя генерала Уоккера не было в это время в Батуме, но там находился другой английский генерал, которому был передан этот меморандум.

Генерал Уоккер спрашивает председателя правительства, говорит ли он о меморандуме, подписанном профессором Головиным и Атабековым?

Председатель правительства. Нет.

Генерал Уоккер сообщает, что он видел один меморандум и вскоре после того вызвал Атабекова, сказав ему, что если он, Атабеков, позволит себе какие-либо самочинные выступления, то будет повешен.

Председатель правительства говорит, что все это он сообщает генералу Уоккеру с единственной целью полной информации. Правительство Грузии может прислать английскому командованию копию этого меморандума, подписанного пятью лицами, бывшими агентами Турции. Эти господа работали в Батуме и оттуда посылали своих пропагандистов с соответсвующими директивами в Поцхо, Ахалцых и Ахалкалаки.

Генерал Уоккер интересуется, где сейчас находится Атабеков.

Председатель правительства. В Ахалцыхе.

Генерал Уоккер выражает свое удовольствие, что правительству Грузии удалось установить порядок и надеется, что в будущем в этих уездах будут находиться те благоразумные элементы грузинского населения, которые смогут предотвратить впредь подобные нежелательные выступления.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что, как только из этой части будет выдворен нежелательный элемент, правительство Грузии предоставит ахалцыхскому населению самые широкие права самоуправления, как, например, право выбора из своей среды уездных комиссаров. Вместе с тем председатель правительства осведомляется, имеются ли у англичан в данном районе вооруженные силы.

Генерал Уоккер сообщает, что там есть британская стража, охраняющая провиантский магазин с запасами для войск, расположенных в Ахалцыхском уезде.

Председатель правительства высказывает свое удовольствие по этому поводу, ибо британцы в этом районе, охваченном в настоящий момент волнениями, охраняют порядок.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом, высказанным председателем правительства, и говорит, что он также желал бы, чтобы там была твердая грузинская или английская власть, опасаясь возможности вспышки нового волнения вследствие пребывания на этой территории двух враждебных сторон.

Председатель правительства знакомит генерала с предположениями правительства организовать немедленно, — по изгнании татарско-мусульманских банд из Ахалцыхского уезда, — твердой государственной власти, при условии широкого местного самоуправления.

Председатель правительства попутно напоминает генералу Уоккеру, что он обещал поставить британские пикеты и надеется, что таковые будут, во всяком случае, поставлены на границе территории Грузинской республики.

Генерал Уоккер говорит, что не посылал вооруженных сил в эти места ранее лишь потому, что там было все спокойно.

Председатель правительства объясняет генералу, что волнения в Ахалцыхском уезде вызваны тем, что до прихода туда англичан этот район был без хозяина, без всякой власти.

Генерал Уоккер замечает, что хотя он и не верит, но жители восставших уездов объяснили свое поведение протестом против плохой администрации грузинского правительства.

Председатель правительства опровергает подобные предположения, сообщая генералу Уоккеру следующие факты: вся администрация в этом районе была мусульманской. В данном случае правительство Грузии руководствовалось тем соображением, чтобы мусульманское население не выразило протеста по поводу назначения чиновников христианского вероисповедания. Ярким примером справедливости слов председателя может служить тот факт, что вся милиция Ахалцыхского уезда, в количестве двухсот человек, под предводительством Хадыр бека Шервашидзе, мужественно боролась против повстанцев. Среди этих милиционеров все были мусульмане. Председатель правительства не исключает возможности, что среди этого чиновничества мусульманского вероисповедания могли быть исключения, т.-е. недостойные люди, но правительство Грузии всегда всемерно боролось и борется с подобным элементом, стараясь дать все, что есть в ней лучшего из населения. К сожалению, правительство Грузии не могло предпринять энергичных шагов, да и не имело возможности, для борьбы с Батумским Комитетом, посылавшим своих пропагандистов против Грузии в уезды, охваченные ныне восстанием. Единственно, что могло сделать правительство по получении сведений о нахождении на территории Ахалцыхского уезда турецких эмиссаров, это арестовать их, и среди пятидесяти задержанных пропагандистов оказалось восемнадцать аскеров, теперь, очевидно, освобожденных.

Генерал Уоккер спрашивает председателя, не были ли эти аскеры жителями Ахалкалакского уезда?

Председатель правительства отвечает, что это были турецкие офицеры и аскеры, которые, боясь, — после падения Энвера-паши, — возвратиться на родину в Турцию, остались в Закавказьи, их также много и в Аджарии.

Генерал Уоккер обещает председателю принять все меры, чтобы словить этих беглых солдат и предать их военно-полевому суду или немедленно выслать из пределов Кавказа.

Председатель правительства замечает генералу, что очень трудно будет найти подобных субъектов, вследствие того, что все они переодеты. Масса турецких офицеров в Карсской области и Артвинском участке.

Генерал Уоккер замечает, что правительство Грузии, насколько ему известно, изловило несколько аскеров на своей территории, что

британцы имели возможность поймать аскеров в Армении, и вместе ст ем генерал интересуется знать, каково отношение местного населения к оставшимся на их территории турецким солдатам и их офицерам.

Председатель правительства говорит, что население не любит аскеров, так как турецкая армия грабила беспощадно все, но, к сожалению, они скрываются у беков турецкой ориентации.

Генерал Уоккер просит верить председателя, что он будет тем более признателен, чем более аскеров будет изловлено в Грузии. Со своей стороны генерал принимает в этом направлении все меры и надеется, что грузинское правительство, задержавши того или иного турецкого военнообязанного, не выпустит его на свободу

Председатель правительства сообщает генералу, что вчера один влиятельный грузин-мусульман, житель Батумской области, говорил ему, что громадное количество турецких аскеров проживает в Ардаганском, Артвинском и Ольтинском округах.

Генерал Уоккер поясняет, что Ардаганский округ еще не обследован, но Артвинский достаточно хорошо осмотрен батумским генерал-губернатором.

Председатель правительства. А Ольты?

Генерал Уоккер. Туда еще не проникли британские силы.

Председатель правительства говорит генералу, что один богатый грузин-аджарец, проживающий в Константинополе и заслуживающий полного доверия, рассказывал ему накануне, что в Константинополе организован комитет под председательством Риза-Паши, поставивший своей целью присоединение к Турции тех областей Грузии, которые населены грузинами-мусульманами. Вместе с тем этот же аджарец передал как достоверный факт, что большая часть грузинского населения указанных областей подобного слияния не хочет. Конечною целью этого комитета является идея панисламизма на территории всего Закавказья.

Генерал Уоккер замечает, что было бы очень прискорбно, если симпатии аджарцев будут не на стороне Грузинской республики. Генерал очень хочет принять все меры, чтобы Батумская область была присоединена к Грузии.

Председатель правительства говорит, что, к сожалению, правительство Грузии сильно ограничено в своих действиях. Оно имеет возможность влияния и воздействия лишь в районе Кобулет и Верхней Аджарии, но нижняя Аджария и Лазистан, непосредственно примыкающие к Черному морю, находятся под влиянием турецких пропагандистов и эмиссаров. Правительство обещало Аджарии так же, как и Абхазии, полную и самую широкую автономию. В этом направлении работает в Батуме грузинский мусульманский комитет, имеющий своими сторонниками многих влиятельных аджарских беков, которые всецело на стороне грузинского правительства.

Генерал Уоккер, затрагивая вновь вопрос об Ахалцыхском уезде, говорит председателю, что он надеется на посылку грузинскому правительству [?] туда достаточного количества войск для усмирения восстания, вместе с тем просит не притеснять жителей восставших селений.

Председатель правительства говорит, что, до того момента, пока не будет сосредоточено достаточного количества войск, грузинское командование не собирается переходить в наступление. У правительства Грузии имеются агентурные сведения, что со стороны Ацкур собираются большие силы.

Генерал Уоккер высказывает надежду, что после выдворения из Ахалцыхского уезда повстанцев, правительство Грузии, впредь до конференции, не будет в этом районе производить национализации.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что правительство Грузии даст возможность населению этого района высказать свою волю. Это объясняется тем, что крупных помещиков в Ахалцыхском и Ахалкалакском уезде нет, так как две трети владельцев земли являются одновременно горийскими помещиками, само же население бедно.

Генерал Уоккер благодарит за сведения, полученные от председателя.

Председатель правительства касается вопроса о большевистских сообщениях по радио о событиях в Англии и во Франции. Он говорит, что, желая сохранить престиж этих держав на должной высоте в среде населения Грузинской республики, правительство Грузии задерживало некоторые радиограммы, характеризующие положение в данных государствах. Председатель правительства приводит примеры последних большевистских сведений о событиях в Англии и в Ирландии и Одессе.

Генерал Уоккер говорит, что в этих сообщениях много правды, но также много и вымысла. К сожалению, газеты дают совершенно несоответствующие комментарии этим сведениям. Во всех случаях, когда является какое-либо сомнение, генерал просит обращаться к нему за комментариями.

Председатель правительства продолжает свою мысль и поясняет, что эти меры предпринимаются исключительно в силу соображений, во-первых, поддержания престижа союзников, а во-вторых, для аннулирования пропаганды турецких эмиссаров, проводящих в Закавказьи мысль об умалении силы союзников и торжестве Турции и вместе с тем идеи панисламизма.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом председателя правительства и благодарит за поднятый вопрос. Генерал заявляет, что Англия — свободная страна, в которой все рабочие движения, в том числе и забастовка, могут протекать совершенно правомерно. К сожа-

лению, вне территории Англии эти движения понимаются не вполне правильно и комментируются в ином свете. Если правительство Грузии предпочитает их не печатать, то генерал против этого не возражает и вполне соглашается с подобной постановкой дела. Но британское командование на Кавказе не будет ничего иметь против, если подобные сообщения правительство найдет возможным помещать в своих периодических изданиях.

Председатель правительства. К сожалению, подобные сообщения действуют на население. Оно думает, что, в силу создавшихся в Англии условий, великобританские войска уйдут. Это может явиться результатом московских и большевистских сведений... [1]).

Протокол совещания представителей грузинского правительства и Добровольческой армии в г. Тифлисе 23 мая 1919 года.

Присутствовали: *Е. П. Гегечкори, Н. В. Рамишвили*, ген. *Гедеванов, Д. А. Топуридзе*, ген. *Бриггс*, ген. *Бич.*

Гегечкори. Приветствую вас, генерал, как представителя английского командования, тем более, что вы явились сюда с целью помочь нам в деле урегулирования осложнившихся за последнее время наших взаимоотношений с Добровольческой армией. Я должен напомнить, что еще в прошлом году у нас были переговоры с ген. Алексеевым. Тогда Добровольческая армия была еще очень слаба, и я утверждаю, что, как тогда, так и теперь, наше отношение к ней осталось неизменным. Не имея намерения вмешиваться в чисто русские дела, правительство Грузии находит, что не имеется никаких реальных оснований для вооруженных конфликтов с Добровольческой армией. Единственный вопрос, который нас сейчас интересует и создает между нами затруднения, — это вопрос [о] занятии нами стратегической границы, которая гарантировала бы нас от всяких посягательств с чьей бы то ни было стороны. Такою является река Мехадырь: разрешение этого вопроса в предложенном нами смысле имеет большое значение и для Деникина, так как при этом условии тыл его армии с его стороны будет обеспечен. Такова была наша позиция в прошлом году, таковой она остается и поныне, и наше отношение к Добровольческой армии с тех пор нисколько не изменилось: доказательством этого служат переговоры прошлого года с Алексеевым, и я говорю, что других расхождений с Добровольческой армией у нас не имеется, и если мы выйдем из области личных симпатий и станем на деловую точку зрения, то этот спорный пограничный вопрос может быть разрешен в смысле, приемлемом для обеих сторон.

Бриггс. Вчера я подробно изложил точку зрения генерала Деникина. Из всего того, что я здесь слышал, я прихожу к заключению,

[1]) Конец стенограммы отсутствует. *С. С.*

что вы настаиваете остаться на Мехадыре. Я уже излагал причины, по которым Деникин настаивает на восстановлении прежнего положения, это — дурное поведение грузинских войск в Сочи и недовольство грузинским управлением со стороны населения Сухумского округа. Жалобы поступают в очень большом количестве. Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества. Деникин не мог остаться безучастным к этим жалобам, и, если вы настаиваете остаться на Мехадыре, то боюсь, что мой приезд сюда явится бесцельным.

Гегечкори. Жалобы на Добровольческий отряд в Сочи поступали и поступают в не меньшем количестве и к нам и в английский штаб. Если всему тому, что про нас говорят некоторые элементы, верить, то, конечно, можно возмущаться: но я полагаю, что нельзя относиться с доверием ко всем этим жалобам, не проверив их. Я заявляю, что в Сочи ни у кого грузинское правительство ни клочка земли не отнимало, никакой социализации или национализации не производило. Все эти слухи распространяются нашими врагами, и верить им нельзя. Что касается Сухумского округа, то нам бы не хотелось вовсе об этом говорить, так как это может лишь осложнить наши переговоры, но раз вы, г. генерал, затронули этот вопрос, то позвольте вам сказать, что в настоящее время Абхазия управляется автономно Абхазским Народным Советом, избранным всем населением на основе всеобщего избирательного права, и если сведения о недовольстве абхазцев исходят от таких лиц, как находящийся теперь в Екатеринодаре Александр Шервашидзе, тот Шервашидзе, который ввел в прошлом году турецкий десант в Сухумский округ, то я спрашиваю, можно ли верить заявлениям таких лиц. Я слышал тут упрек в том, что мы поступаем хуже большевиков: я знаю, на чем основано это заявление, но я удостоверяю, что тут, в Грузии, русское офицерство нашло защиту и приют в то время, когда по всей России шла безудержная волна самосудов и диких расправ над офицерами. Только здесь, в Грузии, не было ни одного случая насилия над русским офицером, и только здесь они могли сохранить свое существование и укрыться от преследований, которым подвергались по всей бывшей России. И я с гордостью заявляю, что история отметит эту заслугу Грузии перед Россией.

Бриггс. Генерал Деникин лишь временно стоит во главе армии, создающей Россию, а потому не может допустить разрешения теперь же вопроса о границах. Это дело Русского Народного (Учредительного) Собрания. Что касается Сухумского округа, то из других источников слышал, что желание воссоединиться с Грузией не есть выражение воли населения. Если абхазцы на Русском Народном Собрании заявят о своем желании быть с Грузией, то в настоящее время торжества демократических принципов эта воля народа должна быть удо-

влетворена, и Деникин, настроенный демократически, не будет против этого. Сейчас же Деникин хочет обеспечить свой тыл и согласен, чтобы Сухумский округ был нейтральной зоной, но он не будет разговаривать до тех пор, пока грузинские войска не отойдут за Бзыбь.

Гегечкори. В прошлом году, когда мы вели переговоры с ген. Алексеевым, речь [шла] только о Сочинском округе; теперь же, как видно из вашего заявления, притязания Добровольцев простираются и на Сухумский округ. О воле абхазского народа, выразителем которого является Абхазский Народный Совет, избранный 99% населения, я уже говорил, и я не знаю, почему вы верите одним источникам и не верите другим.

Бриггс. Я — человек сторонний, незаинтересованный, и полагаю, что нейтральная комиссия должна произвести расследование и выяснить действительное желание населения.

Рамишвили. Демократические принципы, о которых вы говорили, генерал, являются только тем, чем руководствуется грузинское правительство и что лежит в основе во всех его действиях. Наше продвижение в Сухумском округе имело целью борьбу с большевизмом. Население этого округа равно 200.000, из коих большинство составляют грузины (80.000) и абхазцы. Это население выявило свою волю в выборах Народного Совета, доказавших, что оно желает получить автономное управление в пределах независимой Грузии. И сейчас там имеет место такое автономное управление, и оно подерживается всем населением, поэтому мы настаиваем на сохранении за нами стратегической границы Абхазии. Это — единственное правильное решение пограничного вопроса до окончательного его разрешения Парижской конференцией, и, я повторяю, именно конференцией, а не Русского Учредительного Собрания [?].

Бриггс. Раз большинство населения Сухумского округа составляют грузины, то вы не должны опасаться, если союзная комиссия произведет расследование. Если комиссия выяснит, что население будет за Грузию, то Деникин не будет противиться этому, при условии обеспечения русского имущества и соблюдения ею условий о границах. Скоро Колчак и Деникин соединятся, и тогда будет сформировано общерусское правительство — это вопрос нескольких недель; ведь англичане и итальянцы уйдут, а Россия останется, а потому надо быть с ней в хороших отношениях, и совет вам, если вы пожелаете его принять, поступиться самолюбием, протянуть Деникину руку и сказать: «Мы с вами». Ведь малые государства слишком слабы, они должны не враждовать, а, наоборот, соединяться; вам, вероятно, видно, что отдельная финансовая система разорительна, так будет и во всем остальном.

Рамишвили. Быть самостоятельным и независимым — вот желание не только нашего правительства, но и всего грузинского народа, и в этом, мы уверены, нас поддержат великие державы. Англия уже

официально обещала поддержать наше выступление в деле признания нашей независимости.

Бриггс. Независимости по отношению к России?

Рамишвили. Да, мы вовсе не хотим обособляться, а, наоборот, желаем сотрудничать с великими державами и приобщиться к их культуре, и если демократические намерения Колчака и Деникина действительно чистосердечны, то они не могут не считаться с желанием грузинского народа, вопрос же о границах должен быть разрешен мирной конференцией.

Бриггс. Этот вопрос конференция не будет сейчас обсуждать с Деникиным и Колчаком, а с русским правительством, и если Грузия хочет отделиться, то решение этого вопроса составит компетенционные прения государств; но маленькие государства могут пострадать от этих войн, и я думаю, что вы готовите себе не особенно благоприятное будущее.

Гегечкори. Мы очень благодарим вас за совет, но, что будет в будущем, никому неизвестно. Я заявляю вполне откровенно и чистосердечно, что мы хотим видеть Россию великой и могущественной; это наше искреннее желание, но мы также хотим, чтобы каждый народ устраивал свою жизнь, и наше право на самоопределение должно быть решено не командованием Добровольческой армии, и мы можем надеяться, что этот вопрос будет решен в положительном смысле. Что касается наших будущих отношений к России, то они должны быть урегулированы путем достижения взаимного соглашения, и мы думаем, что демократическая Россия никогда не пойдет против желания маленьких народов (читает приветственную речь ген. Алексеева), иначе это было бы актом насилия. Я думаю, что теперь не время заносить над нами руку, и верю в то, что у нас есть возможность договориться. По этим вопросам мы неоднократно беседовали с союзниками, и нам интересно знать, являются ли высказанные вами соображения мнением английского командования или генерала Деникина.

Бриггс. Я говорю в качестве представителя Деникина, а не английского правительства, вы говорите о будущем Грузии, — это как раз соответствует видам Добровольческой армии, они стоят за автономию и самостоятельность маленьких народов и за соединение, так как в этом сила.

Гегечкори. А если мы думаем иначе, то кто же должен решить этот вопрос? Мы думаем, что Парижская конференция; ведь наше международное положение еще не выяснено окончательно, и мы ждем разрешения этого вопроса.

Бриггс. Но Россия скоро сформируется, и не надо было спешить с объявлением независимости.

Гегечкори. Позвольте спросить вас, генерал, имеем ли мы право заявлять о своих желаниях в деле устройства нашей судьбы?

Бриггс. Я вижу, что тут с двух сторон записывается все, о чем мы говорим.

Гегечкори. Мы говорим откровенно, и нам скрывать нечего, и я спрашиваю, имеем ли мы право заявлять о наших желаниях?

Бриггс. Да, конечно.

Гегечкори. Так вот мы и заявили о своем мнении и ждем решения конференции по этому вопросу. Переходя к вопросу о соглашении с Деникиным, я формулирую наши условия: 1) мы остаемся на Мехадыри и обеспечиваем тыл Добровольческой армии; между нами может быть нейтральная полоса, 2) мы гарантируем русское имущество и возобновим торговые сношения, 3) вопрос о границах подлежит решению Парижской конференции. Вот наши условия. Теперь мы бы хотели знать, какие условия предлагает Деникин.

Бриггс. Условия Деникина следующие: 1) вы должны отойти за реку Бзыбь, 2) Сухумский округ может временно остаться в управлении грузинского правительства, при условии обеспечения безопасности имущества русского как в Сухумском округе, так и вообще в Грузии, 3) земли могут быть, в случае желания населения, отобраны, но за справедливую плату.

Рамишвили. Мне, кажется, генерал, что вы не вполне осведомлены о настроениях Деникина. Он был бы против независимости Польши и Лифляндии, а ведь наше дело гораздо яснее: 2.000 лет Грузия существовала как независимое государство, а в 1801 году она добровольно присоединилась к России по договору, на условиях автономии и протектората. Однако, Россия не выполнила этих условий, чем даже вызвала протесты со стороны конгресса [18]55 года, в числе протестовавших была Англия. Такова, в двух словах, наша история. Что же касается нашего отношения к России, то я заявил, что мы не противники Великой России, но и Добровольческая армия не должна быть против нас. В деле признания нашей независимости мы ждем решения Парижской конференции и имеем право на удовлетворение ею наших желаний. Наш же спор с Добровольцами мы хотим разрешить путем миролюбивого соглашения, а за последствия иного разрешения этого вопроса мы ответственности на себя взять не можем.

Бриггс. Я повторяю, что Деникин не считает себя в праве решать вопрос о границах.

Гегечкори. А разве прокламация Деникина не является вмешательством в сферу вопросов, подлежащих разрешению мирной конференции?

Бриггс. Вы тоже продвинулись вперед, не ожидая решения вопроса о границах.

Гегечкори. А известно ли вам, генерал, что мы продвигались с ведома английского командования, которому было известно о причинах нашего продвижения? Известно ли вам также то, что английское командование уже давно предложило Деникину очистить Сочи и что

английское командование официально заверяло нас о гарантиях нашей неприкосновенности со стороны Добровольцев?

Бриггс. Я вижу, что мы возвращаемся к старому, и считаю, что моя миссия не увенчалась успехом. Я жалею, что напрасно приехал и потерял время.

Гегечкори. Я должен откровенно заявить, что с нашей стороны было самое искреннее желание миролюбиво разрешить этот вопрос и выражаю крайнее сожаление, что нам не удалось прийти к соглашению [1]).

Беседа заместителя председателя правительства Е. П. Гегечкори с верховным комиссаром Армении и Закавказья полковником Гаскель.

19 августа 1919 года.

Присутствовали: заместитель председателя правительства министр иностранных дел и юстиции *Е. П. Гегечкори*, полковник *Гаскель*, дипломатический представитель Грузии в Англии *Д. Гамбашидзе*, секретарь *Мачаварианн*.

Начало в 10 ч. 20 м. дня. Конец в 10 ч. 35 м. дня.

Полковник Гаскель. Я пришел к вам, как к главе грузинского правительства, чтобы выразить свое почтение.

Е. П. Гегечкори. Я приветствую полковника Гаскель, как полномочного представителя мирной конференции и держав согласия, и вместе с тем я считаю необходимым подчеркнуть, что за год и три месяца Грузия, пронесшая через горнило тяжелых испытаний знамя государственности, сохранила по сие время свою самостоятельность. Это знамя вместе со своей судьбой мы вручаем теперь мирной конференции. Наш народ со своей тысячелетней историей имеет полное право ждать и надеяться, что его требования будут признаны. И в последнюю минуту, когда решающее слово принадлежит мирной конференции, мы спокойно ждем от нее справедливой оценки нашей государственной работы.

Полковник Гаскель. Я прошу вас, ваше превосходительство, верить, что я приму все меры для того, чтобы справедливые требования грузинского народа, представленные мною мирной конференции, были выполнены. Я хочу, ваше превосходительство, дать вам знать, что я всегда в вашем распоряжении для переговоров по тем вопросам, которые в дальнейшем гарантируют вашу самостоятельность.

Настоящее время есть момент выжидания, которое кончится благополучным разрешением вашего вопроса. Помимо политических функций, на меня возложены и экономические. Я хочу помочь Грузии товаром, мануфактурой и снабжением вообще и думаю, что это наладится в скором времени. Не буду отнимать у вас драгоценного времени и позволю себе откланяться.

---

[1]) Далее следуют подписи. *Е. Д.*

Е. П. Гегечкори. Правительство Грузии знает, какие большие задачи возложены на вас, господин полковник, и во всех ваших работах, направленных на пользу Закавказского края, вы встретите со стороны грузинского народа и его правительства живейшую и искреннюю поддержку.

Полковник Гаскель. Ваше превосходительство, можете быть уверенным в моем добром отношении к грузинскому народу, нужно только немного подождать, так как все интересующие вас вопросы разрешатся не так скоро. Я говорю об этом потому, что некоторые проявляют известную нетерпеливость.

Е. П. Гегечкори. Мы будем бодро ждать. Пусть господин полковник знает, что Грузия мала, но она сильна духом, она настойчиво до конца будет добиваться осуществления задач, которые поставлены перед ней.

Взаимные приветствия.

Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.).

В изданной еще царским министерством иностранных дел «Оранжевой книге» («Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг.») была опубликована нота великобританского правительства, переданная в цзун-ли-ямынь [1]), в которой заявлялось, что Англия придает большое значение удержанию во владении Китая принадлежащей ему области Ян-цзы, «как обеспечивающей свободное течение и развитие торговли». В ноте вместе с тем выражалась уверенность в том, что Китай никогда не отчудит «какой-либо другой державе» на каких бы то ни было условиях территорий в провинциях, прилегающих к Ян-цзы. Ямынь ответною нотою [2]) дал требуемое обещание блюсти неприкосновенность собственных территориальных богатств.

Не лишенное на первый взгляд оригинальности выступление Англии в защиту целости и неприкосновенности Китая получило в скором времени достаточное объяснение.

Известно, что в это время царская Россия с не меньшею бдительностью стояла на страже интересов Китая и с исключительной энергией защищала его от японской и германской агрессии, не останавливаясь ни перед чем, что казалось ей необходимым для этой цели, даже перед приобретением незамерзающего порта на берегах Желтого моря [3]).

То соперничество, какое естественно возникало между двумя великими державами из-за приоритета в деле служения столь привлекательной и столь слабой китайской государственности, закончилось к обоюдному для соперников благополучию, и читатель той же «Оранжевой книги», изданной еще в 1906 г., мог с удовлетворением констэтировать, что относящиеся к 1898 г. самоотверженные действия двух ревнивых соперников уже к началу следующего года разрешились дружеским обменом нот, свидетельствовавшим о достигнутом обеими державами полном взаимном понимании [4]).

Основанное на этом взаимном понимании своих нужд соглашение между Англией и Россией в неофициальной и русской и английской литературе получило широкую известность, как соглашение о разграничении сфер влияния в Китае. В просторечии оно зовется также соглашением о «разделе Китая».

Следует отдать должное царскому дипломатическому ведомству, которое упомянутому акту приписывало значение соглашения о «сферах влияния» и, несмотря на всю

---

[1]) От 9(21)/II 1898 г. См. названный выше «Сборник», стр. 297—298.
[2]) От 11(23)/II 1898 г. См. там же.
[3]) См. «Красный Архив», т. XIV, стр. 1—8.
[4]) См. «Сборник», стр. 358—359.

условность господствовавшей в ту пору дипломатической терминологии, такой, именно, заголовок дало составленному из соответствующей переписки досье [1]).

Досье это содержит в себе преимущественно переписку, подобранную по частному вопросу о постройке линии Шанхай-Гуань—Ньючжуан. Соглашение по этому частному вопросу должно было быть достигнуто в результате общего соглашения, о котором говорилось выше; оно зафиксировано в нотах, равным образом получивших известность еще в эпоху царской публикации [2]).

Ярко империалистическая природа русско-английского соглашения о разграничении сфер влияния в Китае самоочевидна даже для читателя «Оранжевой книги». Хранящаяся в Архиве Внешней Политики переписка по данному вопросу едва ли в состоянии прибавить в этом отношении что-либо существенно новое.

В ней есть однако ряд документов, доселе не опубликованных, но заслуживающих внимания, которые отвечают на вопрос о том, кто являлся инициатором соглашения, выясняют ход переговоров и дипломатическую борьбу, предшествовавшие подписанию его, и рисуют попутно международную конъюнктуру, в условиях которой соглашение было заключено [3]).

Обмен мнений между кабинетами начался в ту пору, когда русское правительство вело с Китаем переговоры о сооружении южно-манчжурской железной дороги, как условии заключения Китаем нового займа. Инициатива переговоров принадлежала сенджемскому кабинету, как известно, особенно страдавшему в ту пору от состояния «блестящего одиночества». Изолированная в ближне-восточных делах, Англия испытывала в это время сильнейшие трения в своих отношениях с французами, стремившимися к созданию крупной колониальной империи и захватывавшими направо и налево все, что можно было захватить (Индо-Китай, Сиам, Китай, Мадагаскар, Верхний Нил, Нижний Нигер). В то же время Франция исправляет свое международное положение заключением

---

[1]) Точный заголовок таков: «О соглашении с Англией по железнодорожным делам. Сферы влияния».

[2]) См. там же.

[3]) Необходимо отметить, что если русская публикация ограничивалась воспроизведением только текста соглашения, то английская публикация также не блистала ни полнотою, ни систематичностью. Непосредственно после заключения соглашения советник русского посольства в Лондоне предупреждал: «Переписка, относящаяся к этому вопросу, так же, как и к делу Ньючжуанской дороги, пока не появилась; в ней неизбежно будет много такого, что представит действия великобританского правительства в весьма неблаговидном свете, и оно, весьма естественно, употребит все усилия, чтобы по возможности задержать публикование подобных документов» (депеша Лессара от 28/IV 1899 г. за № 32). Когда появилась «Синяя книга» с соответствующей перепиской «China № 1 (1900)», русский посол в Лондоне указывал на то, что публикация эта является вынужденным ответом правительства на докучливые вопросы парламентских групп.

Переходя к критической оценке опубликованного английским правительством материала, тот же посол писал: «Английские правительственные издания, вообще, представляют собой исключительно сырой материал — собрание документов без всякой попытки систематизации. Но едва ли когда-нибудь до настоящего времени в одной «Синей книге» было соединено без всякой связи столько разнокалиберного материала, как в данном случае. Вероятно, Foreign Office более интересуется другими делами и не стремится облегчить знатокам дел Китая ознакомление с английскою деятельностью в этой стране» (депеша Стааля 29/III 1900 г., № 25).

торгового договора с Италией и, столкнувшись с англичанами в пределах Центральной Африки, ведет с Германией переговоры по поводу английской опасности. Германия, намечающая себе приобретения на африканском материке за счет португальских владений, занимает в отношении Англии враждебно-настороженную позицию и разработкою законопроекта о флоте немало тревожит лондонские политические круги.

Такова была та общая международная обстановка, в условиях которой Англия стала лицом к лицу перед русской опасностью на Дальнем Востоке — насаждением военного инструктажа в Корее и постепенным внедрением в Манчжурию, сопровождающимся соединением манчжурской магистрали с китайскими железными дорогами.

Предоставляя Японии ликвидировать русскую опасность в Корее, в пределах китайской территории англичане надеются притти с русским империализмом к полюбовному соглашению. Интересы английского и русского империализма сталкивались здесь прежде всего в вопросе о предпринимаемом китайским правительством сооружении железнодорожной линии Тянь-цзин-Шанхай-Гуань-Ньючжуан.

Проект сооружения железной дороги от Шанхай-Гуаня вглубь Манчжурии до Мукдена и Гирина был составлен еще в начале 90-х годов. Война с Японией и наступившее после того финансовое оскудение помешали правительству богдыхана реализовать проект, и ко времени сооружения Россией Китайской Восточной ж. д. (т.-е. к середине 1897 г.) китайцам удалось проложить всего лишь 64 клм. пути от Шанхай-Гуаня до местечка Чунхоу-Со. Отношения Китая к России в ту пору не отличались особой приязнью. 19/VII 1897 г. был издан указ богдыхана о скорейшем продолжении этой линии дальше на соединение с К.-В. ж. д., причем во главе всего дела ставился директор северных железных дорог, Ху-юй-фын, человек, близкий к кругам английского Гонконг-шанхайского банка, непосредственное же руководство по сооружению линии поручалось англичанину Киндеру.

Русский дипломатический представитель в Пекине указывает цзун-ли-ямыню на нежелательность допущения англичан к железнодорожному строительству в Манчжурии. Цзун-ли-ямынь сперва отвечает уклончиво, но, когда наступают тяжелые для него дни (занятие германцами Киао-Чао 26/XI 1897 г.), он идет на уступки и своей профессиональной защитнице — России, дает обещание, что в деле сооружения железных дорог севернее Шанхай-Гуаня будет устранено всякое участие иностранцев, кроме русских. Вместе с тем Китай связывает себя заключением в Русско-китайском банке двух займов на общую сумму 600.000 лан. Вынужденное к уступкам обстоятельствами момента, китайское правительство ждет благоприятной минуты, чтобы взять их обратно, и готово в любой момент нарушить только что торжественно данные обязательства. Английские банковские круги также отнюдь не намерены сдавать свои позиции, и Киндер продолжает спокойно ждать своего назначения на должность.

Известно, что, заняв 4/XII 1897 г. Пэрт-Артур судами своей эскадры, Россия хлопочет в ту пору о заключении арендного договора, и действия русской дипломатии в китайском вопросе в связи с тем становятся особенно предупредительными и мягкими. Как повествует всеподданнейшая записка, составленная ст.-секретарем Витте [1]), «министры иностранных дел и финансов, сего 14 января, совещались по вопросу о дальнейшем направлении дела о займе», причем пришли к следующему заключению: «1. Покуда надлежит продолжать вести переговоры о займе прежним порядком и даже уполномочить

[1]) Проект всеподданнейшей записки, составленный ст.-секр. Витте 14/I 1898 г.

Павлова [1]) заявить, что, если китайское правительство примет все наши условия займа, мы, с своей стороны, готовы повысить цену займа против цены займа 1895 г., не определяя ныне размера сего повышения. Продолжение переговоров о займе не обусловливается непременным желанием указанных министров заключить заем чрез посредство России;— но намерением сделать нижеизложенную попытку соглашения с Англиею по этому делу. 2. Признать, что интересы России при настоящих политических обстоятельствах были бы достаточно удовлетворены, если бы, при заключении займа Англиею, великобританское правительство поставило одним из условий займа расширение концессии Кит. Вост. ж. д. предоставлением этой дороге сооружения и эксплоатации на условиях предоставления этой концессии ветви магистрали к порту Таляньваню. Это второе условие, по мнению министров иностранных дел и финансов, оградит интересы России при решении сохранить за нами навсегда Порт-Артур как военную гавань, а Талянвань — конечный пункт великой Сибирской дороги и коммерческий порт, открытый в мирное время для всесветной торговли».

Роль кредитора Китая сама по себе для нуждавшейся в кредитах России была мало подходящей, и переуступить ее на выгодных условиях Англии представлялось русской дипломатии не только возможным, но и желательным. Соглашаясь с доводами министра финансов, министр ин. дел гр. Муравьев писал [2]): «Некоторые данные указывают на то, что высказанное вашим превосходительством предположение о направлении, которое может, в конце концов, принять дело китайского займа, близится к осуществлению. В этих видах и принимая во внимание заявление, сделанное китайским правительством лондонскому кабинету о том, что оно принуждено было отклонить английские предложения исключительно в угоду нашим требованиям, — казалось бы, что ныне наступило время, когда нам необходимо было бы стремиться к извлечению всех политических выгод из настоящего положения этого вопроса. С этою целью мы могли бы, предоставив англичанам воспользоваться чисто финансовыми льготами задуманного китайцами внутреннего займа, попытаться достигнуть соглашения в этом деле с Англиею — между прочим на условиях, изложенных в вашем проекте докладной записки от 14/I с. г. При таких обстоятельствах нам удалось бы, в согласии с высочайшими предначертаниями государя императора, обеспечить вполне дружественные отношения с Англиею в делах, касающихся Крайнего Востока» [3]).

Предрасположенность к уступкам русской дипломатии выявилась перед нами в приведенных документах с достаточной ясностью. Такой момент английская дипломатия находит подходящим для того, чтобы обратиться к России с предложением поделить по-братски плохо лежащую китайскую территорию, распределив ее на соответствующие зоны или сферы влияния. Во всеподданнейшей записке министра ин. дел. Муравьева от 19/I 1898 г. читаем: «Посетивший меня на-днях великобританский посол... высказал некоторые соображения по поводу возможности установления между Россиею и Англиею

---

[1]) Русский посланник в Пекине.

[2]) Копия с доверительного письма мин-ра ин. дел мин-ру финансов от 27/I 1898 г., № 50.

[3]) На письме гр. Муравьева имеется собственноручная пометка Николая II: «К сожалению, я не уверен в хорошем исходе подобной сделки с Англиею, что все наши интересы на Дальнем Востоке будут соблюдены».

полного согласия в делах как Крайнего, так и Азиатского Востока. Согласие это, по мнению маркиза Сольсбюри, могло бы установиться, если бы мы изъявили готовность принять точкою исхода наших взаимных отношений более или менее определенное разграничение обоюдных сфер влияния как в Китае, так и в Турции, с обязательством взаимной помощи и поддержки. Осмеливаюсь полагать, что предложение маркиза Сольсбюри заслуживает внимания в той мере, поскольку оно касается разграничения сфер обоюдного влияния в пределах Китая. В самом деле, при настоящих политических обстоятельствах и в виду занятия судами нашей эскадры портов Артура и Талянваня, для нас казалось бы весьма желательным войти в полюбовное соглашение с Англиею разделением сфер влияния в пределах Китая в смысле предложения Сольсбюри, т.-е., чтобы восточною границею нашей сферы была бы река Хуан-хе (Желтая река), а северною границею — английский бассейн Ян-цзы-цзян. Подобное соглашение в настоящую минуту, открывая нам полную свободу действий в пределах Печилийского залива, давало бы возможность устранить англичан от всякого вмешательства в дела Северного Китая. Если вашему императорскому величеству благоугодно будет одобрить изложенные соображения, то я не премину... приступить к дальнейшему обмену мыслей с великобританским послом по поводу предложения маркиза Сольсбюри, лишь в той части оного, которая касается Китая».

28 января английский посол посещает министра и снова поднимает вопрос о соглашении. В заключительной части всеподданнейшей записки от 29/I 1898 г. значится: «Внимание посла было обращено мною на то обстоятельство, что сэру О'Конору [1]) надлежит испросить скорейшего сообщения из Лондона нам более определенной программы, которая могла бы послужить основою для будущего соглашения между Россиею и Англиею. Так как я при этом не преминул подтвердить великобританскому послу, что наиболее спешного обсуждения в настоящее время требуют дела Крайнего Востока, то сэр О'Конор все же, повидимому, нашел необходимым высказать несколько соображений и относительно возможного соглашения с нами по делам Турецкого Востока. Соображения эти весьма знаменательны и потому заслуживают, казалось бы, серьезного внимания: так, английский посол заявил, что по вопросу о разграничении сфер влияния в Турции Англия готова будет признать полную законность стремления России включить в свою сферу не только Черное море с прилегающими ближайшими побережьями и Босфорским проливом, но и с «выходом в Эгейское море», присовокупив при этом, что все интересы Англии ныне сосредоточены преимущественно на африканском материке. В заключение английский посол прибавил, что о взглядах великобританского правительства относительно возможного между обоими государствами соглашения — он, О'Конор, уже делал сообщения гр. Муравьеву, который, несомненно, имел случай докладывать о сем вашему императорскому величеству, и что, стало быть, ныне наступила минута для более точного и подробного определения программы соглашения. Не оспаривая соображений посла и убедившись из общего характера беседы сэра О'Конора, что он лично, повидимому, вполне сочувствует сближению между Россией и Англией и совершенно чистосердечно готов способствовать таковому, я просил его, во избежание всяких недоразумений, изложить, если возможно письменно, в форме промемории или памятной записки, взгляды и пожелания великобританского правительства».

[1]) Великобританский посол в Петербурге.

О начавшихся переговорах министр ин. дел телеграммой ставил в известность своего посла в Лондоне [1]): «Здешний английский посол по поручению своего правительства поставил меня в известность о готовности сент-джемского кабинета войти с нами в соглашение по делам как Крайнего, так и Турецкого Востока при посредстве более или менее определенного разграничения обоюдных сфер влияния в Китае и в Турции, с обязательством взаимной помощи и поддержки. Соображения Сольсбюри по сему предмету были повергнуты мною на высочайшее благовоззрение его императорского величества. Государю императору благоугодно было выразить великобританскому послу полное сочувствие к предложениям английского правительства, высказав при этом, что наиболее спешного обсуждения в настоящее время требуют дела Крайнего Востока. В виду сего мы надеемся, что Сольсбюри не замедлит сообщить более точную программу, которая могла бы послужить основою для будущего соглашения между Россиею и Англией».

31 января английский посол в Петербурге вручает министру ин. дел памятную записку по вопросу о проектируемом соглашении. Мы лишены, к сожалению, возможности привести текст этой записки, ибо до сего времени в делах б. министерства ин. дел она не обнаружена.

Но из цитированных документов с достаточной убедительностью явствует, что удочка британской дипломатии первоначально была закинута далеко, что англичане имели в виду заключить соглашение на весьма широкой основе, охватив им вопросы не только Дальнего, но и Ближнего Востока. Однако в вопросах ближневосточных определенно не клюнуло, и переговоры развивались исключительно в плоскости дальневосточной политики. Еще после первого визита О'Конора Муравьев намечал для переговоров определенное ограниченное русло. На полях же второй всеподданнейшей записки (от 29/I 1898 г.) рукою Николая II была сделана помета: «Наши переговоры с Англией в настоящее время могут касаться только дел Дальнего Востока». Англичане, повидимому, на своем первоначальном широком предложении не настаивали, и второе посещение О'Конора связано уже с конкретною темой о китайском займе. Об этом мы узнаем из следующих строк той же записки: «Великобританский посол посетил меня вчера и вновь выразил сетования на то, что мы будто бы воспрепятствовали заключению китайского займа у Англии, стремясь для сего воздействовать на пекинское правительство угрозами. Между тем, по словам О'Конора, в Лондоне придавали большое значение вопросу о китайском займе, главным образом, потому, что многие мелкие английские капиталисты уже готовы были поместить свои небольшие капиталы в это предприятие, не состоявшееся вследствие настойчивого противодействия России; с другой стороны, местная пресса не преминула воспользоваться этим обстоятельством, чтобы перенести чисто финансовую неудачу на политическую почву; газеты стали говорить о неуспехах английской политики в Китае, объясняя это возрастающим политическим влиянием России на Крайнем Востоке, все более и более задевая национальное чувство англичан. Такое положение, — прибавил О'Конор, — может поставить английское правительство... в весьма затруднительное положение... Вследствие сего О'Конор и обращается к нам с просьбой дать возможность английскому правительству какими-либо средствами сгладить это тяжелое впечатление в Англии, помочь Сольсбюри выйти из настоящего затруднительного положения. На сообщение это я прежде всего заметил английскому послу, что не

[1]) Проект секретной телеграммы Муравьева Стаалю (не датирован).

следует придавать особой веры тем сообщениям, которыми китайцы старались объяснить в Лондоне неудачный исход переговоров английского правительства о займе, так как министры богдыхана пользовались совершенно аналогичными доводами в объяснениях с нашим представителем в Пекине, утверждая, что Англия старалась всеми средствами и угрозами воспрепятствовать заключению китайского займа в России. Это обстоятельство,—добавил я,—как нельзя более свидетельствует, что, если бы между нами состоялось предложенное по инициативе маркиза Сольсбюри соглашение, получившее... высочайшее одобрение... то все возникающие между Россией и Англией недоразумения подобно вышеизложенному легко разрешались бы к обоюдному удовлетворению. Из наших откровенных объяснений сент-джемский кабинет не замедлил бы усмотреть, что мы не придаем преувеличенного значения заключению китайского займа в России; напротив того, если бы мы были глубоко убеждены, что великобританское правительство интересуется китайским займом лишь с точки зрения помещения фондов своих капиталистов, т.-е. видит в нем чисто финансовую операцию, то, несомненно, Россия не только не препятствовала бы заключению займа у английских капиталистов, а, быть может, в состоянии была бы оказать и некоторое содействие заключению такового в Англии, но, само собою разумеется, с тем непременным условием, чтобы Англия не предъявляла бы пекинскому правительству таких требований, которые могли бы нанести ущерб нашим интересам, либо противоречили всем тем обязательствам по отношению к России, которые уже ранее были приняты китайцами...» Английской ноте от 31/I русским дипломатическим ведомством придавалось безусловно крупное значение. «Официальная нота великобританского посла, — читаем во всеподданнейшей записке от 2/II 1898 г., — в коей изложены взгляды лондонского кабинета по вопросу о разграничении сфер влияния между Россией и Англией как в Турции, так и в Китае, представляет документ первостепенной важности. Нисколько не связывая свободу наших действий, английское правительство этою знаменательною нотою, подписанною от его имени его же представителем в С.-Петербурге, заранее устанавливает известные принципиальные основания, которые в будущем могут иметь для нас существенное значение». «Я не премину прежде всего заявить О'Конору, — писал Муравьев в той же записке, — что Англия, как явствует из ноты посла, вполне верно определила наше право на преобладающее влияние на севере Китая, вследствие чего мы, с своей стороны, готовы были бы допустить влияние Англии на юге империи».

Переданная великобританским послом в русское министерство памятная записка от 2/II 1898 г. заключала в себе перечисление основных пунктов английских пожеланий по китайским делам; из них самым существенным являлся пункт о неотчуждаемости иностранцам какой-либо части района Ян-цзы.

Столковавшись с министерством финансов и получив от Витте наставление руководствоваться прежде всего соображениями о русских притязаниях на манчжурскую ветвь и Порт-Артур, министерство ин. дел отвечает англичанам по принципиальной части их предложения полной взаимностью, причем ответ свой фиксирует в особой ноте, передаваемой великобританскому послу 10/II 1898 г.: «Мой государь соизволил усмотреть в этой записке [от 2/II 1898 г.] новое доказательство выраженного великобританским правительством желания притти с императорским правительством к такому соглашению, которое помогло бы устранить всякие трения и осложнения между двумя государствами в областях, где интересы их могли бы прийти в соприкосновение. С удовольствием принимая эту мысль, император полагает, что она могла бы найти ближайшее применение

к делам Крайнего Востока, в частности, к вопросу о китайском займе, который, именно в данный момент, является предметом особого внимания обоих кабинетов» [1]).

Еще раньше, при одном из свиданий своих с О'Конором, Ламздорф переводил мысль последнего от общего соглашения к частному: «Соглашение наше по частному вопросу о займе, — говорил он тогда, — может служить пробным камнем для выяснения общности наших взглядов и действий современем даже по более обширной программе» [2]).

Аргументация в пользу соглашения о займе основывалась русской дипломатией на следующих соображениях: хотя китайцы в рассматриваемый момент склонны были отказаться от внешнего займа, уверяя англичан, что заключению займа в Англии им мешают угрозы России, а русских уверяя в обратном, но было несомненно, что заключение внутреннего займа пекинскому правительству не удастся; при таких обстоятельствах «возможно было бы допустить предъявление Англиею китайцам тех условий займа, которые могли бы быть приняты китайцами без ущерба для них и не затрагивали бы наших интересов в Китае»; «предоставив» китайцам свободно войти в переговоры о займе с Англиею и заставив Англию «смягчить» условия его, т.-е. выступив в качестве защитника интересов Китая, русская дипломатия «взамен этой услуги» могла потребовать от правительства богдыхана «обеспечения за ним арендного пользования портами Артуром и Талянваном совместно с концессиею на соединительную с ними железнодорожную линию»; «при подобной постановке вопроса, — замечал по этому поводу Ламздорф, — мы прежде всего избегнем всех тех неудобств, которые могли бы возникнуть в случае заключения Китаем внешнего займа у какой-либо европейской державы без всякого посредства с нашей стороны»; разумеется, рассмотрение английских условий должно было быть произведено не иначе, как «с точки зрения наших политических и финансовых интересов»; «поставленное в вышеозначенные рамки соглашение наше с Англиею обеспечило бы за нами существенные интересы наши на севере Китая»; всем сказанным ни в какой мере не должны были омрачиться взаимоотношения России и Франции, ибо в северной части Китая Франция не была заинтересована совершенно, «в деле же разграничения сфер влияния Франции и Англии на юге Китая едва ли с нашей стороны возможно какое-либо вмешательство». Изложенная аргументация заключалась в записке товарища министра от 2/II 1898 г. С этого момента переговоры, казалось, могли начаться и могли быть поставлены на конкретную деловую почву.

Англичане рассчитывали, между тем, в конкретном вопросе о займе добиться своего, поставив русское правительство перед совершившимся фактом. По крайней мере, русский посланник в Пекине телеграммою от 15/II 1898 г. сообщал о том, что китайское правительство возобновило переговоры с Гонконг-шанхайским банком о займе в 16 милл. фунтов стерлингов на условиях, тождественных с теми, которые банк предлагал весною прошлого года и которые тогда были отвергнуты китайцами, что дело ведется крайне секретно между Хартом и Чжан-ин-Хуаном, повидимому, лично заинтересованным в деле. Русское правительство, настаивавшее на соглашении прежде всего по частному вопросу о займе и занятое оформлением договора об аренде портов и о концессии на южную ветку К. В. ж. д., не торопится с продолжением переговоров.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Всеподданнейшая записка Ламздорфа от 7/II 1898 г.

В результате, переговоры развиваются крайне медленным темпом, иногда прерываясь, потом снова возобновляясь, принимая характер торга по мелочам.

Китай также оказывается невольно втянутым в переговоры, и в июле 1898 г. Павлову удается обменяться с цзун-ли-ямынем нотами, которыми было условлено, что Шанхай-Гуань — Инкоуская железная дорога не может служить обеспечением займа, и что иностранный финансовый контроль над операциями дорог допущен не будет. «Такою постановкою вопроса, — объяснял министр Лессару [1]), — мы в значительной мере связали свободу действий Китая». Вместе с тем тот же министр подчеркивал, что «стремление наше оградить собственные интересы не может и не должно вызывать опасений со стороны Англии»: симпатии Англии Россия должна была завоевать фактом сообщения английскому посланнику 3-й статьи дополнительного протокола [2]). О той тревоге, какая в связи с занятием Россией Квантуна, охватила лондонские политические круги, сообщал Стааль еще в январе 1898 г. Теперь, в июле, Лессар писал о наступившем в Лондоне рецидиве этих политических страхов. Поручая Лессару выступить перед кабинетом с соответствующими объяснениями «в примирительном духе», в своей телеграмме от 29/VII 1898 г. министр инструктировал его так: «В виду обострившегося по отношению к нам настроения Англии в вопросе о продлении железной дороги от Шанхай-Гуаня до Инкоу, необходимо иметь в виду, что мы вовсе не противимся сооружению китайцами означенной дороги, ни совершению займа для этой цели. Заключенные нами с правительством богдыхана соглашения имеют лишь в виду предупредить возможность перехода предприятия тем или иным путем в руки иностранцев. Действуя таким образом, мы руководились весьма понятным стремлением оградить собственные интересы в сфере естественного влияния России. Мы не преследовали при этом каких-либо скрытных замыслов и продолжаем оставаться при... убеждении, что деятельность наша в Манчжурии, открывшая новый край предприимчивости иностранцев, может лишь иметь благотворное влияние на общие интересы».

Состояние переговоров к этому времени определяется сообщением Лессара от 31/VII 1898 г.: «Несколько часов ранее получил приглашение Бальфура, ныне управляющего министерством иностранных дел, зайти к нему сегодня. Он обратил внимание на возбуждение общественного мнения, выразил сожаление, что смягчившиеся после весенних недоразумений отношения опять обострились, несколько раз повторил, что правительство крайне озабочено положением дел на Крайнем Востоке, которое оно считает очень серьезным. В ответ я привел аргументы телеграммы вашего сиятельства, прибавив, что, если мы не можем пожертвовать нашими интересами в Манчжурии, то были бы искренно рады решению вопроса, при котором были бы соблюдены обоюдные выгоды. Я спросил: если постройка дороги Шанхай-Гуань—Инкоу дело коммерческое, то не могла ли бы Англия просить у Китая гарантии займа в другом виде? Бальфур видит главное затруднение в том, что вопрос принципиальный — Англия должна защищать Тянь-цзинский трактат. Я заметил, что, вопреки нашему трактату, Англия получила исключитель-

[1]) Депеша министра ин. дел росс. дипл. представителю в Лондоне Лессару от 29/VII 1898 г.

[2]) О соединении сибирской магистрали с Порт-Артуром и Таляньваном, о непредоставлении иностранцам ж.-д. концессий в этом районе, о согласии России не препятствовать сооружению Шанхай-Гуанской ж. д., строящейся на средства китайского правительства.

ную привилегию относительно начальника таможен. Как Бальфур, так и Сандерсон оспаривают этот довод, но, повидимому, понимают его вес. Бальфур полагает желательным соглашение всех заинтересованных держав относительно сфер влияния каждой. Не зная взгляда императорского правительства на введение европейского концерта в Китае, я лишь указал на трудность международного обширного соглашения; казалось бы, легче сговориться отдельным государствам. Объяснение имело самый примирительный характер, и министр, повидимому, желает найти выход и опасается лишь нападок прессы и шовинистов». Англичане не перестают также указывать на то, что считают заключенные Россией соглашения с Китаем для себя не обязательными [1]).

Мысль Бальфура, расценивающего положение вещей на Дальнем Востоке, как «очень серьезное», — о разрешении китайского вопроса путем обращения к концерту держав — в русском министерстве не встречает сочувствия. «Разрешение возникающих на почве Китая вопросов путем европейского концерта, — телеграфировал министр Лессару 2/VIII 1898 г., — считаем безусловно нежелательным, полагая удобным сговариваться с заинтересованными государствами в отдельности». По сути дела русское правительство было заинтересовано только в соглашении с Англией, и притом только по частному вопросу, и этим позиция его сильно отличалась от позиции англичан, которые опасались, с одной стороны, сужения некоторых своих прав в Манчжурии, с другой же — конкуренции Франции в долине Ян-цзы и предполагали в этом добиться от России поддержки.

Русская дипломатия избирает определенно кунктаторскую тактику, но вместе с тем старается всячески избежать обострения отношений с Англией. Допуская возможность, что Англия в крайнем случае «решится... на вызывающий прямо против России шаг в такой отдаленной области наших интересов, где трудно было бы дать англичанам надлежащий отпор», автор всеподданнейшей записки ставил вопрос: «в предвидении такой случайности можем ли мы настаивать на нашей точке зрения до последних пределов, рискуя подорвать занятое нами ныне на Дальнем Востоке положение?» [2]). «Мир важнее всего, если честь не затронута», — отвечал ему собственноручной пометой его постоянный читатель. О возможности нарушения мира англичане, разумеется, серьезно не думали. Но что царь не продумал еще сделанного ему предложения, видно из другой пометы его, проставленной на одной из августовских телеграмм Лессара [3]), сообщавшего о неудовлетворенности англичан русской редакцией проекта о разделе Китая: «Нельзя делить существующее независимое государство на сферы влияния. Турция — в том же положении, как и Китай. Однако никто не делит ее территории на сферы влияния». Царские дипломаты, призванные к разработке дальне-восточного вопроса и фактически проводившие эту разработку в смысле утверждения русского влияния в известных зонах Китая, не чурались идеи о разделе его на сферы влияния, но опасались вводить эту идею в практику дипломатической терминологии. «Повидимому, можно было бы вовсе не касаться общего вопроса о сферах влияния, — говорит Лессар в своем частном письме от 19/VIII 1898 г., — и ограничиться лишь соглашением не просить концессий англичанам — в Манчжурии, нам — в долине Ян-цзы, ... оставляя за собой полную свободу действий на Желтой реке». Русский представитель в Лондоне, естественно, ближе всех подходил к английской точке зрения. Между тем иностранная политика сент-джемского кабинета

[1]) Всеподданнейшая записка от 4/VIII 1898 г.
[2]) Там же.
[3]) От 18/VIII 1898 г.

вызывает в стране определенное недовольство, и, стоящий перед обнаруживающимися в некоторых избирательных районах неприятными симптомами, кабинет стремится добиться хотя бы самого скромного успеха в китайских делах.

Сменяющий О'Конора Чарльз Скотт развивает энергичную деятельность, бомбардируя русское дипломатическое ведомство письмами и записками [1]).

Так как возражения Муравьева сводились прежде всего к ссылке на то, что китайское правительство не имеет права отдавать под залог Гонконг-шанхайского банка проектируемую железнодорожную линию, Скотт предлагал обеспечить заем другою существующею уже линиею, лежащею к западу от Великой Стены, а именно линиею Шанхай-Гуань — Тяньцзин — Пекин. «Так как дорога эта и без того находится в руках англичан, — писал по поводу этого предложения министр посланнику в Пекине [2]), запрашивая заключения последнего, — то, казалось бы, нет препятствий согласиться на предложение лондонского кабинета, дабы покончить все недоразумения». Министр иностранных дел, во всяком случае, склонялся к тому, чтобы принять предложение англичан, и даже получил на то согласие министра финансов. «Казалось бы, мы могли воспользоваться предложениями Бальфура, — читаем во всеподданнейшей записке от 29/VIII 1898 г., — и изъявить свое согласие на то, чтобы в обеспечение проектированного китайцами займа для постройки линии на Инкоу поступила Шанхай-Гуань—Тяньцзинская дорога, которая и без того находится в руках англичан и по отношению к которой не могут быть применены условия нашего соглашения с Китаем, так как дорога эта находится, если и не вполне вне сферы нашего влияния, то во всяком случае за пределами той полосы, где мы по смыслу конвенции 15 (27) III с. г. имеем право требовать устранения иностранных компаний от участия в сооружении железных дорог. Следует предположить, что готовность Англии довольствоваться столь скромной, — чтобы не сказать фиктивной, — уступкой в возникших между нами недоразумениях вызвана лишь весьма понятным желанием великобританского правительства, убедившегося, быть может, в невозможности склонить нас к изменению принятых нами решений в деле постройки железных дорог на севере Китая, — представить в настоящую сессию парламента, по крайней мере, благополучное окончание возбужденных им переговоров с китайским правительством о займе, под обеспечение одной из существующих вблизи Пекина железнодорожных линий. Такой оборот дела нельзя не считать весьма удачным, и нам, повидимому, нет оснований рассчитывать на более выгодные условия соглашения с Англиею в вопросе о Ньючжуанской дороге. О предложении великобританского правительства я не приминул довести до сведения ст.-секр. Витте через министерство финансов, который, с своей стороны, не видит препятствий к тому, чтобы проектируемый китайский заем совершен был под залог Шанхай-Гуань—Тяньцзинской железной дороги...» Царь также выразил согласие принять английское предложение: «На этих условиях, мне кажется, можно согласиться с Англией» — пометил он на цитированной записке.

Ламздорф тотчас же сообщает Скотту о последовавшем высочайшем решении и предлагает ему «оформить письменно, в виде проекта, текст обоюдных нот по означенному вопросу, подлежащих обмену».

---

[1]) Частные письма Скотта к Муравьеву от 16/VIII и 22/VIII 1898 г., сообщение великобританского посольства от 9/IX, конфиденциальное письмо Скотта от 16/IX 1898 года.

[2]) Секретная телеграмма Павлову от 29/VIII 1898 г.

«Великобританский посол возразил мне, — пишет Ламздорф о дальнейшем ходе переговоров [1]), — что им до сего времени не получено от маркиза Сольсбюри разрешения выделить вопрос о железнодорожных концессиях из общего соглашения по делам в Китае и что, в виду необычайного, постоянно поддерживаемого прессою возбуждения общественного мнения в Англии, ему казалось бы крайне желательным, заявляя парламенту о том, что Англия отказалась от гарантии железнодорожной линии Шанхай-Гуань — Инкоу, возвестить и о соглашении, достигнутом по всем интересующим оба государства в Китае вопросам». Опасаясь просчитаться на более широком соглашении, русская дипломатия, в свою очередь, уклоняется от прямого ответа, ссылаясь на необходимость дать более точное географическое определение сферам влияния. Англичане спешат рассеять сомнения русской дипломатии и уже 13/IX на недоуменные вопросы ее дают следующий ясный ответ [2]): «Район Ян-цзы может быть определен, как «провинции, прилегающие к реке Ян-цзы, и сверх того — провинции Хуань и Чже-цзянь». Мы считаем Манчжурию ясно определенною страною и ожидаем от русского правительства предложения касательно того ее определения, которое должно быть включено в соглашение».

Наконец, в приложении к своему конфиденциальному письму от 16/IX 1898 г. сэр Скотт давал такую формулировку проекта соглашения: «Оба правительства согласились о нижеследующем: 1. Чтобы линия Шанхай-Гуань — Ньючжуан была построена и, если нужно, при посредстве займа от Шанхай-гонконгского банка, но что линия эта должна остаться китайской линиею, под китайским контролем, и не должна быть отдана под залог какой-либо не-китайской компании. 2. Оба правительства также согласились относительно общего вопроса о железнодорожных концессиях в Китае: а) что русское правительство обязуется не домогаться получения за свой счет или для русских подданных каких-либо концессий или участия в концессиях на железные дороги в районе Ян-цзы, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия ходатайствам о таких концессиях, поддерживаемых британским правительством; в) что британское правительство обязуется не домогаться получения за свой собственный счет, или для английских подданных, каких-либо концессий или участия в концессиях на железные дороги в Манчжурии, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия ходатайствам о таких концессиях, поддержанных русским правительством. Сверх того условлено между обоими правительствами, что с обеих сторон ясно установлено, что таковые железнодорожные концессии не должны заключать в себе каких-либо постановлений относительно преимущественных (preferential) железнодорожных такс или исключительных (differential) правил о пассажирах и товарах в пользу страны, получившей концессию» [3]).

Английский проект заострил, таким образом, соглашение на железнодорожных концессиях и требовал снятия в пределах сферы влияния всех привилегий для подданных страны, получающей концессии. Вопрос о соглашении снова подвергается совместному обсуждению министров иностранных дел и финансов. У ведомств обнаруживается при этом значительное разномыслие. Точка зрения Витте сводилась к следующему: он допускал возможность не устанавливать запретительных мер по отношению к иностранным подданным в районах русского преобладающего влияния, но требовал вместе с тем снятия

[1]) Всеподданнейшая записка Ламздорфа от 9/IX 1898 г.

[2]) Сообщение великобританского посла в Петербурге от 13/IX 1898 г.

[3]) Перевод с английского.

всяких ограничений с деятельности Русско-китайского банка на юге Китая; это представлялось ему желательным не только в интересах самого банка, но и в видах завоевания симпатий французских финансовых сфер. «Таковы, — восклицал глава русского дипломатического ведомства [1]), — по проекту министерства финансов, единственные выгоды, приобретаемые нами ценою отказа от исключительного влияния на севере Китая! Как бы дороги ни были нам интересы единичных русских предпринимателей на юге Китая, где, впрочем, успехи их при существующей конкуренции английских, бельгийских, французских и иных капиталистов весьма сомнительны, как бы ни было желательно расширение финансовой деятельности банка на востоке, смею думать, что, ради выгод частных железнодорожных компаний и кредитных учреждений, императорское правительство едва ли может жертвовать политическими интересами первостепенной государственной важности. Открывая широкий доступ в Манчжурию и, вообще, северные области Китая англичанам, за которыми, в силу нашего соглашения, беспрепятственно последуют американцы, японцы и другие иностранные предприниматели, мы тем самым предоставим им первенствующую роль в экономическом и политическом развитии страны, которая, благодаря близкому соседству на протяжении почти всей государственной азиатской границы нашей должна находиться под преобладающим влиянием России и, с окончанием великого железнодорожного пути, войти в самое тесное сближение с Сибирью».

В результате ведомственных трений русский ответ на последнее английское предложение задерживается. Проходит два месяца. Между тем к ноябрю англичане достигают крупных военных и дипломатических успехов в Египте, нанося в Фашодском вопросе чувствительный удар Франции. Проведя вместе с тем дополнительную работу по укреплению своих вооруженных сил, они проникаются более уверенными настроениями в дальневосточном вопросе и пользуются теми разногласиями, какие обнаружились между двумя русскими ведомствами. Сообщение великобританского посольства от 18 (30) ноября 1898 г. свидетельствует о росте английских притязаний в Китае и стремлении вторгнуться в ту «сферу», которая недавно еще почиталась англичанами сферою прямых интересов России. Сообщение это гласило: «Сожалея о том, что мысль зафиксировать разграничение сфер влияния путем письменного соглашения встречает по указанным [вами] соображениям возражения, я тем не менее был рад узнать, что граф Муравьев и г-н Витте оба являются сторонниками соглашения, которое считалось бы как с независимостью Китая, так и с нашими правами по договору, которым, между прочим, признается совершенно недопустимым установление в силу железнодорожной концессии какого-либо преимущественного тарифа и исключительных правил в отношении к провозу товарных грузов и пассажиров в зависимости от национальности; что они готовы признать и блюсти политику «открытых дверей», основывающуюся на наших договорных правах; что они не намереваются требовать создания в Китае сферы исключительно русского влияния и русских интересов, и склонны не выходить за пределы тех мероприятий, которые являются необходимыми для охраны их манчжурской железной дороги. Если вы найдете возможным достигнуть того, чтобы смысл этих слов был в той или иной форме письменно зафиксирован в соглашении, — это было бы для нас весьма ценно, и подобное соглашение значительно помогло бы рассеять здесь некоторые опасения и подозрения» [2])...

[1]) Всеподданнейшая записка министра ин. дел. от 21/XII 1898 г.

[2]) Перевод с французского.

Русский дипломатический представитель в Лондоне так характеризовал новое английское выступление [1]): «Сообщение сэра Чарльза Скотта является мало понятным. Согласно новому предложению, мы отказываемся от всего и в этот раз уже действительно ничего не получаем. Желание лорда Сольсбюри совершенно непонятное и небывалое: он требует, чтобы наш отказ не был в виде обыкновенного уверения, а в виде un engagement écrit, т.-е. чтобы мы взяли перед Англией обязательства по поводу наших обязательств к третьему независимому государству — Китаю. Во всей истории наших уверений по средне-азиатским делам не было ничего подобного. Если бы мы пожелали увеличить арендованный нами участок на Ляодунском полуострове подобно тому, как сделали англичане у Гонконга, то должны были бы просить согласия Англии, ибо мы перед нею обязались бы «respecter l'intégrité de la Chine». Если бы какая-либо другая держава заняла самые важные пункты Печилийского залива, мы не могли бы получить компенсаций от Китая без разрешения Англии. Мы отказываемся от сферы влияния в Китае, даже если бы пожелали заключить таковой с какой-либо другою державою. Англия будет судьею, что нужно для ограждения безопасности манчжурской линии. В общем — отказ от права сноситься непосредственно с независимым государством. Если бы было невозможно вернуться к распределению сфер концессий, то, казалось бы, лучше не иметь никакого соглашения, нежели вышеназванное. Оно не принесет пользы и будет принято, как уступка угрозам Англии и повлечет за собою новые требования. Под влиянием новой, столь серьезной, дипломатической победы шовинисты сочтут себя полными хозяевами Китая, и их образ действий вызовет, весьма вероятно, очень серьезные осложнения. Едва ли проявление нами твердости в настоящее время сопряжено с большим риском. Мы имели предупреждения из Рима, но Италия более всего дружественна Англии, и ее предупреждения не были бы одною из косвенных попыток запугивания? Все были убеждены, что на вооружения тратятся громадные суммы, а на-днях канцлер казначейства сэр М. Гикс-Бич нашел нужным заявить, что все издержки на снаряжение флота ограничились несколькими десятками тысяч фунтов. Может быть, это и неверно, но самый факт такого заявления доказывает, что правительство едва ли приняло крайние решения, и само боится возбуждения общественного мнения. Бить Францию в ее колониях было, конечно, очень легко, но воевать с нами другое дело. Это здесь сознают, и весьма мало вероятия, чтобы пошли далее угроз. К тому же все с тревогою смотрят на северо-западную границу Индии и ранее выяснения положения дел на ней ни на что не решатся. Обстоятельства сложились для Англии исключительно благоприятно и подняли ее престиж; но действительные силы ее не велики, живет она только престижем, и продержится он, вероятно, весьма недолго, несколько месяцев. Если англичане увидят, что мы их не испугались, и если мы при этом будем вести очень осторожную политику в Пекине, избегая новых вопросов, то, вероятно, будет возможно избегнуть серьезных осложнений и без соглашения».

Как же реагировало русское дипломатическое ведомство на новый натиск англичан?

Секретною телеграммою на имя своего представителя в Пекине от 19/IX 1898 г. министр предупреждал последнего, что ньючжуанский вопрос вступает снова в свой первоначальный фазис, что Гонконг-шанхайский банк, возможно, начнет снова предлагать заем под обеспечение проектируемой дороги Шанхай-Гуань — Инкоу и что велико-

[1]) Частное письмо Лессара от 24/XI 1898 г.

британское правительство будет подерживать это требование, не взирая на состоявшийся между нами и китайцами обмен нот 19/VII. Вместе с тем, однако, министр ставил посланника в известность о том, что признано необходимым «не доводить отношений наших с Англией в Китае до открытого разрыва» и стремиться во что бы то ни стало «найти выход из настоящих затруднений».

Министр иностранных дел отлично понимал, что «попытка маркиза Сольсбюри добиться признания с нашей стороны политики «открытых дверей» в Китае, отказа нашего как от преимуществ, сопряженных с полученною нами концессиею Восточной железной дороги, так и от права на исключительное влияние в Манчжурии — указывает на все более и более возрастающие притязания Англии играть первенствующую роль в Китае и на стремление ее с этою целью вторгнуться в сферу прямых интересов России» [1]). Министр учитывал вместе с тем исключительно выигрышное в настоящий момент положение Англии, усилившейся дипломатически и в военном отношении. Ему приходилось также считаться со следующими особенностями настоящей конъюнктуры: 1) антагонизмом России с Японией, которая не могла решиться на враждебные против России действия иначе, как при поддержке со стороны Англии; 2) с обнаруживающеюся у Соединенных Штатов, после приобретения ими Филиппин, тягой на юг — к долине Ян-цзы, где их интересы должны были рано или поздно притти в ближайшее соприкосновение с английскими, причем русскому правительству, само собой разумеется, представлялась здесь желательной перспектива отнюдь не англо-американского согласия, но — англо-американского соперничества [2]). «Это обстоятельство, — заключал свой анализ международного положения министр иностранных дел, — в свою очередь, казалось бы, свидетельствует о необходимости для нас, при настоящих политических условиях, исчерпать все средства к достижению полюбовного соглашения с Англиею по делам Крайнего Востока».

Практический шаг намечался отсюда следующий — отклонив новое английское предложение, вернуться к старому первоначальному, а пока что — обратиться к китайскому правительству с запросом, в каких провинциях оно готово предоставить России, с одной стороны, и Англии—с другой, право получения железнодорожных концессий.

«Единственным выходом для нас, — значится во всеподданнейшей записке от 15/I 1899 г., — представляется принять изложенные в ноте от 16/IX 1898 г. первоначальные английские предложения о взаимном распределении железнодорожных концессий в Китае, согласно нашему проекту карты, что, по крайней мере, обеспечило бы за нами исключительное влияние на севере Китая и преимущественно в Манчжурии».

Пока происходит выработка русского ответа, редактируемого по соглашению между двумя ведомствами и обсуждаемого затем (в конце января 1899 г.) на специально созываемом особом совещании, англичане успевают приступить к реализации Гонконг-шанхайским банком железнодорожного займа. 23/I 1899 г. было опубликовано объявление о подписке; в нем сообщалось, что гарантиею займа являются линии от Пекина до Шанхай-Гуаня, а также доходы железной дороги от Шанхай-Гуаня до Синминтина [3]) и проектируемых от этой последней ветвей, из коих одна должна была пойти на Ньючжуан. Контрактом займа, кроме того, предусматривалось, что главным инженером по постройке

[1]) Всеподданнейшая записка, не датированная, относящаяся ко второй половине ноября 1898 г.

[2]) Записка от 2/XII 1898 г., составленная, повидимому, Лессаром.

[3]) Синминтин — го род в Южной Манчжурии, верстах в 60 к западу от Мукдена.

дорог должен быть великобританский подданный, что главные служащие должны быть из европейцев, и что бухгалтеру-европейцу, совместно с директором дороги и главным инженером, должны быть предоставлены полномочия вести железнодорожную отчетность и наблюдать за приходом и расходом сумм [1]). Словом, условия этого контракта находились в безусловном противоречии с только что состоявшимся русско-китайским соглашением (ст. 3 СПБ дополнительного протокола от 25/IV 1898 г.).

Одновременно сэр Чарльз Скотт обнаруживает крайнее нетерпение и неоднократно запрашивает русское министерство, какие причины вызывают отсрочку начатых с Англией переговоров о соглашении. В настояниях англичан Муравьев усматривает даже «недоверие к нашей искренности и даже некоторое раздражение» [2]).

Необходимость соглашения с Англией в той или другой форме теперь была уже сознана всеми ведомствами, вопрос этот петербургским кабинетом был бесповоротно решен в положительном смысле. Частный вопрос о займе не должен был явиться препятствием на пути к этому соглашению. Тем более, что препятствие легко было устранить за счет того же Китая. О способах этого устранения повествуется в одном из доверительных писем министра иностранных дел к военному министру [3]): «Как вашему превосходительству не безызвестно,—писал Муравьев,—в последнее время китайское правительство для приобретения средств на постройку железной дороги от Шанхай-Гуэня до Ньючжуана прибегло к заключению займа у Гонконг-шанхайского банка на условиях, противоречащих состоявшемуся еще в июле минувшего года между нами и Китаем соглашению относительно названной дороги. Так как благоприятному осуществлению вышеупомянутого займа английское правительство придавало весьма существенное значение, то министерство иностранных дел не признало возможным настаивать в Пекине на уничтожении состоявшейся финансовой сделки, дабы, при хорошо известных вашему превосходительству настоящих политических условиях, не нарушить наших дружественных отношений с Англией, с которою мы ныне ведем переговоры о заключении соглашения по китайским делам. С другой стороны, однако, вверенное мне министерство все же нашло необходимым предъявить формальный протест в Пекине против допущенного китайскими министрами нарушения принятых ими перед нами обязательств, имея в виду воспользоваться этим обстоятельством, чтобы потребовать от китайского правительства соответствующих компенсаций и, таким образом, не оставить безнаказанным отступление его от соглашения 19 июля 1898 г. При этом министерство полагало, что наиболее целесообразным было бы потребовать таковые компенсанции в пределах Квантунского полуострова и нейтральной зоны, т.-е. именно в тех местностях, где мы не придем в столкновение с притязаниями англичан и где у нас имеются первостепенные государственные интересы».

Ниже мы увидим, какую компенсацию русское правительство имело в виду выговорить себе у Китая, сейчас же обратимся к русскому ответу на английские предложения. Ответ этот возвращался к первоначальному английскому проекту, был составлен в осторожных выражениях, но значительно сужал базу, на которой должно было быть построено соглашение. Ответ этот был дан в ноте, переданной английскому послу 26/I 1899 г., гласившей [4]): «Императорское правительство не преминуло подвергнуть всестороннему рас-

[1]) Письма Витте Муравьеву от 25/I 1899 г. и от 28/I 1899 г.
[2]) Всеподданнейшая записка Муравьева от 23/I 1899 г.
[3]) От 26/II 1899 г.
[4]) Перевод с французского.

смотрению делавшиеся ему с прошлого года великобританским правительством предложения о заключении обеими державами соглашения, имеющего целью устранение конфликтов, порождаемых с некоторых пор заинтересованностью их подданных в экономических делах Китая, приобретших такую значительность с того времени, как пекинское правительство решило содействовать проведению железных дорог по своей обширной территории. Самая сущность этих подвергнутых рассмотрению столь сложных вопросов не позволила нам выработать какие-либо конкретные определенные предложения, которыми достигалась бы цель мирного согласования, побудившая обе стороны приступить к вышеупомянутым переговорам. Не желая тем не менее затягивать заключение принципиального соглашения, долженствующего свидетельствовать о твердом решении как России, так и Великобритании избегать всякого рода конфликтов и работать совместно в деле миролюбивого разрешения всех вопросов в области развития их промышленных и коммерческих интересов в Китае, — императорское правительство пришло к заключению, что в настоящее время в вопросах Дальнего Востока лучше всего было бы остановиться на предложениях лондонского кабинета, изложенных в ноте великобританского посла в Петербурге от 31 января минувшего года. Если правительство ее величества королевы разделяет эту точку зрения, то, не касаясь преждевременно специальных вопросов и деталей, которые могут быть разрешаемы постепенно, по мере представляющейся в том надобности, было бы возможно установить теперь же общие положения соглашения на основах разграничения сфер влияния в зависимости от экономической или географической заинтересованности той или иной державы. В виду же того, что в настоящее время вопросом, наиболее интересующим и с.-петербургский и лондонский кабинеты является вопрос о проведении и эксплоатации китайских железных дорог, естественно было бы прежде всего договориться именно по этому вопросу. Можно было бы условиться о следующем: 1) что Россия не будет препятствовать никаким железнодорожным предприятиям Великобритании в районе Ян-цзы и 2) что Великобритания, с своей стороны, не будет препятствовать аналогичным предприятиям России в районе, расположенном к северу от Великой Китайской стены. Заключить подобное соглашение было бы тем более легко, что оно вполне согласовалось бы с предложениями, сделанными нам британским правительством год тому назад и что оно соответствовало бы идее разграничения сфер влияния, — идее, игнорирование коей в ведущихся переговорах еще так недавно вызывало сожаление у маркиза Сольсбюри».

Побуждаемое отчасти соображениями парламентской тактики, стоящее перед близкою перспективою отправки своих войск в Южную Африку [1]), и, в конечном счете, добившееся в китайском вопросе, если не всего, то очень многого, английское правительство спешит с ликвидацией затянувшихся переговоров и выражает согласие на постановку вопроса в суженном виде. Нота, переданная 3/III 1899 г. гр. Муравьевым великобританскому послу в Петербурге, заключала в себе весь необходимый и достаточный материал, из которого можно было построить столь долго ожидаемое соглашение.

В ноте этой проект соглашения получал следующую формулировку: «1) Россия обязуется не требовать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных концессий в районе Ян-цзы и не препятствовать ни прямо, ни косвенно никаким требованиям железнодорожных концессий в этом районе, поддерживаемых великобританским

[1]) К отправке войск в Южную Африку английское правительство приступает в июне 1899 г.

правительством. 2) Англия, с своей стороны, обязуется не требовать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных концессий в районе, расположенном к северу от Великой Китайской стены, и не препятствовать ни прямо, ни косвенно никаким требованиям, поддерживаемым русским правительством» [1]).

В заключение в ноте заявлялось, что предполагаемым соглашением не должны быть нарушены права Гонконг-шанхайского банка на Шанхай-Гуань—Ньючжуанскую линию, но что вместе с тем не может быть и речи о передаче банку в отношении названной линии прав собственности или контроля.

В дополнительной переписке, ведущейся в течение марта месяца, русское правительство заверяет англичан в признании им всех выговоренных Англией прав на Ньючжуанскую линию и подтверждает вместе с тем право свое «потребовать от китайского правительства концессию на сооружение ветви от одного из пунктов Китайской Восточной дороги по направлению к Пекину» [2]).

Наконец, в апреле 1899 года кабинеты обмениваются теми двумя последовательными нотами (от 16 апреля), которые, будучи опубликованы в Оранжевой и Синей книгах, получили широкую известность, как установившие соглашение о разделе Китая на сферы влияния.

Движимые заботами о «ненарушении прав Китая», авторы соглашения в течение всего того времени, пока соглашение вырабатывалось, старались не тревожить предмета своей опеки излишними волнующими вопросами. Когда сферы влияний были определены и соглашение заключено, текст последнего просто доводится дипломатическими миссиями обеих держав до сведения правительства богдыхана.

Видавшее столь многие виды и привыкшее ничему не удивляться, пекинское правительство на этот раз, повидимому, теряет привычное самообладание и спокойствие. В ответ на торжественные сообщения обеих миссий сановники цзун-ли-ямыня заявляют, что они не могут признать англо-русское соглашение для себя обязательным и что, «если соглашение это будет сопряжено с препятствиями или неудобствами для Китая, то факт получения сообщения не может служить доказательством согласия Китая».

Не менее характерно также то обстоятельство, что русский посланник в Пекине не обратил ни малейшего внимания на ответ Китая и, «оставив его без письменного возражения», счел полезным «при первом удобном случае вновь заявить министрам, что застенный Китай входит несомненно в сферу наших интересов» [3]).

О том, как было воспринято в Китае англо-русское соглашение и какими тайными надеждами утешало себя поваленное на землю китайское правительство, весьма подробно и красноречиво рассказывается в доверительной депеше Гирса от 21/V 1899 г. Сообщив об ответе Китая, заключительная часть которого (приведенная выше), была столь непривычна для слуха европейской дипломатии, Гирс писал: «Означенная оговорка служит, несомненно, выражением удивления и страха, овладевших здешними правителями при предположении, что вековой нашей вражде с Англией положен конец, и что Китаю остается только впредь беспрекословно подчиняться как нашим, так и английским требованиям. Опасения китайских министров усилились, когда, вслед за сообщением нашего соглаше-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Проект секретной телеграммы Гирсу от 31/III 1899 г.

[3]) Секретная телеграмма Гирса из Пекина от 30/IV 1899 г.

ния, им немедленно было предъявлено ходатайство нашей манчжурской дороги о предоставлении ей концессии на построение линии по направлению к Пекину. Министры заключили из этого обстоятельства, что мы спешим войти во владение предоставленным будто бы нам по разделу с Англией Северным Китаем. Никто из них не решался доложить императрице-регентше о нашем требовании, и все их старания были направлены к тому, чтобы, по возможности, отклонить его или, по крайней мере, затянуть его решение на неопределенное время, быть может, не без надежды, что представлявшееся им столь невероятным наше примирение с Англией окажется в действительности непрочным. Шум, поднятый в местной английской прессе по поводу проектируемой нами линии, и отчасти недоброжелательное отношение к ней великобританской миссии могли лишь укрепить упования министров на возможность скорого разлада между вновь договорившимися сторонамк». Переходя к вопросу о той тактической линии, какую надлежало проводить в Китае русской дипломатии, Гирс замечал: «...я счел своим долгом приложить усилия ко вселению в министрах убеждения, что мы ни при каких условиях не откажемся от нашего требования. В моих переговорах с цзун-ли-ямынем я тщательно избегал, однако, прибегать к каким-либо угрозам, не теряя еще надежды, что мы можем добиться преследуемой нами цели путем мирных настояний, лишь бы китайцы были уверены в нашей решимости. Как я имел честь доносить вашему сиятельству, я имею основания предполагать, что среди министров существует стремление выкупить Шанхай-Гуаньскую дорогу у англичан, чтобы отнять у нас этим повод требовать удовлетворения за нарушение соглашения 19/VII 1898 г. Ко мне подсылались уже совершенно частные лица с запросами, не дадим ли мы Китаю денег на возвращение Гонконг-шанхайскому банку части займа, выплаченного уже им китайскому правительству... Смею высказать личное свое мнение, что, по местным условиям, такой исход был бы возможен, если бы мы могли заместить англичан во всех условиях контракта о займе. В заключение позволю себе присовокупить, что в требуемой нами концессии китайцев пугают, главным образом, условия постройки и эксплоатации линий, выговоренные нами в пользу Восточной железной дороги. В их глазах военная охрана дороги и ширина полотна, одинаковая с шириною, принятою на всех наших железнодорожных путях, представляются условиями, отдающими Пекин в распоряжение наших войск...»

Вконец терроризованный цзун-ли-ямынь дает России требуемое обязательство не предоставлять ни одной державе, кроме России, права постройки железной дороги от Пекина в северном или северо-восточном направлении [1]).

Русскому правительству не приходилось серьезно задумываться над вопросом о выкупе Шанхай-Гуаньской дороги, ни тем более о проведении Пекинской. Сделанные достижения приобретали для него, таким образом, значение исключительно морального успеха и могли рассматриваться в положительном смысле только в смысле накопления политических прав и возможностей. Поэтому, «ценя сказанные положительные уверения почтенного правительства и во внимание к нему», петербургский кабинет в результате короткого обмена мнений счел возможным, отнюдь «не отказываясь от предъявленных им требований, не настаивать на немедленной постройке железнодорожной линии от Восточной дороги по направлению к Пекину» [2]).

---

[1]) Сообщения китайских министров от 20/V 1899 г. и от 9/VI 1899 г.

[2]) Нота Гирса китайским министрам от 5/VI 1899 г.

Смысл и значение тех переговоров, которые продолжает вести Гирс по поводу сооружения этой дороги, по собственным его словам, сводились к следующему [1]): «...мои переговоры по поводу этой дороги будут иметь лишь тот результат, что вопрос о даровании нам концессии не будет снят с очереди, и тем мы облегчим себе его решение к тому времени, когда императорское правительство признает возможным предъявить наши требования в более категорической форме».

Вынужденное к заключению соглашения с Англией, как к политической уступке последней, и в процессе переговоров попавшее в положение стороны обороняющейся, русское правительство реальных осязательных выгод из этого соглашения не извлекло. Единственно ценным из того, что извлекла дипломатия молодого русского империализма из всего хода переговоров о соглашении, был довольно содержательный опыт в деле ознакомления с методами и приемами английской дипломатии. Подытоживая данные этого опыта, советник русского посольства в Лондоне писал [2]): «При заключении соглашения Англия держалась своих обыкновенных приемов: в то время, как она вела с Россией переговоры, посланник в Пекине устраивал заем для Гонконг-шанхайского банка, контракт которого носит отнюдь не коммерческий, а политический характер, направленный против нас и идущий вразрез с заключавшимся договором. Что при этом английское правительство не поддерживало только требования банка, а, напротив, банк исполнял лишь желания правительства, это видно из вышедшей «Синей книги», а особенно из того, что это последнее не остановилось даже перед таким необыкновенным шагом, как включение письма товарища министра иностранных дел в объявление банка о подписке на заем. Кроме дороги к Ньючжуану, о которой был уведомлен петербургский кабинет, для базиса была выговорена еще вторая линия к Синминтину; чтобы по возможности умалить значение этой последней и отвлечь от нее наше внимание, направление ее на карте, приложенной к объявлению, показано намеренно неверно. Но эти английские приемы не новые, и о них приходится говорить лишь в виде напоминания на будущее время. Более существенный интерес представляет значение, какое имеет для нас состоявшееся соглашение, и то, что из него хотят сделать англичане. Соглашение в том виде, какой оно имело осенью прошлого года, было для нас очень выгодно. В долине Ян-цзы даже серьезные коммерческие интересы мы можем иметь лишь в будущем; нынешнее же наше финансовое и экономическое положение еще в течение многих лет не допустит нас развить там свою деятельность; вся наша задача теперь заключается в сосредоточении наших сил в Манчжурии для выполнения не только экономических, но, главным образом, неотложных политических задач, которые мы там имеем. Проект соглашения давал нам возможность это сделать. Принимая его, англичане лишались права иметь свои железнодорожные линии в Северном Китае, а без такой базы все другие их предприятия и концессии останутся всегда лишь коммерческими делами, не опасными для нас, и никогда не приобретут политического значения. Под влиянием стоявшего так высоко в то время нашего престижа в Пекине и боясь впечатления, которое произвела бы в Англии полная неудача займа, английское правительство было готово тогда удовольствоваться сделкою чисто коммерческого характера. В происшедших затем промедлениях лондонский кабинет усмотрел с нашей стороны колебания и разногласия

---

[1]) Копия донесения Гирса от 25/VI 1899 г. № 17.

[2]) Депеша Лессара от 9(21)/VI 1899 г. № 40.

и воспользовался этим для достижения своей цели, т.-е. устройства в Манчжурии гнезда для интриг и противодействия нам в Северном Китае. Это очень печальный факт, но и то соглашение, которое состоялось весной этого года, в сильной степени связывает руки англичанам и может считаться для нас выгодным, само собою, если ему не будет придано более широкого значения, нежели какое оно действительно имеет... Важнее всего то, что мы сохранили полную свободу действий в наших сношениях с китайским правительством. В этом вопросе наиболее опасными являются толкования, которые делает Англия по поводу соглашения. В своей речи г. Бродрик [1]) видит достоинство его в том, что оно кладет предел бывшему до сих пор нежелательному положению, при котором переговоры Англии с заинтересованными в китайском вопросе дружественными державами сводились к дуэли, в которой выстрелы обеих сторон были направлены в цзун-ли-ямынь. Другими словами, г. Бродрик желал бы, чтобы в будущем мы вели наши дела с Китаем по совещании и совместно с Англией. Опыт наших сношений с Альбионом уже давно убедил нас, что такой порядок для нас был бы гибелен. Для нас может быть выгодно, как мы сделали относительно Манчжурии, заключить с Англиею соглашения, так сказать, отрицательные, т.-е. такие, в которых, не жертвуя ничем существенным, мы можем стеснить Англию в принесении нам вреда. Напротив, совместное с ними действие крайне опасно. Лицемерные и вероломные, они скажутся нашими союзниками и под рукою сделают все, чтобы воспрепятствовать выполнению наших стремлений на Дальнем Востоке... Мы должны держать себя безусловно независимо в наших сношениях в Пекине, уклоняясь от всяких совместных с Англией действий. Само собою, при этом важно только преследовать наши интересы и задачи, но не задаваться целью нанесения вреда Англии, и потому наша независимость не может нам мешать согласиться с нею по отдельным второстепенным вопросам, причем соглашения эти, чтобы быть для нас выгодными, как выше указано, должны будут иметь, вероятно, отрицательный характер. Несмотря на отсутствие действительно непримиримых интересов между обоими государствами, поведение Англии делает совершенно невозможными для нас совместные действия с нею в политических делах».

С иною оценкой и иными настроениями подходили к своей дипломатической продукции англичане. «Мы достигли удовлетворительного соглашения с русским правительством, — говорил лорд Сольсбюри на банкете Академии Художеств [2]). — Надеюсь, что соглашение окажет хорошее влияние; не желаю распространяться о том, к каким обширным результатам может привести соглашение, но, ввиду отношений, временно существовавших за последние 50 лет между нами и этою великою империею, я полагаю возможным радостно приветствовать факт, что мы достигли соглашения по китайскому вопросу, которое, как я полагаю с некоторой достоверностью, предотвратит всякую вероятность столкновения между нашими интересами и целями в будущем». Оратор поздравлял, в заключение, Англию с тем, что она в настоящее время находится в дружественных отношениях со столькими нациями на земле. Органы двух важнейших политических партий, с своей стороны, поздравляли министра с успехом, которым увенчались усилия его устранить бесполезные столкновения России и Англии на Дальнем Востоке. Как шаг на пути к выходу Англии из состояния «splendid isolation», как основа

[1]) Лессар имеет в виду речь, произнесенную Бродриком в палате общин, о чем см. ниже.

[2]) Сообщение агентства Рейтера от 18(30)/IV 1899 г.

для возможных в будущем соглашений с Россией по ряду других вопросов, как предпосылка создания спокойного тыла на Дальнем Востоке, необходимого для полезной работы на южно-африканском фронте, — так квалифицировался факт соглашения во всех этих официальных приветствиях и поздравлениях.

Соглашение это, по убеждению англичан, должно было послужить отправною точкой для их дальнейшей активной политики в Китае.

Выступающий в заседании палаты общин 28/V (9/VI) 1899 г., посвященном китайским делам, лорд Чарльз Бересфорд в своей речи намечает для Англии задачу взять в свои руки реорганизацию китайской армии, завладеть командными должностями в ней, провести ряд реформ в делах финансового и внутреннего управления Китая — одним словом, британизировать весь строй китайской жизни.

Если выступление Бересфорда было выступлением не ответственным, и речь его — скорее речью политического мечтателя, то отнюдь не к области политических фантазий относилась речь ответственного оратора и реального политика, товарища министра иностранных дел сэра Бродрика: «Мы будем требовать от китайского правительства, — заявлял он, — исполнения данного нам обещания не отчуждать какой-либо другой державе земель в долине Ян-цзы и разрешения продолжать бирманские железные дороги в Юнань на соединение с Чинкиангом, если найдутся британские капиталисты, которые пожелают взяться за это дело. Мы смотрим на улучшение теснин Ян-цзы, как на задачу, по соглашению с китайским правительством, для английских инженеров. Опыты этого улучшения будут произведены в непродолжительном времени. Не считая военных судов в Шанхае, мы имеем в настоящее время 3 канонерки на Ян-цзы; мы предполагаем иметь, сколько потребуется, морских сил между устьем и Ишангом и изучить вопрос, можно ли иметь канонерки и выше Ишанга. Это — меры предосторожности, и принимаются они для безопасности наших купцов и торговцев».

В течение последующих месяцев отмечается значительное расширение английской концессии в Ньючжуане, причем главный инженер Ньючжуанской дороги, англичанин Киндер, не встречает препятствий к уменьшению площади земель «китайской» железной дороги с тем, чтобы увеличать участок, требуемый Англиею.

В течение тех же месяцев, когда встает вопрос о расширении международной и отдельной французской концессии в Шанхае, англичане выступают с протестом, заявляя, что это противоречит обязательству, принятому на себя Китаем в 1898 г. не закладывать, не отдавать в аренду и не уступать земель в долине Ян-цзы какой-либо иной державе. Через некоторое время, под давлением событий в Южной Африке, Англия идет на уступки французам, поясняющим, что соглашение между муниципальным советом французского и международного поселений и Китаем состоялось еще в 1896 г., т.-е. ранее принятия Китаем обязательств перед Англиею. Однако, как отмечал русский посол в Лондоне [1]), во время переговоров исчерпывающе выявилась точка зрения англичан на их права на Ян-цзы: «Великобританское правительство, повидимому, не считает, что обязательство Китая не отчуждать ничего в долине Ян-цзы касается Англии. Оно не объявляет этого категорически, но это видно из его деятельности в Шанхае и Возунге. Оно настаивает на своих правах без всякого предварительного совещания с представителями других держав и требует от Китая учреждения сетльментов, носящих

[1]) Депеша Стааля от 29/III 1900 г. № 27.

название международных, но, в действительности, находящихся вполне под английским контролем».

Стремление англичан к расширительному применению на практике соглашения о железнодорожных концессиях и к приобретению исключительного положения на Янцзы не мало тревожило русскую дипломатию. «Когда Англия принудила Китай дать обещание о неотчуждении другим державам земель в бассейне этой реки, — рассуждал Лессар [1]), — то ни одно из государств не потребовало разъяснений, что это касается и Англии. Но в китайской ноте это обязательство так именно изложено, и при удобных случаях и теперь было бы не поздно ставить это на вид Англии. Мы обязались не просить концессий в долине Ян-цзы, но во всех других отношениях сохраним полную свободу действий и потому имеем полное право послать по этой реке от времени до времени наши канонерки. Река не заарендована Англией, и эта последняя не могла бы в виде компенсации требовать стоянки для своего флота в Талянване и Порт-Артуре».

Разумеется, не безупречная по части хищничества в Манчжурии русская дипломатия не считала для себя удобным открыто выступать против притязаний английских хищников на важнейшую китайскую артерию. Но побудить другие заинтересованные державы ограничить притязания Англии ей казалось возможным. В своем доверительном письме Гирсу от 4/V 1900 г. гр. Муравьев писал: «Такое весьма невыгодное для интересов других держав положение дел может в будущем представить серьезные затруднения и, пока притязания англичан не приобрели характера давности, было бы полезно, если бы одна или несколько держав получили от китайцев разъяснение, что обязательство о неотчуждаемости земель в долине Ян-цзы равно касается и Англии... Нет сомнения, что правильного определения смысла китайских обязательств 1898 г. могли бы добиться те державы, которые, как Америка, Германия, Франция, имея существенные интересы на юге Китая, должны противиться попыткам Англии создать для себя первенствующее положение в долине Ян-цзы»...

Больше всего надежд в этом отношении возлагалось царскою дипломатией на Францию.

Что надежды эти были напрасны, что Франция вовсе не была расположена к тому, чтобы взять на себя роль охранителя китайской территории от всякого расчленения, явствует из того, что сама она в ту пору в не меньшей мере была заражена тою же империалистической болезнью, в качестве сферы своего преимущественного влияния и своего железнодорожного строительства намечая юго-восточные провинции Китая: это было намечено еще франко-китайской конвенцией от 20/VI 1895 г., это было признано англо-французской декларацией от 15/I 1896 г., это было оформлено обменом нот между французским поверенным в делах в Пекине и цзун-ли-ямынем 9/IV 1898 г., это было подтверждено, наконец, всею политической практикой Франции в Китае в течение последующих лет.

Не менее неосновательны, чем двусмысленные расчеты царской дипломатии охранить при помощи Франции долину Ян-цзы от английских захватов, были и политические расчеты сановников цзун-ли-ямыня, как мы видели выше, делавших ставку на соперничество и антагонизм, которые, по их мнению, должны были проявиться между самими заинтересованными в расчленении китайской территории державами.

---

[1]) Депеша Лессара от 9/VI 1899 г. № 39.

В эпоху боксерского восстания, непосредственно следующую за рассматриваемым временем, эти расчеты были блестяще опровергнуты действиями дипломатического корпуса в Пекине и тех соединенных военных сил, на которые он опирался.

Китай продолжал быть немым объектом всяческих соглашений и основанной на них практики расчленения и разграбления.

Только последующие страницы китайской истории покажут воочию, каковы те силы, которые одни в состоянии охранить целость и независимость Китая.

А. Попов.

Решенный вопрос.

(Экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского.)

Как известно, Н. Г. Чернышевский был сослан на каторгу за свою подцензурную литературную деятельность и за «вредное влияние» на общество. Но ф о р м а л ь н о он был осужден за подготовление к насильственному ниспровержению существующего строя. Сенат, а затем Государственный Совет признали его виновным в сочинении возмутительного воззвания («К барским крестьянам»), передаче оного (В. Костомарову) для тайного напечатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего порядка управления. На основании этого Чернышевский был приговорен к ссылке в каторжные работы на 14 лет, каковой срок царем был сокращен наполовину.

Приговор этот опирался на показания В. Костомарова и его писца Яковлева, а также на представленные Костомаровым два документа: 1) якобы собственноручную записку Чернышевского, оставленную им на квартире Костомарова весною 1861 года при проезде через Москву, и 2) письмо Чернышевского к какому-то Алексею Николаевичу, по объяснению Костомарова, к поэту А. Н. Плещееву, которое Чернышевский якобы около того же времени поручил Костомарову передать Плещееву и которое содержало намеки на тайную типографию, подпольное печатание, революционные предприятия в разных концах страны, а главное — признание Чернышевского в принадлежности ему прокламации «К барским крестьянам». Письмо это Костомаров, мол, потерял, но через два года случайно нашел его в своем чемодане и представил... в III отделение.

Существовал еще третий документ, легший в основание сенатского приговора, а именно «дружески-откровенное» письмо Костомарова к своему мифическому приятелю Соколову, якобы написанное в Туле 5 марта 1863 года, во время препровождения Костомарова на Кавказ, и отобранное у него сопровождавшим его жандармским офицером Чулковым. В этом письме Костомаров возводит на Чернышевского и Шелгунова ряд обвинений и, в частности, называет первого автором воззвания к крестьянам, а второго — автором воззвания к солдатам. Назначение этого письма совершенно ясно: оно должно было подтвердить правильность показаний Костомарова и представленных им документов, а с другой стороны — представить Костомарова в виде человека, припертого к стене и вынужденного давать «откровенные» показания, а тем самым придать его показаниям характер большей достоверности.

Этот документ с внешней стороны не является спорным: он принадлежит Костомарову и написан его рукой. Другое дело — его внутренняя достоверность и фактическая надежность. Уже Чернышевский, ознакомившись с его содержанием, признал его литературным сочинением на заданную тему, притом основанным на материалах дела, услуж-

ливо предоставленных III отделением в распоряжение предателя. В настоящее время на основании документов, найденных М. Лемке, а отчасти и мною в архивах, твердо установлено, что письмо это (равно как и другие сфабрикованные Костомаровым документы) было задумано на совещаниях предателя с начальником III отделения Потаповым и председателем следственной комиссии А. Голицыным — при соучастии петербургского генерал-губернатора кн. Суворова, сыщика Путилина и царя Александра II. Письмо это долго обдумывалось Костомаровым, исправлялось и переделывалось по указаниям Потапова и, вероятно, Голицына (нам известны две редакции этого письма: первую из них, датированную 3 января, мы опубликовали в № 4 «Красной Нови» за 1927 г., стр. 143—145, а вторая или, точнее, последняя, одобренная Потаповым, напечатана в «Политических процессах» Лемке, стр. 274—292), пока не получило желательного для жандармов вида. Но в графологической экспертизе оно не нуждается, ибо автор его бесспорен.

Иначе обстоит дело с двумя другими документами, сыгравшими в процессе роль улик, дозволивших сенатским Шемякам вынести Чернышевскому обвинительный вердикт. Сам Чернышевский не только отрицал подлинность этих документов, но и определенно указывал как на их предполагаемого автора на В. Костомарова, требуя, чтобы их почерк при экспертизе был сличен не с одним его, Чернышевского, почерком, но и с почерком Костомарова. Однако Сенат нашел таковое «домогательство» Чернышевского незаконным и в просьбе ему отказал.

С тех пор в русском обществе утвердилось убеждение, что Чернышевский был осужден на основании поддельных документов. Такого мнения держались люди самых различных политических направлений. Во всей русской литературе нашелся один только человек, приват-доцент М. В. Клочков, высказавшийся за юридическую правильность сенатского приговора и за подлинность документов, легших в его основу (в статье «Процесс Н. Г. Чернышевского». «Исторический Вестник», 1913, №№ 9 и 10). Общественное мнение давно требовало научной экспертизы этих документов. Но только после революции, вскрывшей тайники царских архивов, такая экспертиза стала возможной. Как видим, она подтвердила то мнение о подложности рассматриваемых документов, которое возникло в публике сначала на основании проникавших в нее слухов о ходе процесса, а затем упрочилось в ней, когда сделалась известна обстановка, в которой протекал этот редкостный процесс.

Для того, чтобы надлежащим образом понять приводимую ниже экспертизу, необходимо сказать несколько слов об истории анализируемых документов.

В. Костомаров был арестован 25 августа 1861 года по делу о московских тайных типографиях. В то время правительство еще не помышляло, повидимому, о расправе с Чернышевским, и потому Костомаров, поспешивший выдать М. Михайлова, о Чернышевском сначала не говорил ничего. Более того, в тот момент он даже был уверен, что прокламация «К барским крестьянам» принадлежит Михайлову (и так он думал еще долго после того). Посланный якобы его братом Николаем (а вернее им самим) донос от 18 августа того же года тоже приписывал это воззвание Михайлову. И только в самом конце 1861 года или в начале 1862 года, когда правительство уже решило вплотную приняться за идейного вождя революционного движения, Костомаров дал какие-то уличающие его показания Потапову (см. записку Путилина, опубликованную нами в той же книжке «Красной Нови», стр. 138—141). Но и теперь он не называл Чернышевского автором воззвания к крестьянам.

Еще долго после того, как Костомаров начал выдавать Чернышевского, он не инкриминировал ему составления этого воззвания. Вплоть до последней трети января 1863 года он продолжал приписывать его Михайлову: об этом свидетельствует его показание в следственной комиссии 18 января, где он, уже возводя тяжкие обвинения на Чернышевского, снова называет автором указанной прокламации Михайлова. А ведь Костомаров, несомненно, согласовывал свои показания с Потаповым: отсюда следует, что вплоть до конца января 1863 года и III отделение не знало о принадлежности воззвания Чернышевскому. На эту сторону вопроса исследователи до сих пор не обращали внимания.

А отсюда, как нам кажется, следует и другой вывод: не Потапов узнал об авторстве Чернышевского от Костомарова, а наоборот Костомаров от Потапова, а затем повторил это перед комиссией и Сенатом (как узнало или догадалось об авторстве Чернышевского III отделение, остается пока секретом). Этим определяется и время составления первого документа, т.-е. «собственноручной записки». Она была сфабрикована между 19 января и концом февраля 1863 года, через семь месяцев после ареста Чернышевского. Подобно письму к Соколову, которое вовсе не было отобрано у Костомарова в Туле, а преспокойно лежало в III отделении, и эта записка наверно хранилась у Потапова, а не была обнаружена у Костомарова после возвращения его из Тулы в Петербург, как нагло врал Потапов в официальных бумагах.

Записка эта подвергалась экспертизе дважды: в следственной комиссии и в Сенате. В следственной комиссии экспертизу производили чиновники губернского правления, уголовной палаты и 2-го деп. гражданской палаты. С таким же успехом ее можно было поручить швейцарам или курьерам комиссии. Это была не экспертиза, а фарс. 24 апреля эксперты нашли, что почерк записки имеет «некоторое сходство» с почерком Чернышевского, но в чем оно выражается и какими путями они пришли к своему выводу, эксперты умалчивали.

Но эта экспертиза в комиссии не имела юридического значения. Таковое имела экспертиза, произведенная 19 июня 1863 года по распоряжению Сената, куда в мае перешло дело Чернышевского. Но и эта экспертиза носила характер не серьезного научного исследования, а невежественного издевательства.

Прежде всего производили ее секретари Сената. Были ли они компетентны в порученном им деле? Ни в каком случае. Никакими познаниями по графологии они не обладали, а приемы, ими применявшиеся, поражают своею примитивностью и неубедительностью. Они не определяли общего характера исследуемых почерков, не устанавливали их специфических черт и своеобразия, не производили никаких измерений, а судили просто на-глаз, устанавливали сходство или различие отдельных букв по общему впечатлению, а не на основании действительного анализа их составных частей, их сочетания и пр. Достаточно сопоставить их манеру с приемами печатаемой ниже экспертизы, чтобы убедиться в полной их беспомощности как экспертов-графологов.

Но этого мало. Эти горе-эксперты были Сенатом поставлены вдобавок в весьма узкие рамки и снабжены недостаточным для надежных выводов материалом. Во-первых, им дали для сличения с запиской только бумаги, писанные рукою Чернышевского; бумаг же, принадлежащих руке Костомарова, т.-е. единственного лица, на которое кроме Чернышевского могло упадать подозрение в составлении записки, вопреки требованию подсудимого, им не показали. Другими словами, им заранее подсказывали вывод, к которому они должны были притти в результате экспертизы. А, во-вторых, даже из бумаг Черны-

шевского им предоставили для сличения ничтожную и произвольно выбранную часть, а именно одну небольшую записку, отобранную у него при обыске в июле 1862 г., сделанную его рукой запись показаний, данных им 30 октября того же года. При таких условиях заключения экспертов не могли, разумеется, быть особенно твердыми и основательными.

Но даже при этих условиях, т.-е. при тенденциозном подборе экспертов, при заранее установленном ограничении их задачи и при предоставлении им недостаточных для убедительного вывода материалов, сделанные ими заключения фактически явились опровержением выдвинутого против Чернышевского обвинения. Эксперты не только разошлись в оценках (у всех, впрочем, основанных на субъективных впечатлениях, а не на объективном анализе), но в большинстве даже признали записку не принадлежащей Чернышевскому.

Три эксперта признали, что сходства в общем характере почерка записки и бесспорно принадлежащих Чернышевскому бумаг нет, но имеется сходство многих отдельных букв (*«б, ж, з, р, л, Д, я, т»*). Двое других, также отрицая общее сходство почерков, признали сходными буквы «з, ж, б, к, Д.» Шестой, опять-таки не находивший сходства в общем характере почерков, усмотрел в некоторых словах сходство букв «В, Д, з, ж, р». Наконец, два эксперта находили, что в почерках есть разница, но буквы «ж» и «з» писаны везде одинаково; способ писания (?) букв «л, я, ѣ» также одинаков; на этом основании они пришли к убеждению, что записка написана умышленно извращенным почерком. Таким образом из 8 экспертов 6, т.-е. 75%, нашли, что общие характеры почерков записки и несомненно писанных Чернышевским бумаг несходны, хотя в отдельных буквах некоторых слов сходство замечается, и только двое признали, что записка написана извращенным почерком, похожим — опять-таки в отдельных буквах — на почерк Чернышевского (хотя для непредубежденного человека это говорило о подделке почерка Чернышевского кем-то другим, в данном случае Костомаровым, а не самим Чернышевским, как заключили оба эксперта.) При этом необходимо отметить, что все эксперты не устанавливают сходства отдельных букв какими-либо объективными приемами (измерением, определением взаимоотношений между отдельными штрихами в буквах, отдельными буквами в слогах, отдельными слогами в словах и пр.), а просто декретируют это сходство на основании внешнего зрительного впечатления и чисто субъективного восприятия, ничем не аргументированного и не подкрепленного.

Повторяем, даже и в этой несовершенной форме экспертиза отвергала выдвинутое против Чернышевского обвинение, и если бы сенаторы руководствовались законом, который лицемерно повелевал толковать всякое сомнение в пользу подсудимого, то они должны были бы категорически отвергнуть принадлежность ему инкриминируемой записки. Но Сенат поступил иначе. Он с л о ж и л все буквы, сходство которых в исследуемых документах установили о т д е л ь н ы е эксперты, хотя каждый из них указывал р а з н ы е буквы, а потому для правильного вывода нужно было не складывать, а вычитать и признать установленным сходство только тех букв, на которые согласно указывали отдельные эксперты: таких букв имеется в с е г о д в е «з, ж», если взять мнение шести экспертов, составлявших большинство, и н и о д н о й, если взять мнение всех восьми экспертов. С помощью своего странного метода сложения противоречащих свидетельств сенаторы пришли к совершенно произвольному и ни на чем не основанному выводу, будто экспертиза установила сходство 12 букв из 25, имеющихся в записке (даже таких букв получилось меньшинство). Более того, сенаторы, видимо недовольные

неопределенным тоном секретарской экспертизы, произвели свою дополнительную, методология которой остается абсолютной тайною, и «с своей стороны нашли, что в отдельных буквах сей записки (теперь уж выходит, как будто во всех. *Ю. С.*) и в общем характере почерка есть совершенное сходство» (между тем как все эксперты без исключения находили, что как раз в общем характере почерков сходства нет).

Это было в достаточной мере скандально. Но, как увидим, еще более скандальной была «экспертиза» второго документа, пресловутого письма к Плещееву.

Как возник этот второй документ?

Если не по исполнению, то по замыслу он предшествовал «собственноручной записке». Последняя, как мы видели, могла быть задумана и сфабрикована лишь в конце января или в феврале 1863 года. Между тем письмо к Плещееву было уже анонсировано в показании Костомарова от 18 января того же года. В этом показании Костомаров говорит о сношениях Чернышевского с каким-то раскольничьим деятелем Дорофеем и о письме его к Плещееву, хранящемся якобы в Москве у некоего Шиповалова, личности столь же мифической, как и другие, на которые ссылался предатель. О содержании письма к Плещееву пока ничего определенного еще не говорится, но что оно носит революционный характер, это видно из слов Костомарова, что предъявлением его в каком-то московском революционном кружке он снял с себя обвинение в выдаче Михайлова.

Что в тот момент письмо к Плещееву не было еще Костомаровым составлено, видно из того, что он тогда еще не приписывал Чернышевскому авторства воззвания к крестьянам, а в письме об этом говорится открыто. Отсюда ясно, что написано было это письмо позже. Но по тем же соображениям столь же ясно, что задумано оно было до «собственноручной записки», которая ни о чем другом, кроме принадлежности Чернышевскому названной прокламации, не говорит. Однако выплывает это письмо гораздо позже записки, а именно только в середине июля 1863 года. Значит ли это, что оно было сфабриковано только около этого времени или же было заготовлено заранее и просто лежало про запас у Потапова? Этого мы не знаем. Одно мы знаем наверное, а именно, что оба эти документа составляли нечто целое, друг друга восполняли, и оба требовались для осуждения Чернышевского, ибо по тогдашнему закону, в случае запирательства подсудимого, для обвинения его необходимо было иметь два «несовершенных доказательства», т.-е. две косвенные улики или два документа. Костомаров услужливо доставил «правосудию» эти два несовершенные в полном смысле слова документа.

Чернышевский, разумеется, отверг принадлежность ему этого нелепого письма, и Сенат постановил произвести его экспертизу, каковая и была выполнена 30 июля 1863 года секретарями Сената.

На сей раз дело происходило еще проще, чем во время экспертизы записки. Там «эксперты», хотя и невежественные в области графологии, пытались что-то сравнить, сличить, выяснить. Правда, делали они это грубо, по-детски, примитивно, но все же делали. Теперь же, вспомнив, что они — люди служилые, и, вероятно, после конфуза первой экспертизы получив надлежащее внушение с предупреждением со стороны начальства, все восемь секретарей Сената единогласно пришли к тому выводу, что письмо написано тем же почерком, каким написаны имеющиеся в деле бумаги, принадлежащие руке Чернышевского (правда, они указывают только одну). Но в отличие от первой экспертизы они не сочли нужным хоть сколько-нибудь аргументировать свое заключение и пояснить, на каком основании они пришли к своему выводу. Даже такого пустяка, как

указание на сходство отдельных букв, они не признали нужным на этот раз проделать. Естественно, что Сенат, фактически отвергший экспертизу записки, ему невыгодную, поспешил согласиться с экспертами письма и тоже признал его принадлежащим Чернышевскому.

Так обстояло дело с формальной экспертизой этих спорных документов. Но независимо от этой стороны вопроса ставился вопрос об их внутренней достоверности. Исследователи ясно видели недостаточность, неубедительность, чтобы не сказать — недобросовестность, сенатской экспертизы, но до сих пор они не могли противопоставить ей другую, более точную, надежную и объективную экспертизу. Единственно, что они в состоянии были делать, это показать внутреннюю недостоверность рассматриваемых документов, дать, если так можно выразиться, экспертизу содержания. И такая критика лишний раз вскрывала лживость формальной экспертизы, произведенной Сенатом. Эта критика остается нелишней и теперь, после убедительной экспертизы, ниже печатаемой, ибо она в сильнейшей степени подтверждает и подкрепляет ее убедительность и точность ее выводов. Доказательства внешнего и внутреннего порядка идут здесь рука об руку.

Со стороны внутренней достоверности между обоими рассматриваемыми документами существует крупное различие. «Собственноручная записка» является более уличающим Чернышевского документом, чем «письмо к Плещееву»: последнее всем своим стилем и содержанием вопиет против приписывания его Чернышевскому, тогда как записка по содержанию могла быть написана Чернышевским, и если она до сих пор признавалась ему не принадлежащей, то потому, что против этого говорила неправдоподобная обстановка ее появления (а как мы доказываем, и сопоставление разнородных показаний Костомарова). Итак, скажем сначала несколько слов об этой записке.

В этой записке Чернышевский просит Костомарова исправить в воззвании к барским крестьянам употребленный им по непростительной оплошности термин «срочно-обязанные» на «временно-обязанные». Мог ли Чернышевский написать такую записку? Мы отвечаем: мог. Что Чернышевский был автором названной прокламации, это установлено заявлением Шелгунова в его «Воспоминаниях» и ныне никем не оспаривается. Что он внес в свое воззвание неверный термин, это также бесспорно, и Лемке, отрицающий это и на этом основании доказывающий принадлежность записки Костомарову, просто обнаруживает здесь свое незнакомство с историей реформы 19 февраля 1861 года. В «Политических процессах» (стр. 296) он говорит: «Чернышевский, вынесший на своих плечах все литературное прохождение крестьянского вопроса, знавший и следивший за ним изо дня в день, конечно, не мог употребить такой основной термин неверно, но это мог и даже должен был сделать поэт-переводчик, бывший, как в лесу, в крестьянской реформе». С этой точки зрения автором воззвания надлежало бы признать не Чернышевского, а Костомарова, ибо в воззвании, кстати тут же перепечатываемом Лемке, как раз и употреблен этот термин «срочно-обязанные», который, по мнению Лемке, доказывает якобы незнакомство с крестьянской реформой. На самом деле при обсуждении реформы сначала всегда употреблялся именно термин «срочно-обязанные», так как первоначально предполагалось установить точно определенный срок временно обязательных отношений крестьян к помещикам. Но в последний момент правительство отказалось от установления определенного срока, и потому термин «срочно-обязанные» был в Положении заменен термином «временно-обязанные». То, что в воззвании употребляется ста-

рый термин, доказывает только одно: или Чернышевский написал воззвание до выхода в свет Положения, т.-е. до 5 марта 1861 года, или не сразу заметил эту замену терминов. В III отделении эта ошибка автора прокламации была замечена (быть может, благодаря помощи таких спецов, как, напр., проф. М. Кэсторский, писавший для жандармов записку о литературной деятельности Чернышевского), и когда Потапов решил приписать Чернышевскому авторство воззвания, — а это случилось в феврале 1863 г., — то и возникла идея «собственноручной записки», которая должна была это авторство подтвердить. Надо признать, что задумано это было ловко.

Факты как будто говорили в пользу версии о принадлежности записки Чернышевскому. Указанная терминологическая ошибка в прокламации была допущена. Заметивший ее впоследствии автор мог просить о таком исправлении. Прокламация действительно набиралась Костомаровым, а потому эта просьба могла быть адресована ему. Наконец, в рассматриваемое время, т.-е. весной 1861 года, Чернышевский действительно был в Москве и видался с Костомаровым. Получается сплетение обстоятельств, способных при поверхностном, а особенно при недобросовестном отношении к делу убедить в принадлежности записки Чернышевскому. Но стоит только подойти к этому построению с внимательным критическим разбором, чтобы искусно возведенное здание улик сразу рушилось бесследно.

Чернышевский, зная, что за ним следят и ищут случая расправиться с ним, проявлял необыкновенную осторожность в словах, поступках и выборе знакомств. Эта осторожность была всем известна. О ней говорили студенты, профессора, писатели; ею возмущались шпики в своих донесениях, ее отмечали жандармы и члены следственной комиссии, равно как тот же предатель Костомаров в своем письме к мифическому Соколову и в сочиненном им же письме к Плещееву. Недовольство ею нашло даже отражение в сенатском приговоре. И вдруг этот осторожнейший человек совершает такой грубый промах, как оставление записки на квартире мало знакомого ему молодого человека, к которому он вдобавок относился с подозрением, записки, в которой определенно признается в авторстве нелегального воззвания и которую мог прочитать любой посторонний, зашедший в комнату, и делает это без всякой надобности, ибо, не застав Костомарова дома, мог или дождаться его или зайти в другой раз! Этот поступок, достойный зеленого гимназиста, настолько нелеп, что при минимальной добросовестности судей он должен был бы возбудить в них величайшие сомнения.

Но ведь ошибка в терминах воззвания была? Ведь мог же и даже должен был автор его внести в него нужное исправление? Да, была, да, мог и должен был. Но почему с Костомаровым должен говорить об этом сам автор? Почему этого не мог сделать Михайлов, который и передал через студента Сороку рукопись воззвания для набора? Конечно, можно допустить, что в один из своих приездов в Москву Чернышевский мог просить Костомарова сделать нужное исправление (но что и при этом допущении он не называл себя автором прокламации, мы увидим из дальнейшего); Костомаров запомнил этот разговор, а когда оказалось надобность, использовал его для сфабрикования записки. Более вероятно, что об этом просили его Михайлов или Сороко, а при случае предатель это использовал. Но еще более вероятно, что не было ни того, ни другого, а что на эту ошибку обратили внимание в III отделении, и Потапов указал на нее Костомарову.

Но главным доводом против подлинности этой записки и против отнесения ее к весне 1861 года служит тот факт, что вплоть до середины февраля 1863 года Костомаров не знал

о том, что автором воззвания к крестьянам является Чернышевский (выше мы выяснили этот пункт с достаточной убедительностью). Если бы записка принадлежала Чернышевскому, если бы Чернышевский оставил ее у Костомарова, более того, если бы Чернышевский или кто-либо другой вообще вел с Костомаровым разговор о воззвании, из которого явствовало бы авторство Чернышевского, то Костомаров уже весной 1861 года знал бы, что автором воззвания является Чернышевский. Но он этого не знал, а потому и не заявлял. Даже давши в начале 1862 года, по совету сыщика Путилина, компрометирующие Чернышевского показания Потапову, Костомаров ничего не говорил ему о принадлежности воззвания к крестьянам Чернышевскому, приписывая его Михайлову, от которого через Сороку он его получил для напечатания. Более того, давая в следственной комиссии в январе 1863 года показания против Чернышевского, Костомаров, приписывая ему разные революционные дела, в том числе и явно выдуманные, опять-таки ни словом не заикнулся о принадлежности воззвания к крестьянам Чернышевскому, продолжая считать и называть автором его Михайлова. И только с 19 февраля (символическое совпадение дат!) 1863 года выплывает версия о принадлежности этой прокламации Чернышевскому и вместе с тем жандармы впервые заговаривают о «собственноручной записке», подтверждающей дескать эту версию. Это мы видим из доклада Голицына царю, сделанного 20 февраля 1863 года. Здесь сказано, что Костомаров по убеждению генерала Потапова изъявил готовность обнаружить известные ему преступные замыслы Чернышевского и Шелгунова и указать других лиц, коим известны эти замыслы, что с этой целью он написал письмо к Соколову (рассмотренное и одобренное комиссией, — цинично прибавляет Голицын), в котором объявляет Чернышевского автором воззвания «К барским крестьянам», и что к улике Чернышевского он обещает представить хранящуюся у него в Москве собственноручную записку Чернышевского, подтверждающую его авторство.

Все это было бы невозможно, если бы Чернышевский написал и оставил у Костомарова эту записку весною 1861 года в Москве.

На основании всего вышесказанного мы в праве сделать логически неопровержимый вывод, что записка лишена внутренней достоверности, и что не только материальное создание, но и мысль о ней возникла не ранее февраля 1863 года. Этот вывод полностью совпадает с выводом графологической экспертизы, и этим они взаимно друг друга подкрепляют.

Еще более внутренне недостоверным является письмо к Плещееву.

Более бесцеремонную и глупую подделку трудно себе представить. Здесь все недостоверно: и общее содержание письма, и отдельные его детали, и выбор адресата, и выбор передатчика, и самый факт написания Чернышевским такого письма не только А. Плещееву, но и кому бы то ни было.

Как попало это письмо в руки III отделения? В делах III отделения, следственной комиссии и Сената, относящихся к Чернышевскому и нам (равно как и М. Лемке) известных, никакого указания на тот путь, каким оно попало к жандармам, нет. Отсюда Лемке умозаключает, что его принес Костомаров, непосредственно вручивший его Потапову. Когда? Лемке думает, что это имело место после месячного пребывания Костомарова на свободе, незадолго до 12 июля 1863 года. Выше мы уже указывали, что по нашему мнению «письмо к Плещееву» было заготовлено одновременно с другими уличающими Чернышевского документами, если даже не раньше их. Во всяком случае, можно признать установленным фактом, что версия о существовании какого-то революционного письма

Чернышевского к Плещееву сложилась до того, как заговорщики из III отделения начали приписывать Чернышевскому составление прокламации «К барским крестьянам», т.-е. д о того, как почувствовалась надобность в сочинении письма к Соколову и «собственноручной записки». Вспомним, что 18 января, т.-е. за месяц до того, как Костомаров объявил Чернышевского автором воззвания, он уже дал в следственной комиссии показание, что А. Плещеев заведует типографией какого-то московского кружка и что у него, Костомарова, где-то имеется письмо Чернышевского революционного содержания к Плещееву, временно находящееся на сохранении у некоего И. С. Шиповалова [1]). Поэтому мы думаем, что письмо это было сфабриковано тогда же, но III отделение по каким-то соображениям (может быть, потому, что оно опасалось представить Сенату, все-таки «суду», сразу много фальшивок) удержало его у себя и предъявило его только тогда, когда в нем почувствовалась безусловная необходимость.

В конце концов это — вопрос второстепенный. Гораздо важнее вопрос о подлинности письма. Совершенно независимо от экспертизы почерков письмо это представляется по всему своему тону и содержанию документом внутренне недостоверным. Т а к о г о п и с ь м а Чернышевский никогда не мог написать ни Плещееву, ни кому-либо другому.

Некогда привлекавшийся по делу петрашевцев, а в рассматриваемый момент мирнейший из мирнейших жителей Москвы, поэт Плещеев не имел в 1861 году никакого отношения к революционным делам. Интимных отношений между Чернышевским и Плещеевым не было. Личной переписки они почти не вели. Известно только одно письмо Плещеева к Чернышевскому, да и то чисто деловое, по делам журнала. Переписывался Плещеев преимущественно с Добролюбовым, который аккуратно отвечал на письма. По настроению они тоже были неблизки, хотя Плещеев глубоко уважал Чернышевского. Об этом свидетельствует и посвящение ему переведенной Плещеевым поэмы Гейне «Вильям Ратклифф», напечатанной в № 11 «Современника» за 1859 год. Политикой Плещеев в то время уже не занимался, хотя сохранил старые прогрессивные стремления. То обстоятельство, что Плещеев с такой решительностью ручается за непричастность Чернышевского к революционным делам, также доказывает, что близко к Н. Г. он не стоял, политических бесед с ним не имел и в его политические дела не посвящался [2]).

С каким уважением старый фурьерист относился к более молодому проповеднику революционного коммунизма, видно из переписки Плещеева с Добролюбовым [3]). По поводу упомянутой выше гейневской поэмы Плещеев в письме к Добролюбову от 25 августа 1859 года говорит: «Я перевел... стихами целую трагедию Гейне «Вильям Ратклифф»...

---

[1]) В высшей степени характерно для той небрежности, с какой дело Чернышевского велось даже в Сенате, что, несмотря на это показание Костомарова и на тщетные попытки жандармов отыскать мифического Шиповалова для отобрания у него этого письма (и других документов), никто из сенаторов, когда это письмо очутилось, наконец, в их руках, не счел нужным заинтересоваться вопросом: каким же путем Костомаров нашел этого Шиповалова и получил от него письмо? Более того, Сенат вполне удовлетворился новой версией Костомарова, будто он нашел это письмо за подкладкой своего чемодана, несмотря на то, что она резко противоречила первому его показанию. О других документах, якобы тоже хранившихся у таинственного Шиповалова, т.-е. о письмах Михайлова и записке Шелгунова, теперь уже не было и речи: для погубления Чернышевского признан был достаточным и имевшийся материал.

[2]) А. Скафтымов «Чернышевский и Плещеев». Сарат. Сборник, стр. 163.

[3]) «Письма А. Н. Плещеева к Н. А. Добролюбову». «Русская Мысль», 1913, № 1.

Пьеса эта в романтическом роде, но в ней есть кое-что современное... затронут мимоходом один из насущных вопросов дня. Гейне писал ее под влиянием тех теорий, которые в литературе нашей нашли себе только одного поборника, Н. Г. Чернышевского. И потому мне очень бы хотелось посвятить ему мой перевод. Не знаю, будет ли ему это приятно. Я этим посвящением хотел бы также заявить мое к нему глубокое уважение. Если увидите его, спросите, позволяет ли он мне это сделать, и передайте ему мой искренний поклон».

На этом письме рукою Чернышевского сделана была (повидимому, в 80-х годах) следующая пометка: «Д-в забыл спросить. Я увидел это посвящение только (дальше не разобрано, должно быть: «в печати». *Ю. С.*). Что за нелепая мысль явилась у Плещеева удостоить меня этой чести! Разумеется, не сердился на глупость, но если бы знал о намерении П-ва сделать ее, то попросил бы не делать, т.-е. [1]) Ратклифф казался мне дурацким произведением» (разрядка моя. *Ю. С.*) [2]).

По поводу статьи Чернышевского «Капитал и труд», напечатанной в № 11 «Современника» за 1860 год, Плещеев, для которого, как, впрочем, и для большинства русской публики, мысли этой статьи были чем-то совершенно новым, 12 февраля 1861 года пишет: «Что за удивительная статья Николая Гавриловича! Просто все пальчики облизать можно. Ежели кто и по прочтении этой статьи будет стоять за экономистов, проповедующих laissez faire, laisser passer, так уж, значит, у того голова одинакового устройства с помещицей Коробочкой... А сообщаемая вами новость о Милле [т.-е. о предстоящем печатании перевода Милля с примечаниями Чернышевского. *Ю. С.*] меня очень радует. Для меня особенно это будет кладом, потому что я в политической экономии — игнорант. Комментарии будут, разумеется, интереснее самой книги» [3]).

Все это, разумеется, подтверждает хорошее отношение Плещеева к Чернышевскому, но решительно противоречит возможности между ними переписки в духе сфабрикованного В. Костомаровым письма. Никакими революционными делами Плещеев в рассматриваемое время не занимался [4]), и, во всяком случае, никаких революционных дел с Чернышевским у него быть не могло. Но если бы таковые и были, Чернышевский все равно не стал бы никогда писать об этом, да еще так глупо, так неконспиративно, называя имена (Сулин, Сороко, Л. К.), выдавая себя и других, декларируя черным по белому, что у Плещеева есть тайная типография, что у Костомарова с компанией есть другая, что он передал им для напечатания свое произведение и т. д. И это стал бы делать человек, который с первых строк письма хвастает принятыми им мерами предосторожности?! Да и зачем было писать это письмо? Ведь, по собственным показаниям Косто-

---

[1]) В «Русской Мысли» (стр. 132—133) напечатано: «т.-е.», но по смыслу здесь скорее должно быть «т. к.» (так как).

[2]) Кажется, ясно? Однако это не помешало г. Клочкову сделать отсюда тот вывод, что Чернышевский в это время относился враждебно к Плещееву, и усмотреть в этом доказательство того, что «письмо к Плещееву», за которое Чернышевского осудили на каторгу, было подлинным.

[3]) Ibid., стр. 140—141.

[4]) Костомаров приписал Плещееву заведывание подпольной типографией для того, чтобы придать вид вероятия нелепому письму, задуманному им вместе с Потаповым для погубления Чернышевского. Но что сам Сенат не верил этому нелепому оговору, видно из того, что Плещеев арестован не был, к делу Чернышевского или какому-либо другому не привлекался и никаким преследованиям не подвергался.

марова, Чернышевский дважды после того приезжал в Москву (в феврале и марте), когда Костомаров уже приступил к набору воззвания, т.-е. вскоре после мнимого визита Костомарова к Чернышевскому, визита, во время которого он якобы сообщил Н. Г. о ходящих в Москве слухах и этим вызвал письмо его к Плещееву. Стал ли бы Чернышевский, тот Чернышевский, осторожность которого настолько бесила жандармов, что они не раз негодовали по поводу его конспиративности, и в том же письме — писать Плещееву столь компрометирующее всех и его самого письмо, когда знал, что на-днях лично побывает в Москве и сможет обо всем переговорить с Плещеевым и с другими, если понадобится, с глазу на глаз? Здесь жандармы явно не свели концов с концами.

Но письмо не только хронологически и материально недостоверно, — оно недостоверно и с моральной стороны. Мы не повторим того, что сказали выше о невероятной болтливости письма, без всякой нужды называющего массу имен и перечисляющего ряд фактов, компрометирующих не только мнимого автора, но и адресата и упоминаемых в письме лиц и по тому времени угрожавших этим людям каторгой. Кто поверит, чтобы высоко-нравственный, глубоко деликатный и чуткий Чернышевский мог употребить такую фразу, какую содержит письмо, по поводу большого риска, которому подвергаются люди, печатающие прокламации, и сравнительной безопасности главного виновника, автора воззвания, в данном случае самого Чернышевского? Чернышевский, удерживавший молодежь от необдуманных шагов и неосторожных действий, пользовавшийся всяким случаем, чтобы указать им на трудности, ожидающие революционеров, и на угрожающие им опасности, стал бы выражать, да еще перед таким столь же моральным человеком, как Плещеев, неприличную радость по поводу того, что в случае провала главный риск падет на юношей, работающих в типографии, тогда как он, руководитель и вдохновитель, останется в стороне! Одного этого места письма достаточно для того, чтобы приписать авторство его не Чернышевскому, а таким негодяям, как жандармы, третьеотделенцы и предатели вроде Костомарова. Это в их голове могла зародиться такая гнусная мысль, это их морали соответствовали такие чувства, наконец, это их слова повторяются в рассматриваемом месте письма. Вставляя эту фразу в письмо к Плещееву, Костомаров плагиировал самого себя и повторял то, что уже писал в записке о литературной деятельности Чернышевского и в письме к Соколову, где в еще более грубой форме (ибо там он говорил от себя, там ему не приходилось надевать маску) выражал ту мысль, что Чернышевский, посылая на гибель неопытных юношей, сам рассчитывает остаться в стороне, уцелеть и затем в случае успеха занять главенствующее положение. Этого мог не заметить только г. Клочков, проливающий слезы умиления перед невинно оклеветанным, благородным и правдивым юношей В. Костомаровым и признанием подлинности этого письма пытающийся лягнуть за гробом великого мыслителя и революционера.

Действительный автор письма выдал себя этой фразой, но не только этой. Внимательное изучение дела показывает, что все письмо составлено из отдельных фраз и положений, содержащихся в предательских показаниях Костомарова, и из мыслей, пользовавшихся распространением в третьеотделенских кругах и выражавшихся в официальных документах, относящихся к Чернышевскому. В этом мы без труда убедимся, анализируя этот документ фраза за фразой.

Пропуская уже отмеченное выше выражение досады жандармов на конспиративность и осторожность Чернышевского, столь расходящееся с дальнейшим содержанием

неосторожного и неконспиративного письма, перейдем прямо к тому, что там говорится о В. Костомарове [1]). Он хвалится как человек дельный и полезный, Плещееву выражается благодарность за доставление знакомства с ним, хотя осторожно прибавляется, что особенно откровенничать с ним пока не следует впредь до испытания его верности на деле [2]). Зачем все это понадобилось? Ясно, зачем: чтобы, во-первых, подтвердить факт революционных сношений с Костомаровым, доверие к нему Чернышевского, а значит, подтвердить и прежние и будущие показания Костомарова, а, во-вторых, внушить мысль о наличии революционных конспираций между Чернышевским и Плещеевым, из которых Костомарову известна только часть. Упрек Плещееву в медлительности и нерешительности опять-таки имеет двоякий смысл: выставить Чернышевского в виде ярого, энергичного деятеля, подстрекающего колеблющихся, и как бы между прочим сообщить о неизбежности передачи воззвания в типографию Костомарова, т.-е. признать принадлежность воззвания Чернышевскому как общеизвестный, не вызывающий сомнений и вопросов факт. Но и здесь предатель не удержался и выдал себя головой, назвав воззвание к барским крестьянам «манифестом». Такого широковещательного термина не употребляют, говоря о воззвании, ни Михайлов ни Шелгунов; его в ренегатской злобе и с потугами на иронию употреблял только Костомаров в своем письме к Соколову.

По словам автора письма к Плещееву, оно вызвано сообщением Плещеева о распространившихся якобы в Москве весною 1861 года слухах, будто Сулин хвастал знакомством с Чернышевским и передачею ему последним своего воззвания к крестьянам для напечатания в подпольной типографии. Начать с того, что если бы такие слухи действительно распространились в Москве весною 1861 года, то об этом дошло бы до сведения III отделения, и обвинение в авторстве воззвания к крестьянам было бы предъявлено Чернышевскому гораздо раньше февраля 1863 года. Далее, никогда ничего подобного Плещеев Чернышевскому не сообщал, и это Плещеев категорически заявлял не только во время суда над Чернышевским, когда его показание можно было бы истолковать как желание обелить и вызволить подсудимого, но и после смерти Чернышевского, когда в таком обелении не представлялось уже никакой необходимости [3]). Наконец, о таких слухах действительно говорилось, но не Плещеевым и не весною 1861 года, а В. Костомаровым 31 июля и особенно 14 октября 1863 года, не до письма к Плещееву, а после него. А именно в показании, данном Сенату 31 июля 1863 г. [4]), Костомаров заявил: «До меня стали доходить слу-

---

[1]) Правда, Костомаров там назван только буквой К. (характерно, что другие названы почти полностью, чтобы не могли отпираться), но Голицын, препровождая 16 июля 1863 года это письмо Замятину, счел долгом пояснить, что начальные буквы Сул., Сор. и К. «по всей вероятности должны означать фамилии Сулина, Сороко и Костомарова» (Дело № 28, л. 45). Ну, еще бы!

[2]) Напускающий на себя наивность г. Клочков по этому поводу замечает: «Если бы письмо было подделано Костомаровым, то странно было бы, что он так часто занимается самим собой и о себе дает характеристику»! (цит. ст., «Ист. Вестник», 1913 г., № 10, стр. 184). Ох, боимся, что г. Клочков не так ... наивен, как притворяется.

[3]) См. письмо А. Н. Плещеева к А. Н. Пыпину от октября 1889 года в Саратовском Сборнике, стр. 155 сл., причем Плещеев так до конца и оставался при убеждении в полной непричастности Чернышевского к революционным делам.

[4]) Сенатское дело, л. 115; у Лемке (стр. 444—445) это важное место почему-то пропущено.

хи, что Сулин получил от Чернышевского его сочинение для нацечатания». Приблизительно то же он заявил на очной ставке с Чернышевским 14 октября 1863 года, добавив, что об этих слухах он узнал и от Плещеева [1]). В о т к т о, таким образом, б ы л а в т о р о м в е р с и и о м о с к о в с к и х с л у х а х, а с л е д о в а т е л ь н о и «п и с ь м а к П л е щ е е в у» [2]).

Для окончательного изобличения злокозненности Чернышевского и обширности его революционных замыслов в конце письма прибавлена непонятная фраза о чудесах, наделанных каким-то «Л. с своими офицерами и 23 в Понизовьи». Кроме истории в селе Бездне Казанской губернии никаких громких революционных событий в то время не было, да и к крестьянскому пассивному «бунту» в Бездне эта фраза никак не могла относиться. Не расшифровал ее и Сенат, да и не старался ее расшифровать. Но за него и за III отделение попытался в наши дни сделать это уже известный нам приват-доцент Клочков.

«Л., — изрекает он (цит. ст., стр. 184), — по моей догадке Лавров, 23 — шифр, который нужно еще раскрыть». При этом для оправдания своей догадки относительно Лаврова г. Клочков ссылается на Пантелеева (т. I, стр. 328), где из рассказа Лаврова о том, что он был у Казанского собора, делает вывод, что «Лавров вел пропаганду в среде офицеров и имел успех». Далее следует ссылка на «Юбилейный сборник Литературного Фонда» (Спб. 1910, стр. 73) для доказательства той мысли, что между Чернышевским и Лавровым за последние два года до ареста первого установились «очень дружеские отношения» (следует новая ссылка на Пантелеева, т. I, стр. 167, где передаются слова Чернышевского, сказанные в 1889 г., об его уважении к Лаврову). Но, рассуждает далее г. Клочков, Костомаров не знал ни Лаврова, ни его успешной революционной работы среди офицеров (которой, как мы знаем, вовсе и не было). А «при таких обстоятельствах [т.-е. при незнакомстве с Лавровым. *Ю. С.*] Костомаров не мог подделать письма, потому что не мог написать в нем того, о чем он не имел никаких сведений [!]. К тому же эта фраза могла иметь место лишь в письме того, кто был близок к революционным цен-

---

[1]) Сенатское дело, лл. 209—210; у Лемке, стр. 473.

[2]) Что могло натолкнуть Костомарова и его вдохновителей из III отделения на мысль о сочинении письма к Плещееву? Во-первых, Плещеев рекомендовал Михайлову и Чернышевскому Костомарова, который искал литературной работы и которого оба названные писателя пригрели. А, во-вторых, косвенный ответ на этот вопрос дает следующее. В письме Чернышевского к Костомарову от 2 июля 1861 года имеется непонятная для нас фраза: «О вашей благотворительности в пользу дворовых пишу к Алексею Николаевичу» (т.-е. Плещееву). С другой стороны, в письме Плещеева к тому же Костомарову от 3 июня 1861 года сказано: «Я писал к Чернышевскому — если он ответит через вас, то дайте знать». Эти письма, якобы найденные у Костомарова 10 марта 1863 года, наверное были Костомаровым представлены Потапову гораздо раньше. Но если даже они очутились в руках Потапова только в марте, то ведь письмо к Плещееву выплыло только в июле. Возможно, что, обсудив содержание этих писем, почтенная компания пришла к выводу, что их можно использовать для учинения нового подлога. Правда, в письме Плещеева не говорится о посылке письма к Чернышевскому через Костомарова, и относится оно к июню, а не к весне 1861 г., но такие мелочи для жандармов не имели значения. Станет ли Сенат разбираться в хронологических несуразностях, раз дело идет о таком «преступнике», как Чернышевский! Мы не утверждаем, что наша гипотеза бесспорна, но она представляется нам довольно правдоподобной.

трам, таким именно был Чернышевский, а не Костомаров». По здравой человеческой логике выходит как будто наоборот: такую бессмысленную фразу, которую и в то время никто не мог расшифровать и которая до сих пор остается совершенно непонятной, мог сочинить именно человек, не стоявший близко к революционным центрам, но желавший во что бы то ни стало напустить туману и придать продукту своего творчества видимость чего-то опасного и сугубо конспиративного. Наконец, г. Клочков сознательно упускает из виду другую сторону вопроса. Допустим, что Костомаров не знал ничего о Лаврове, но сочинял-то он свои документы вместе с Потаповым, а III отделение, как известно, давно подозревало Лаврова в революционном влиянии на офицеров и следило за ним. Таким образом, вопреки г. Клочкову, эта фраза не опровергает, а подтверждает авторство Костомарова, который, разумеется, «работал» не один, а вместе с Потаповым [1]).

Сам Плещеев, которому якобы адресовано было это письмо, так и умер, не поняв его смысла (разъяснений г. Клочкова он, к сожалению, не дождался). В цитированном выше письме к Пыпину (стр. 157—158) Плещеев рассказывает, что на его вопрос, откуда взялось письмо, якобы посланное ему Чернышевским, сенаторы ему не ответили. В подложности письма он убедился с первого взгляда. «Подделка под руку Ник. Гавр., и самая грубая, бросилась в глаза, в особенности во второй половине письма (оно было на 4 страницах). Тон его также совсем не походил на тон Ник. Гавр., никогда не употреблявшего тех выражений, которые там встречались. Не говорю уже о том, что содержание письма было совсем для меня непонятно. Меня упрекали в нем за недостаток энергии, и в образец мне ставились какие-то люди, «действовавшие на Волге» и пр., словом, говорилось о таких вещах, о которых я никогда не слыхал от Ник. Гавр.».

Словом, дело ясно. И только царский Сенат мог основываться на таком заведомо поддельном документе для вынесения обвинительного приговора. Нужно прибавить, что кроме г. Клочкова в русской литературе никто никогда не отстаивал подлинности «письма к Плещееву» [2]).

24 июля Чернышевский был вызван в Сенат, и первоприсутствующий Карниолин-Пинский, показывая письмо Чернышевскому, торжественно произнес: «Oculis, non manibus» (смотрите, но не троньте) [3]). Чернышевский, конечно, отверг принадлежность и этого письма ему [4]). Ввиду этого Сенат постановил произвести экспертизу

---

[1]) Даже ошибка в слове «некогда», написанном в письме через ѣ (ять), используется г. Клочковым для приписания письма Чернышевскому, который, видите ли, сильно торопился и потому сделал такую ошибку (ibid., стр. 185). Но почему же ее не мог сделать по торопливости или просто по малограмотству Костомаров?

[2]) В одном г. Клочков прав: в свое время относительно этого документа распространено было много легенд. Циркулировавший в либеральных кругах рассказ о том, будто на «письме к Плещееву» были водяные знаки 1864 года, тогда как на нем поставлена дата 1863, неверен, ибо, во-первых, на письме никакой даты нет, а, во-вторых, письмо было предъявлено Сенату 18 июля, следовательно, бумага не могла быть изготовлена в 1864 г. (этот рассказ приводится Ив. Захарьиным-Якуниным в № 10 321 «Нового Времени» от 23 ноября 1904 г.; ср. Лемке, стр. 443). Но легенда, которую пытался упрочить относительно этого документа г. Клочков, по своей чудовищности далеко оставляет за собою все другие.

[3]) Лично сообщено Чернышевским А. Н. Пыпину.

[4]) Сен. дело, л. 90—95. Кстати, цитируемых М. Лемке (стр. 444) слов Н. Г. о том, что «если в вовсе неискусной подписи нужно читать «Чернышевский», то письмо — явно поддельное», там нет.

и этого письма, о которой мы выше говорили (Сен. дело, лл. 112—113). Как мы знаем, на сей раз секретари Сената выполнили предписания начальства в точности, как впоследствии их старался выполнить «ученый исследователь», приват-доцент Клочков, который имел смелость заявить: «Общий характер (!) письма, стиль (?), вид, формат и бумага совершенно (!?) соответствуют (?!?) письмам Чернышевского» (цит. ст., стр. 183). Насчет формата и бумаги спорить не станем: надо полагать, что III отделение старалось подобрать подходящую бумагу для подлога (хотя, как свидетельствует печатаемая ниже экспертиза, это и здесь им не вполне удалось, ибо бумага получилась не совсем та). Ну, а что касается стиля и общего характера письма, то они, как мы показали выше, имеют весьма мало общего с стилем и общим характером писаний Чернышевского, и только такой «исследователь», как г. Клочков, способен утверждать противоположное.

В высшей степени характерно, как оценивает эту «улику» такой далеко не революционно настроенный, но в отличие от г. Клочкова добросовестный человек, как философ В. С. Соловьев.

«Ввиду решительного заявления подсудимого, — говорит он, — что он такого письма никогда не писал, и что почерк предъявленного ему документа — не его, хотя в начале старательно подделан под его руку, были спрошены в качестве э к с п е р т о в... сенатские секретари! Каким образом эта должность и ступень служебной иерархии является вдруг в виде особой профессии, — это есть тайна нашей дореформенной юстиции. Между моими хорошими знакомыми есть несколько лиц, бывших сенатскими секретарями (один из них еще до судебного преобразования), но они решительно отрицают какую-нибудь свою прикосновенность к искусству распознавания почерков и различения поддельного сходства от действительного тождества. Секретари могли говорить только о явном сходстве почерков, которое необходимо существует и в подделке [1])...

«А между тем, помимо такого странного решения вопроса о почерках, принадлежность Чернышевскому этого письма опровергается и по существу — и неправдоподобным содержанием письма, и выбором адресата, и выбором посредника. Поэт тихой грусти А. Н. Плещеев был в жизни совершенным младенцем. В ранней молодости он как-то участвовал в деле Петрашевского... После этого Плещеев никакою политикою не занимался. И ему-то Чернышевский, очень мало с ним знакомый, написал будто бы письмо о каком-то их общем революционном предприятии и отправил этот документ с юным литератором, с которым также вовсе не был близок и который вместо адресата доставил письмо в III отделение. Очевидно, над изобретением правдоподобных улик не очень трудились: не считали нужным церемониться. Что улика была заведомо ложная, явствует из следующего соображения. Ведь при предположении подлинности письма оно было уликою против Плещеева столько же, сколько против Чернышевского. Между

[1]) Далее В. Соловьев замечает: «При этом некоторые из них, вероятно более внимательно рассматривавшие письмо по отдельным буквам, заявили, что только некоторые буквы схожи с способом писания их в признанном письме Чернышевского, другие же не похожи. Такая экспертиза была сочтена достаточною для признания подлинности письма и для осуждения Чернышевского». Здесь В. Соловьев ошибается: разногласие между «экспертами» имело место по поводу «собственноручной записки», а не по поводу «письма к Плещееву». Но по отношению к этой записке недоумение В. Соловьева остается в полной силе.

тем Плещеев никакой ответственности не подвергся. Ясно, что ни в III отделении, ни в Сенате подлинности этого письма не верили» [1]).

31 июля подвергнут был сенаторскому допросу Костомаров [2]).

В противоречие с прежними своими показаниями он теперь заявил, что уже во время первого чтения Чернышевским своего воззвания в присутствии Михайлова он остался недоволен его содержанием и категорически отказался принять его к печатанию. Но затем, когда в Москве до него дошли слухи о разговорах Сулина и Сороки, он немедленно поехал в Петербург предупредить об этом Чернышевского, которому повез письмо от Плещеева. В ответ на это письмо Чернышевский и написал свое письмо к Плещееву, которое сам вручил Костомарову для передачи по адресу. Но Костомаров затерял его дорогою, о чем и сообщил Чернышевскому. «А после, когда я нашел его за подкладкой своего саквояжа (это через два-то года! *Ю. С.)*, оно было и измочено, и изорвано, одним словом, в таком виде, что отдать его Плещееву мне было уже совестно, да оно уже и не имело бы смысла». Совестливый юноша предпочел передать письмо III отделению, хотя и в «подмоченном» виде...

Но для Сената все это нагромождение явных нелепостей и очевидной лжи звучало несомненной истиной, не требующей никакой проверки. Не дожидаясь даже допроса главного свидетеля, чтобы не сказать соучастника, — Плещеева, Сенат поспешил признать письмо подлинным и даже включил его в составляемую по делу Чернышевского записку. Ознакомившись с нею 13 августа, Чернышевский 20 августа потребовал производства научной экспертизы письма и просил предоставить ему возможность сличить его с бумагами, написанными почерком Костомарова и его собственным, явно намекая на подделку этого письма Костомаровым. Сенат, разумеется, поспешил признать «таковое домогательство Чернышевского незаконным» и в просьбе ему отказал [3])...

Так понимал законность Сенат, высшее судебное место в Российской империи! Приговор был у него заранее готов. Но для проформы надлежало еще допросить Плещеева, этого грозного и опасного революционного заговорщика, письмо к которому окончательно обличало Чернышевского в революционных происках.

30 сентября Плещеев явился в Сенат. Здесь этого революционного деятеля, заведывавшего подпольной типографией в Москве, бывшего в курсе всех революционных событий того времени, в том числе и таких, о которых не ведал, равно как не ведает и сейчас никто («23 в Понизовьи» и пр.), к удивлению, не только не арестовали и не посадили в крепость, но даже ограничились просто тем, что взяли с него подписку явиться на допрос 2 октября и преспокойно отпустили в гостиницу.

На допросе 2 октября Плещеев категорически отверг все изветы Костомарова. Что же касается мнимого письма к нему Чернышевского, то он заявил, что почерк первой страницы действительно похож на почерк Чернышевского, но дальше как-то сбивается, особенно в конце. Никогда Чернышевский и не мог написать ему такого письма, и смысл его остается для него тайной [4]). Очная ставка с Костомаровым также ничего не разъяс-

---

[1]) «Письма В. С. Соловьева», стр. 277—278.

[2]) Сен. дело, лл. 114—116; у Лемке, стр. 444—445.

[3]) Сен. дело, лл. 135 и 137—141; у Лемке, стр. 447—448.

[4]) Сен. дело, лл. 197—200; у Лемке, стр. 472—473. — Г. Клочков в первой своей статье (стр. 910) говорит: «В особом акте 2 октября 1863 г. записано: «Плещеев объявил, что почерк руки, коим писано письмо, схож с почерком Чернышевского, осо-

нила: Плещеев даже не понимал беспомощного бормотания растерявшегося предателя [1]). Во время очной ставки с Плещеевым в Сенате Костомаров «с необыкновенной наглостью и злобой» утверждал в глаза, будто Плещеев рекомендовал его Чернышевскому как человека способного и пригодного для политической агитации, что Плещеев, конечно, категорически отрицал, ибо это было наглейшей ложью [2]). После этого Сенат признал возможным отпустить Плещеева в Москву, взяв с него для близиру подписку об явке по первому вызову, какового, конечно, никогда не последовало. А между тем, раз Сенат придавал веру показаниям Костомарова и признавал письмо подлинным (а он сделал и то и другое), то он обязательно должен был привлечь Плещеева к делу как человека, состоявшего с Чернышевским в революционных сношениях, имевшего в своем распоряжении тайную типографию, знавшего о тайном печатании прокламаций и пр. Но именно логики-то в деле Чернышевского никакой и не было, а был голый и циничный произвол. «Письмо к Плещееву» нужно было Сенату исключительно для погубления Чернышевского; сам же Плещеев сенаторов нисколько не интересовал [3]).

Таковы были те, с позволения сказать, документы, которые фигурировали в деле Чернышевского, которые, говоря словами сенатского приговора, «обратили нравственное убеждение (сенаторов) в виновности Чернышевского в юридическое тому доказательство» и позволили им отправить в каторгу великого мыслителя. Из этих документов «собственноручная записка» подавляющим большинством самих сенатских экспертов признана была непринадлежащей Чернышевскому, а «письмо к Плещееву», повидимому, возбуждало сомнения и в самом Сенате, судя по тому, что он не привлек к ответственности Плещеева, который компрометировался этим письмом не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем Чернышевский, ибо помимо всего прочего ему приписывалось там обладание подпольным станком.

Использование столь сомнительных документов против подсудимого было бы чем-то глубоко возмутительным даже при том условии, если предположить, что Сенат ничего не знал о том, к а к получены и созданы были эти документы. А предполагать это никак невозможно. Вся обстановка их постепенного появления на свет божий, все эти «случайные» открытия и находки должны были невольно возбуждать сомнения и подозрения

бенно первая страница, но после как-то сбивается, особенно в конце» (т. II, л. 206). Отсюда видно, что подлинная запись показания Плещеева, скрепленная его же подписью, не так решительна, как об этом писал сын его — А. А. Плещеев («Новое Время», 1904 г., 6 ноября, № 10304), который заявил, что отец при допросе письмо признал поддельным и кроме того глупым, наивным по содержанию, какого Чернышевский написать не мог. В деле подобных заявлений Плещеева нет». Но ведь это просто игра слов со стороны приват-доцента: буквально таких выражений нет, но смысл показания Плещеева именно таков.

[1]) Сен. дело, л. 212.

[2]) Письмо Плещеева к Пыпину, loc. cit., стр. 157.

[3]) Плещеев ошибается, полагая, что это письмо было единственной уликой против Чернышевского. Но он прав в том отношении, что оно сыграло в деле решительную роль, ибо без него одна карандашная записка еще не создавала полного комплекса формальных улик против подсудимого. «Не ясно ль, — пишет Плещеев, — что эта вопиющая несправедливость, эта беспримерная жестокость имела источником желание во что бы то ни стало устранить писателя, литературную деятельность которого, имевшую громадное влияние на общество, считали опасной?» (Письмо Плещеева к Пыпину, loc. cit., стр. 158).

даже не у таких тертых калачей, как сенаторы, понаторевшие во всяких судебных кляузах. Уже одно то обстоятельство, что Сенат не добивался разъяснения этого кардинального вопроса, что он преднамеренно оставлял в тени расследование происхождения этих документов, в частности «письма к Плещееву», относительно которого ему не было даже сообщено, откуда оно взялось и как очутилось в руках III отделения, — уже одно это обстоятельство показывает, что Сенат отлично знал о происхождении этих документов и понимал, что касаться этого вопроса значит сразу подорвать столь хитро и вместе с тем столь грубо возведенное здание улик.

Чернышевский знал, что суд над ним, исход которого он прекрасно предвидел, с течением времени превратится в суд над Сенатом, вынесшим ему вердикт, который, как он это неоднократно подчеркивал, был просто актом классовой расправы. В общественном мнении не только революционного пролетариата, но и демократической интеллигенции репутация Сената как бессовестного и насильнического Шемякина суда утвердилась прочно. Печатаемая ныне экспертиза документов, на основании которых сенаторы сочли возможным совершить юридическое убийство знаменитого русского писателя, лишний раз покажет, что как бы дурно мы ни думали о царском режиме, на деле он был еще хуже, безобразнее и гнуснее, чем человеческая фантазия может вообразить.

Ю. Стеклов.

Экспертиза [1]).

Сравнительный методологический анализ признаков почерка Николая Гавриловича Чернышевского, почерка двух спорных писем, приписываемых Чернышевскому, и почерка Всеволода Дмитриевича Костомарова.

Произведя исследование подозреваемых документов и изучив подлинные рукописи Чернышевского и Костомарова в делах: «Производство следственной комиссии о Николае Чернышевском» за № 13; «Арестантское дело о Николае Чернышевском Правительствующего Сената» 5 департамента 1 отделения, за № 13; «Производство следственной комиссии о Николае Чернышевском, Всеволоде Костомарове и Петре Яковлеве», за № 28; «Производство следственной комиссии по объявлению Всеволода Костомарова об известных ему злоумышленных действиях разных лиц», за № 29, предъявленных для экспертизы, представляем нижеследующий отчет и выводы, к которым привел анализ.

I. АНАЛИЗ ПОЧЕРКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

(Фотоснимк. Ч. I, Ч. II, Ч. III.)

В деле Чернышевского имеется большое изобилие разнороднейших типов его почерков: стенографический дневник периода влюбленности 1852 года, образец черновых литературных работ 1863 г., весь следственный материал с официальными заявлениями,

[1]) Настоящая экспертиза представляет собой данные работ организованной редакцией «Красного Архива» особой комиссии в составе специалистов-графологов, под председательством В. И. Геркан, при участии представителя редакции «Красного Архива» А. А. Сергеева и Ю. М. Стеклова.

Ред.

письмами и записками, одно письмо к И. Е. Андреевскому от 18/III 1862 г. с двумя черновыми стенографическими набросками к нему, два письма к В. Костомарову и три письма к жене.

Несмотря на поразительное разнообразие форм многих отдельных букв, вызванное, несомненно, отчасти постоянным употреблением упрощенных и сокращенных форм букв стенографических записей по собственной системе, несмотря на выявление всех других посторонних причин на характер почерка, как бумага, перо, чернила, ручка, письмо наспех или старание писать крупно и четко, душевное настроение и пр., во всех типах почерков Чернышевского имеются общие обычные и особые признаки, «режущие глаза своею дикою своеобразностью», как сам Чернышевский характеризует свой почерк.

Для сличения, однако, может и должен служить в первую очередь, конечно, однородный материал, т.-е. записки и письма, ближе всего походящие по характеру и условиям на подозреваемые письма. Таким материалом является единственная в деле записка Чернышевского карандашом (см. *Ч. I*) и два письма Чернышевского к Костомарову (см. *Ч. IIа*, *Ч. IIв* и *Ч. III*), обычные и особые приметы почерка которых надлежит установить и описать.

Обычные признаки почерка Чернышевского.

Средний наклон почерка 40—50°.

Склонность к постепенному снижению букв в слогах и словах, чаще всего в коротких словах «что», «это» и в конце слов.

Отсутствие однообразия в размерах букв и их составных частей, наименьшими по размеру буквами являются «і», а также «и» и «о», в особенности в конце слова.

Склонность к снижению вторых и третьих элементов в буквах «т, м, ж, п, ь, и, ц, ш, щ, ы, к».

Буквы «т» и «п» пишутся самым разнообразным образом: аркадами, гирляндами, острыми углами, змеевиком и смесью этих форм.

Принципиального неприменения «ъ» у Чернышевского не наблюдается, так как в деле не имеется ни одного документа без «ъ», не исключая даже стенографического дневника, но «ъ» в конце слов часто вовсе не пишется, и это без соблюдения каких-либо правил. В конце слов после букв «в» и «х» твердый знак заменяется мечевидным росчерком вниз.

Буквы «ъ, ч, ы, ж» всегда выше остальных построчных букв, причем обычно «ч, ъ» пишутся с большой угловатой головкой.

Буквы «с, С» пишутся обычно без точки или спирали, но иногда с маленькой приводной черточкой снизу вверх.

Буквы «а, я» в конце слов обычно имеют длинный отводный косой вверх штрих, иногда с маленьким изгибом вправо на конце штриха.

Начальные кавычки Чернышевский ставит всегда внизу.

Точка на «і» находится или прямо над буквой или немного впереди.

Знак вопросительный имеет длинную отводную косую линию вверх, а в дневнике 1852 года он пишется простым крючком без отводного штриха.

Запятые Чернышевский ставит длинные, с загибом влево, часто с маленькой приводной черточкой или в связи с концом слова.

Краткий знак над буквою «и» ставится косо вверх направо.

Особые приметы почерка Чернышевского.

«б» часто пишется с угловым переломом в верхнем штрихе и с большой кривой, обращенной далеко назад. С последующими буквами «ы, ъ» — «б» связывается гирляндой. Знаки над «ій» пишутся тоже гирляндой слитно.

Направление осей элементов букв.

У большинства букв оси направлены наклонно вправо с колебанием от 40—50°. В длинных словах, в особенности к концу слов, оканчивающихся буквой «и», а также в букве «и» среди слова, почти всегда меняется во втором элементе ось направления до такой степени, что продолжения осей часто перекрещиваются над самой буквой. Такой переход правого наклона в левый наклон так часто повторяется, что он является настоящим выдающимся признаком.

Форма основной линии.

Горизонтальная линия, соединяющая два крайних нижних конца первого и последнего элемента в слове, часто не достигает или пересекает некоторые элементы, что не только зависит от писания без линеек, но также от разнообразия размеров, формы и положения самих букв. Но если соединить крайние верхние и крайние нижние концы отдельных букв в одном слове, то при стенографической привычке Чернышевского писать многие буквы, смотря по удобству связи, длинными, полудлинными или укороченными формами получаются сильно волнистые и переломанные линии. При изобилии разнородных форм букв интенсивность этой неровности создает один из самых выдающихся индивидуальных признаков почерка Чернышевского.

При таком неровном почерке, конечно, и расстояния между буквами и элементами не могут быть однообразны, что и заметно в каждом более длинном слове.

II. АНАЛИЗ СПОРНЫХ ПИСЕМ.

(Фотоснимк. ? IV, ? Va, ? Vв.)

Микроскопическое исследование и троекратное фотографическое увеличение подозреваемых писем не обнаружили заметных переломов штрихов и шероховатостей контуров букв, обычных признаков вырисовывания букв при неопытной подделке чужого почерка. Из этого можно вывести заключение, что записка и письмо написаны свободным движением руки.

1) Почерк спорной записки карандашом (фотоснимк. ? IV).

Наклон почерка 50—70°.

Оси основных элементов букв по наклону совершенно параллельны, за исключением третьей буквы с конца слова «набирать», в которой второй основной штрих наклонился влево.

Начальные кавычки у двух слов поставлены наверху.

Буква «ч» в слове «срочнообяз.» написана как «г» и не превышает другие буквы, «ъ» в первом слове «какъ» мало выдвигается над остальными буквами, в слове «непростительной» недостает последней буквы, буква «ш» в «оплошности» написана как «т» и подчеркнута, чего у Чернышевского не бывает; слово «оплошности» не дописано до конца; буква «а» везде неясно написана и мало похожа на «а», в то время как Чернышевский букву «а» тщательно выписывает; конец слова «набирать» написан неясно или с орфографической ошибкой, в букве «р» в слове «временнообязан.» имеется в кривой перелом от

недостаточного навыка в этом почерке; в первой букве «н» в этом же слове повышается второй штрих, а во втором «н» оба штриха равны, а Чернышевский только обычно понижает вторые штрихи. Во втором слове «какъ» «ъ» сокращен крючком, чего у Чернышевского не бывает. В слове «называется» «ы» повышается над уровнем строки. В подписи буква скорее похожа на С, чем на Ч. Таким изгибом Чернышевский не подписывает своей фамилии. «Ваш» без твердого знака, а Чернышевский обычно ставит «ъ». Запятые короткие.

Такая масса отклонений от характера почерка Чернышевского в маленькой записке карандашом, а в особенности верхние начальные кавычки, где Чернышевский всегда ставит начальные кавычки внизу, является Ахиллесовой пятой автора этой записки, подделывающего почерк Чернышевского.

Во всяком случае не может быть сомнения, что Чернышевский не писал этой записки.

2) Анализ спорного письма (фотоснимки ?*V а*, ?*V в*).

Физический, химический и микроскопический анализы.

Бумага подозреваемого письма к «Алексею Николаевичу» имеет ту же синюю окраску, как и подлинное письмо Чернышевского к Костомарову от 2/VII 1861 г., но выделка бумаги другая, так как узор водяных знаков различен. На подлинной бумаге в сплошном линейном узоре заключаются между двумя более жирными линиями всегда семь тоненьких линий, а на бумаге спорного письма чередуются световые и темные полоски в три мм ширины.

Химический анализ чернил упомянутых выше двух писем показал, что оба писаны железистыми чернилами, так как они от желтой кровяной соли окрашиваются в синий цвет.

Под микроскопом цифра 3 на 64 строке (?*V в*) оказывается исправленной в нижнем изгибе дополнительной кривой.

Почерк спорного письма (фотоснимки ?*V а*, ?*V в*).

Наклон почерка 60°.

Оси основных элементов букв по наклону в общем параллельны, только буквы «т, ш, м» преимущественно в конце слов во втором и третьем штрихах снижают ось направления вправо, в то время как у Чернышевского эти штрихи меняют свою ось направления влево, т.-е. как раз в противоположную сторону.

Буква «ч» имеет форму буквы «г» и очень редко повышается над уровнем строки, в то время как у Чернышевского она всегда выше строки и имеет угловатую головку.

Ни одной отчетливой буквы «ъ» во всем письме, она сокращается в виде крючков. Во всех же письмах Чернышевского твердый знак выписывается отчетливо с превышением угловатой головки над строчкой, либо совершенно не пишется и лишь после букв «в» и «х» крючок вниз заменяет «ъ».

Буква «ы» не выше строки, а у Чернышевского всегда выше.

Буква «б» имеет в шести случаях острый угол в верхнем обратном изгибе, а Чернышевский всегда закругляет эту кривую.

В слове «Николаевич» буква «в» написана с высокой надстрочной петлей обратным ходом. Так Чернышевский не пишет букву «в».

Буква «В» без приводного штриха и с острым конечным росчерком ниже строчки, а Чернышевский пишет обычно «В» с закругленным приводным штрихом и оканчивает букву либо с утолщением на строке, либо загибает конец внутри буквы.

Прописная буква «С» имеет либо точку, либо спираль в начале, а Чернышевский пишет «С» или без всякой головки, как он пишет свое построчное «с», или же с легким приводным штрихом.

Подпись «Черныш...» совершенно не соответствует подлинной подписи Чернышевского. Она повышается после «н», а у Чернышевского всегда понижается.

Длинные отводные штрихи в конце слов, оканчивающихся на «а» или «я», загибаются налево назад, у Чернышевского же они либо прямы, либо изгибаются направо.

Два знака вопросительных на строках 35 и 65 имеют угловатый конец, а Чернышевский пишет «?» с круглым изгибом и длинным отводным штрихом, в 1852 году он писал «?» с простым крючком.

В трех случаях точки над буквою «і» поставлены немного позади буквы.

Запятые короткие прямые, часто с расщеплением пера вначале, а Чернышевский пишет обычно длинные запятые с изгибом, иногда с маленьким приводным штрихом или связно с предыдущей буквой.

Буква «ф» в слове «манифест» на 24 строке и в слове «офицерами» на 63 строке написана тремя прямыми штрихами, средний из которых превышает уровень строки, а Чернышевский пишет «ф» по школьному образцу с немного вогнутой средней чертой, превышающей строку.

Таким образом установлено предыдущим методическим графическим сличением, что спорные письма написаны одним и тем же лицом, но не Чернышевским. Надлежит теперь искать в почерке Костомарова, подозреваемого Чернышевским в подделке его почерка, таких примет, которые соответствовали бы тем формам букв в спорных письмах, которые не встречаются в почерке Чернышевского.

III. АНАЛИЗ ПОЧЕРКА В. КОСТОМАРОВА.

(Фотоснимк. К. VI, К. VII а, К. VII в, К. VIII.)

Если графическая приметоописательная экспертиза сличения двух рукописей для решения вопроса о том, принадлежат ли они одному лицу или разным лицам, чрезвычайно сложна и трудна, то такое сличение особенно трудно тогда, когда подозревается подражание от руки чужому почерку после точнейшего изучения и упражнения в нем. Но такое изменение почерка предполагает двоякое действие, т.-е. отречение от собственных примет письма и усвоение чужих, большею частью непривычных особенностей почерка, относящихся не только к отдельному, всегда повторяемому отклонению от привычного движения при писании, но к множеству таких форм изменения. Эти чрезвычайные затруднения при раздвоении внимания недооцениваются подделывателями, так что им в лучшем случае удается подделать только часть чужого почерка. Большую роль при удачном подражании почерка играет, конечно, знакомство с графологией, образованность, навык в письме и способность к рисованию. Но у самых искусных специалистов на этом поприще встречаются почти всегда, в особенности же при подражании целых документов и писем, досадные оплошности, выдающие их головой.

К таким незаурядным специалистам можно причислить писателя и полиглота Костомарова, руки которого имеются в деле около дюжины псевдонимных писем, представленных Н. Путилиным, с совершенно различными, изумительно измененными почерками, вплоть до нежного тонкого женского почерка на розовой бумаге с подписью «Fanny».

Среди этих писем с различными почерками, сохранившими, однако, некоторые общие индивидуальные приметы настоящего почерка Костомарова, имеется одно письмо с подписью «В. Кост...» от 14 декабря (фотосним. К. VI), которое уже по одной подписи можно считать подлинным письмом Костомарова. Но в деле № 28 имеется на 41 и 42 страницах копия спорного письма (фотосним. К. VII), написанного, вне всякого сомнения, самим Костомаровым, так как единственно он мог восстановить текст протертого и промоченного письма, и кроме того, почерк этой копии совершенно тождествен с почерком письма с подписью «В. Кост...», а также с почерком следственных показаний Костомарова. Как на особые приметы, общие с этим почерком, можно указать на букву «К» и букву «з», которую Костомаров часто пишет прямым или немного волнистым штрихом.

Наклон почерка 40°.

Наклон букв в конце слов часто снижается до 30 и 20°. Такая склонность к снижению осей в конце слов часто встречается в письме *(? V)*, у Чернышевского же оси в конце слов, напротив, повышаются.

В письме Костомарова *(К. VIII)* с подписью «Кнохеншмидт» имеется восемь «В» с концом ниже строки, как в спорном письме *(? V)*.

Пологий изгиб буквы «б» Костомарова встречается в *(? IV* и *? V)*, этот пологий изгиб является причиной острого угла в верхней кривой буквы «б» *(? V)*. Если бы Костомаров обратил внимание на то, что Чернышевский пишет «б» в более вертикальном наклоне, часто с углом перед верхней кривой, то у Костомарова в *(? V)* не получались бы около шести неудачных по форме «б».

Буква «а» у Костомарова похожа на «о», часто на «и, н», что наблюдается также в (*? IV* и *? V)*, а Чернышевский пишет «а» по школьному образцу всегда тщательно.

Букву «я» Костомаров пишет тоже не так отчетливо, как Чернышевский и часто сокращает и комкает эту букву, в особенности в конце слов, что наблюдается также в спорных письмах *(?IV* и *? V)*.

Буквы «ч, ъ», Костомаров обычно пишет как «г», не превышая их над остальными буквами, а «ъ» в конце слова часто сокращается в виде крючков разной формы и длины, что имеет место также в письмах *(? IV* и *? V)*, Чернышевский же пишет эти буквы обычно с большой угловатой головкой, повышая их над строкой, в конце же слов Чернышевский часто вовсе не пишет «ъ» и только после «в, х» заменяет их росчерком вниз налево.

Начальные кавычки Костомаров ставит наверху, что является довольно редкой привычкой у литераторов. В записке *(? IV)* начальные кавычки поставлены два раза наверху, а Чернышевский ставит их только внизу.

Костомаров почти всегда загибает длинную отводную черту в конце слова назад влево, а Чернышевский чаще отклоняет конец отводного штриха вправо. В письме *(? V)* все отводные загнуты, как у Костомарова.

Высокая петля буквы «в» в слове «Николаевич» *(? Va 2)*, писанная обратным ходом,— необычная для Чернышевского форма, и встречается у Костомарова, напр., в слове «ответственности» (см. *К. VII а 22)*.

Буква «ф» из трех параллельных черточек, не превышающих уровня строки в словах «манифест» и «офицерами» (см. *? Va 24* и *? V в* 63) встречается у Костомарова в *(К. VII. а 21* и *К. VII в* 58), а также в следственных допросах Костомарова. А Чернышевский пишет «ф» по школьному образцу с двумя полукругами и длинным средним немного вогну-

тым штрихом. Очевидно, Костомаров не знал, как Чернышевский пишет букву «ф», в письмах Чернышевского к Костомарову не встречается буква «ф».

Букву «С» Костомаров пишет с точкой или спиралью, и все «С» в спорном письме *(? V)* так же написаны, а Чернышевский пишет обычно либо совершенно без точки, либо с маленькой приводной закругленной черточкой.

Знак вопросительный с углом в ножке (см. *? V в* 35 и 65) встречается у Костомарова в его письме в деле № 29 на обороте страницы 167 на 14 и 15 строках. Чернышевский же пишет знак вопросительный с закругленным высоким отводным штрихом, в 1852 году он писал знак вопросительный простым крючком без отводного штриха.

Запятая короткая и точка часто поставлена на «і» до буквы, как в трех случаях в спорном письме. Запятая и точка — часто с расщеплением пера.

Копия спорного письма, написанная несомненно Костомаровым *(К. VIIа)*, показывает в двух словах «что» на 5 и 7 строках, что Костомаров изучал почерк Чернышевского, ибо на 7 строке «что» написано по образцу почерка Чернышевского с высокой буквой «т», которою Костомаров обычно не пользовался. В копии этого письма *(К. VIIв)* встречаются группы букв и даже целые слова, совершенно тождественные по начертанию с теми же словами в спорном письме *(? V)*, напр. «ча» и «года» на 39 строке, «ничего не пишу Вам» на 41 стр., «гін» и «ус» на 51 стр., «ось» на 53 стр., «ничего и не в» на 54 стр. Очевидно, Костомаров писал копию инкриминируемого письма вскоре после фабрикации спорного письма, когда он еще не успел освободиться от тренировки в подражании почерка Чернышевского.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ АНАЛИЗА.

Сравнительный приметоописательный графический анализ признаков почерков Чернышевского и Костомарова и признаков почерка подозреваемых записки и письма привели к установлению, что последние состоят из смеси неискусно подделанных типов почерка Чернышевского с явными признаками почерка Костомарова. Насколько Костомаров мастерски умел изменять свой почерк и придумывать новые почерка, настолько он был неосмотрителен в подражании чужого почерка, а судебные власти в хранении такой копии спорного письма. Для опытного графолога достаточно высоких начальных кавычек и буквы «ф», чтобы считать спорные письма поддельными.

Стилистически спорное письмо является подражанием письма Чернышевского к Костомарову от 2/VII 1861. Вставленная в этом письме в скобки фраза на 2 и 3 строках (или, как иначе называется ?— об утопленнице-то) подражалась в спорном письме на 31 и 32 строках в форме (или как там его). К тому же дважды упоминаемый в письме Чернышевского к Костомарову «Алексей Николаевич» служил с удобством в качестве адресата для спорного письма, что заметно по большому сходству начертания этого имени, которое Чернышевский в дознаниях писал с большими отклонениями в формах букв.

При крайней осторожности и сдержанности Чернышевского и при его навыке писать журнальные статьи неуловимым для цензуры эзоповским языком, совершенно недопустимо, чтобы Чернышевский мог быть автором спорных писем, в которых подпольные действия называются простым языком, как «тайное печатание» и пр. Таким языком никогда не писали и не пишут даже рядовые подпольные деятели. Такой текст

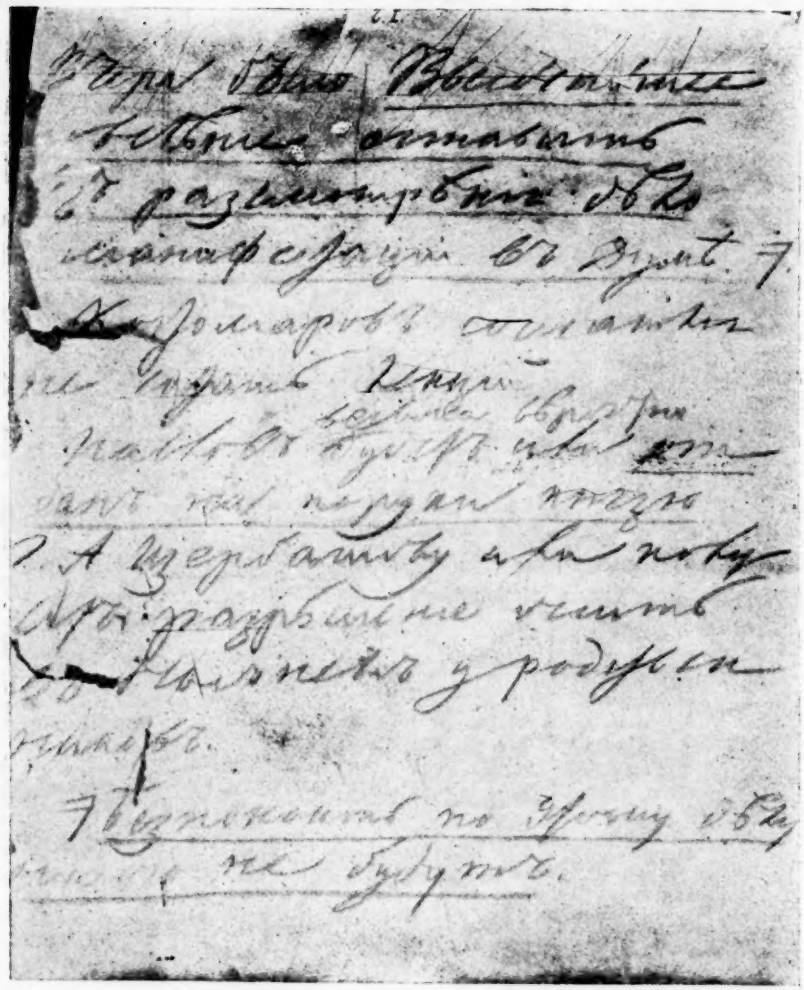
потребовался очевидно III отделению, чтобы доставить формальные улики для следственной комиссии из сенаторов, которую Чернышевский даже из крепости характеризует как «бестолковый омут» из «тупоумных глупцов».

Если графический анализ с очевидностью доказал, что спорные письма подделаны Костомаровым, то к характеристике личности Костомарова, данной генерал-майором К. Огаревым 24/I 1863 года в письме к генералу Потапову, в котором Огарев удивляется, что жалеют архибестию Костомарова, экспертиза может лишь добавить, что Огареву, очевидно, не было известно, что материалом для подделки спорных писем послужили два письма Чернышевского к Костомарову, в которых он о нем заботится. «Tue niemand etwas Gutes, so widerfaehrt dir nichts Boeses».

Председатель экспертной комиссии *В. И. Геркан.*

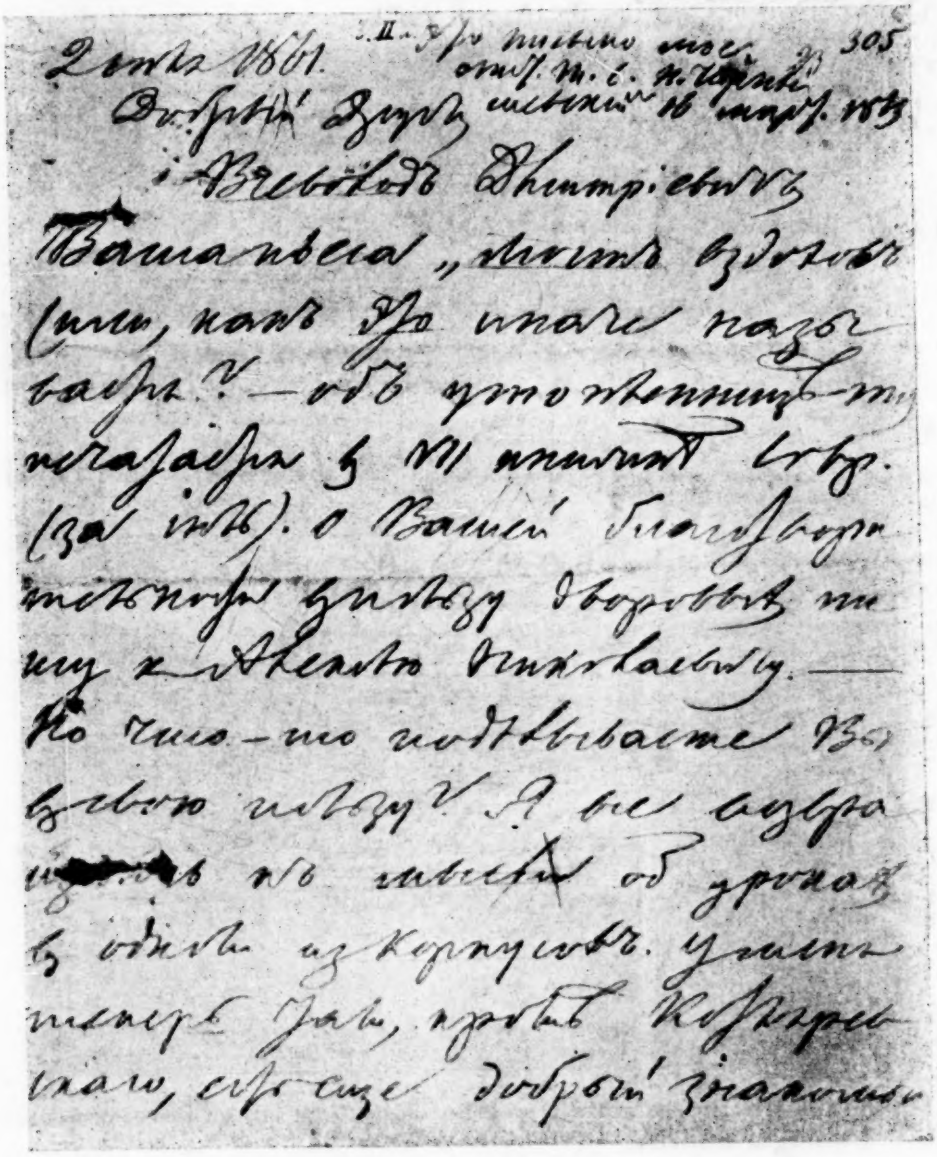
Эксперты [подписи].

Фотосним. Ч. I.



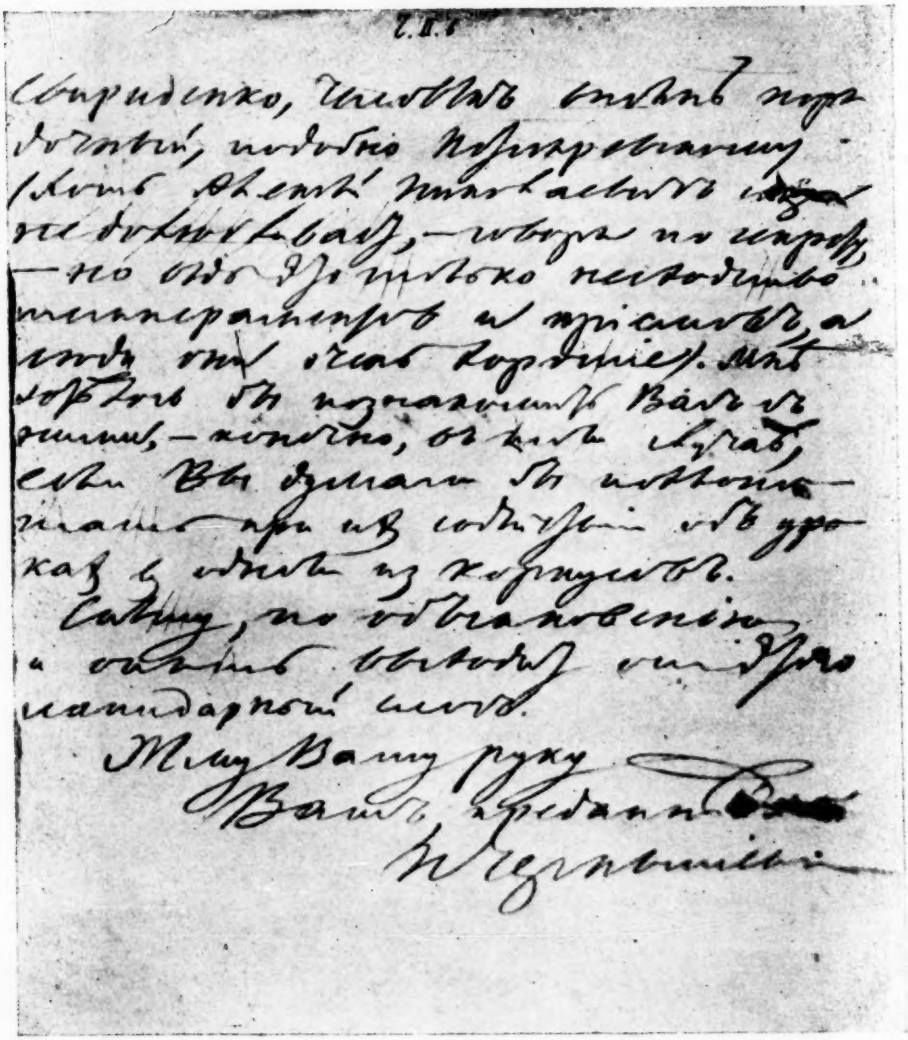
Собственноручная записка Н. Г. Чернышевского, сделанная карандашом.

Фотосним. Ч. Па.



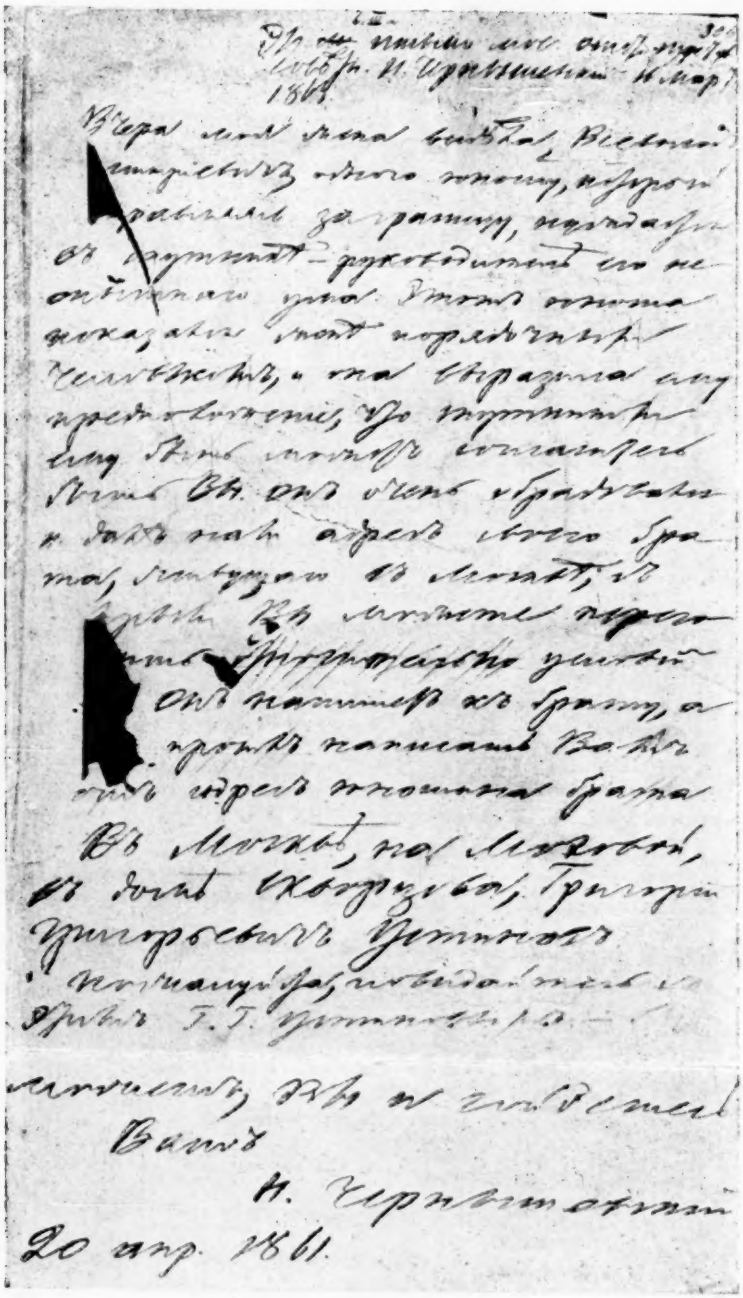
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 2 июля 1861 г.
(Первая страница.)

Фотосним. Ч. IIв.



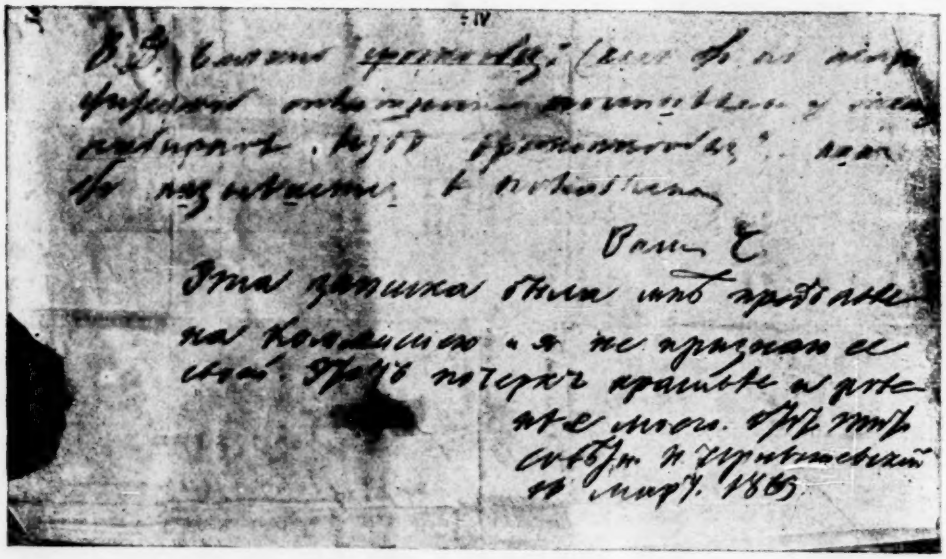
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 2 июля 1861 г.
(Вторая страница.)

Фотосним. Ч. III.



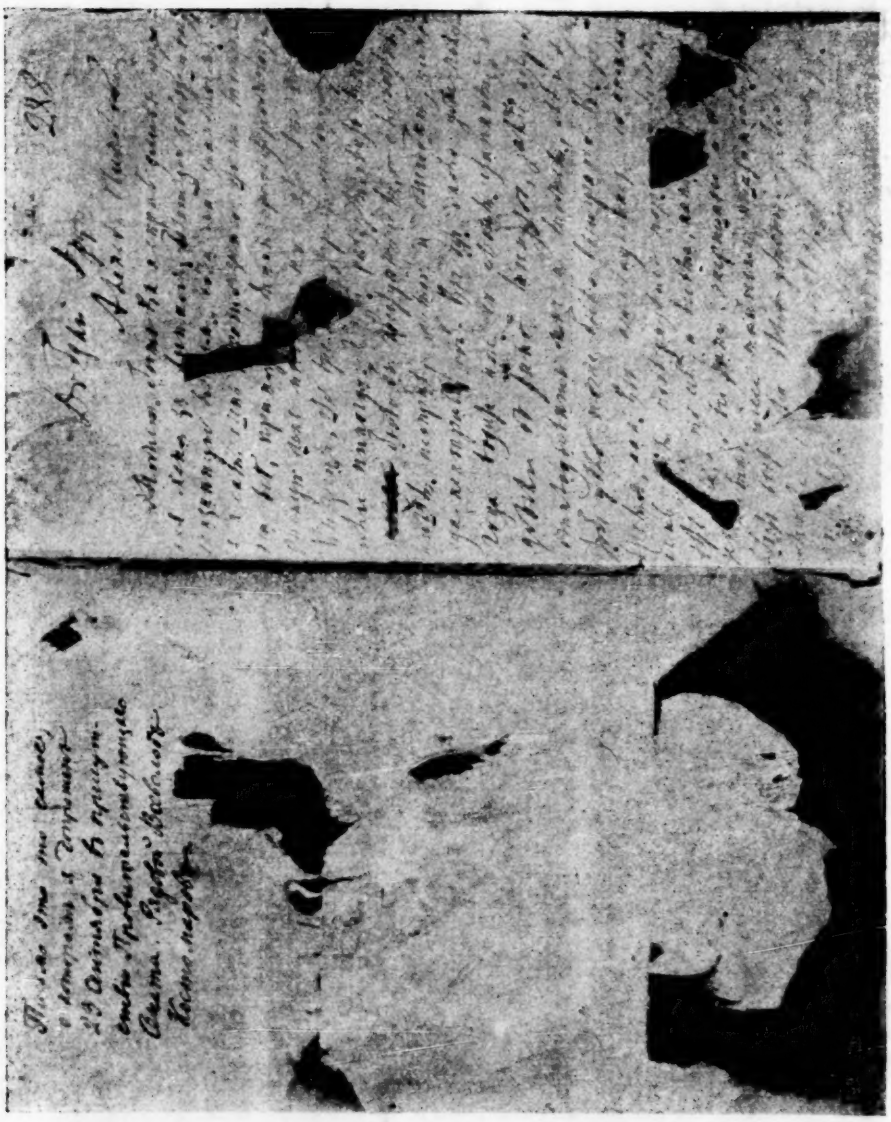
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 20 апреля 1861 г.

Фотосним. № IV.



Написанная карандашом записка, приписанная членами суда Н. Г. Чернышевскому.

Фотосним. ? V a.

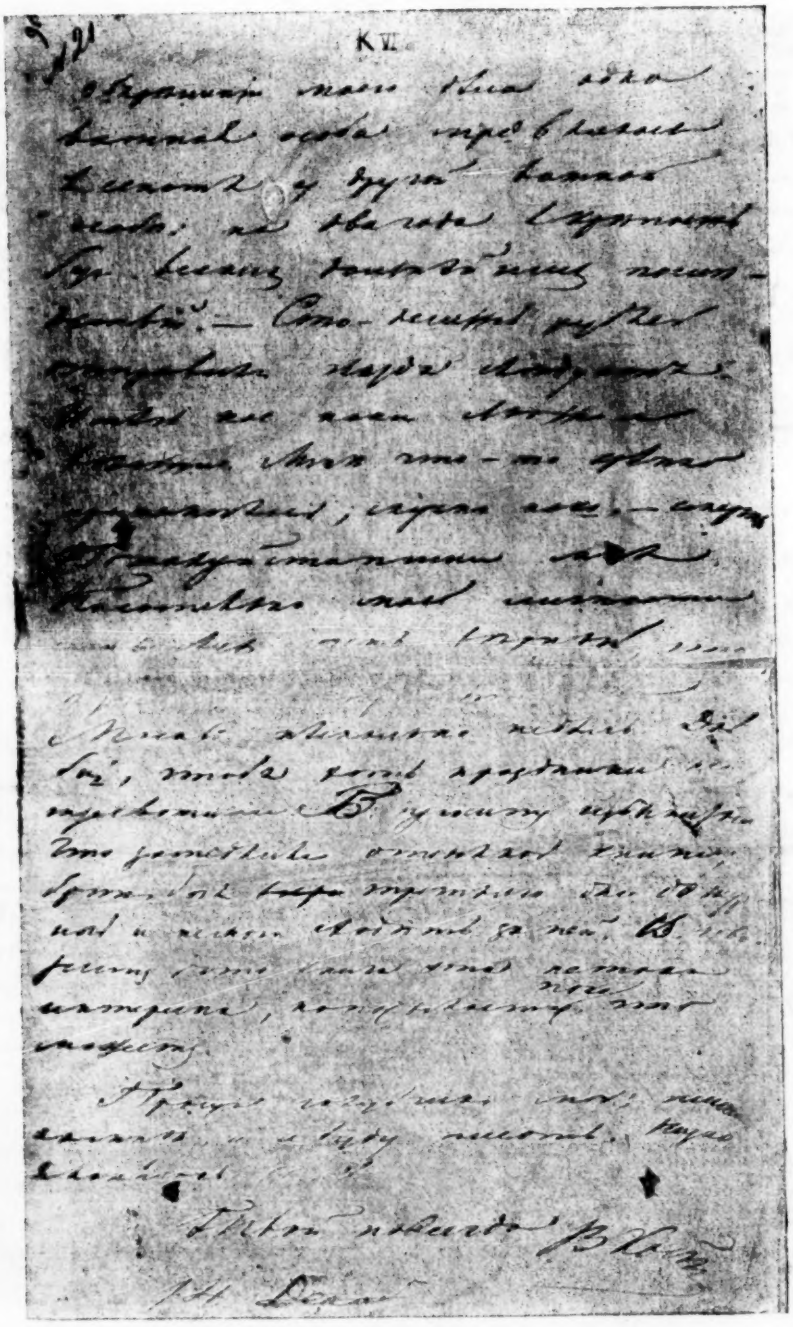


Письмо к А. Н. Плещееву, приписанное Н. Г. Чернышевскому.
(1 и 4 страницы.)

Фотосним. ? Ve.

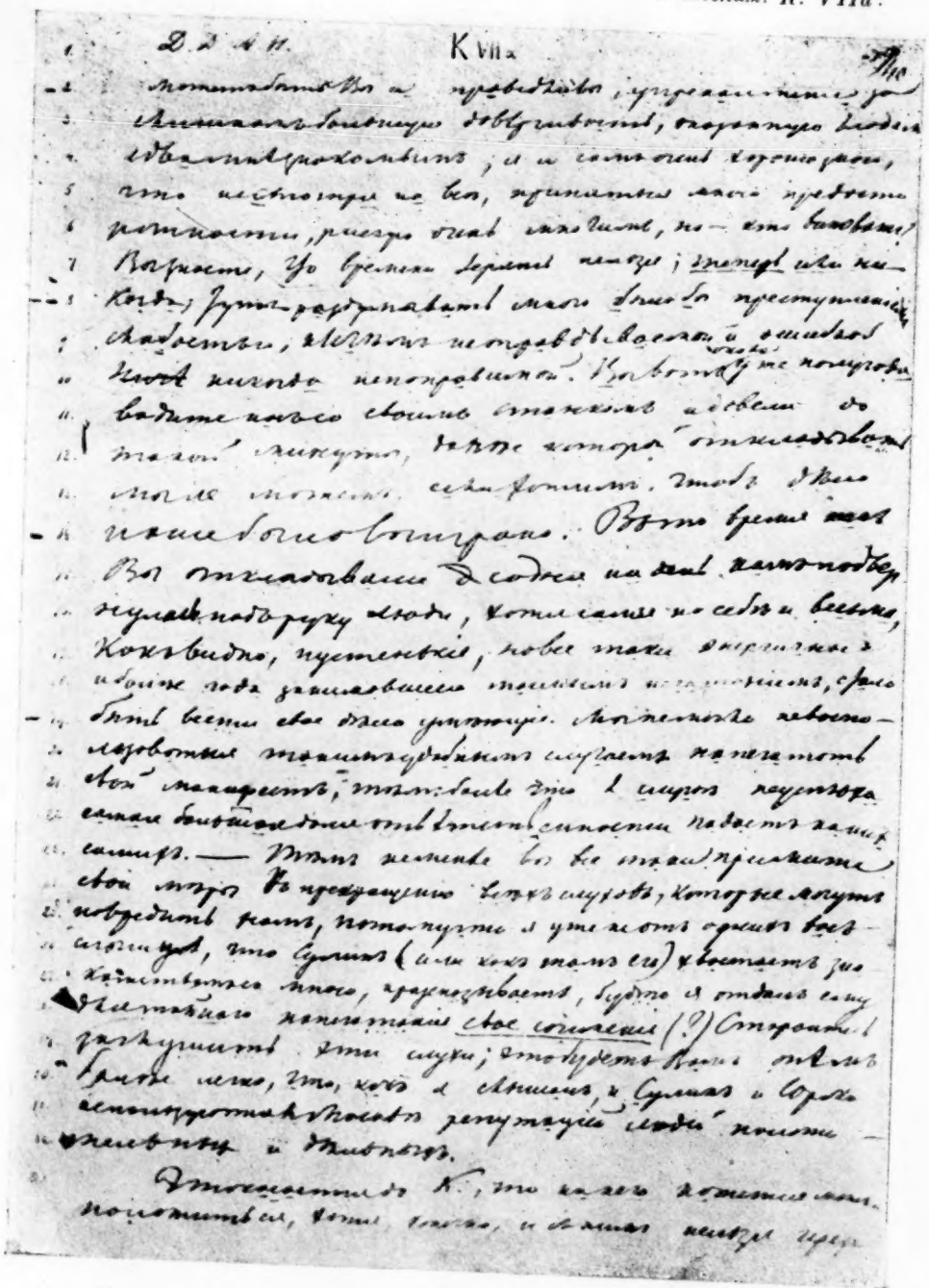
Письмо к А. Н. Плещееву, приписанное Н. Г. Чернышевскому.
(2 и 3 страницы.)

Фотосним. К. VI.



Собственноручное письмо В. Костомарова.

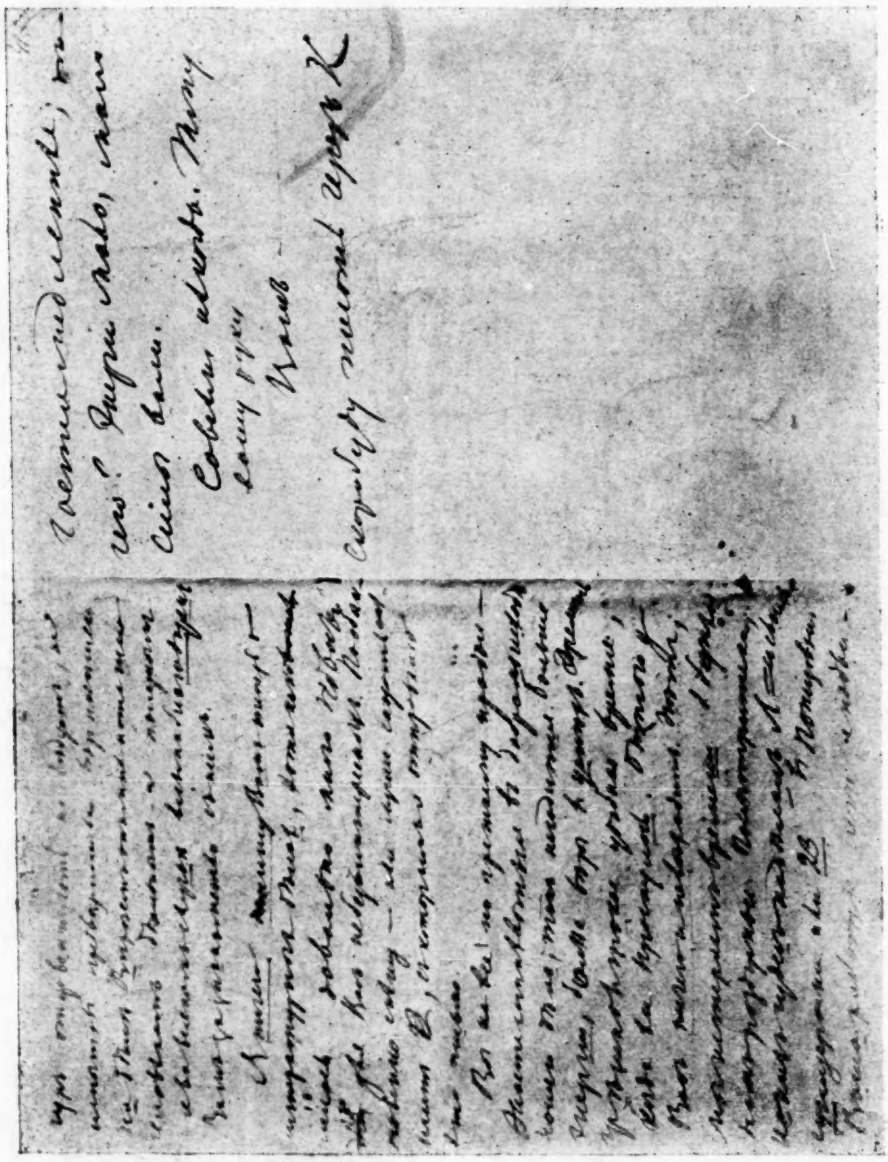
Фотосним. К. VIIа.



Копия письма к А. Н. Плещееву, сделанная В. Костомаровым.

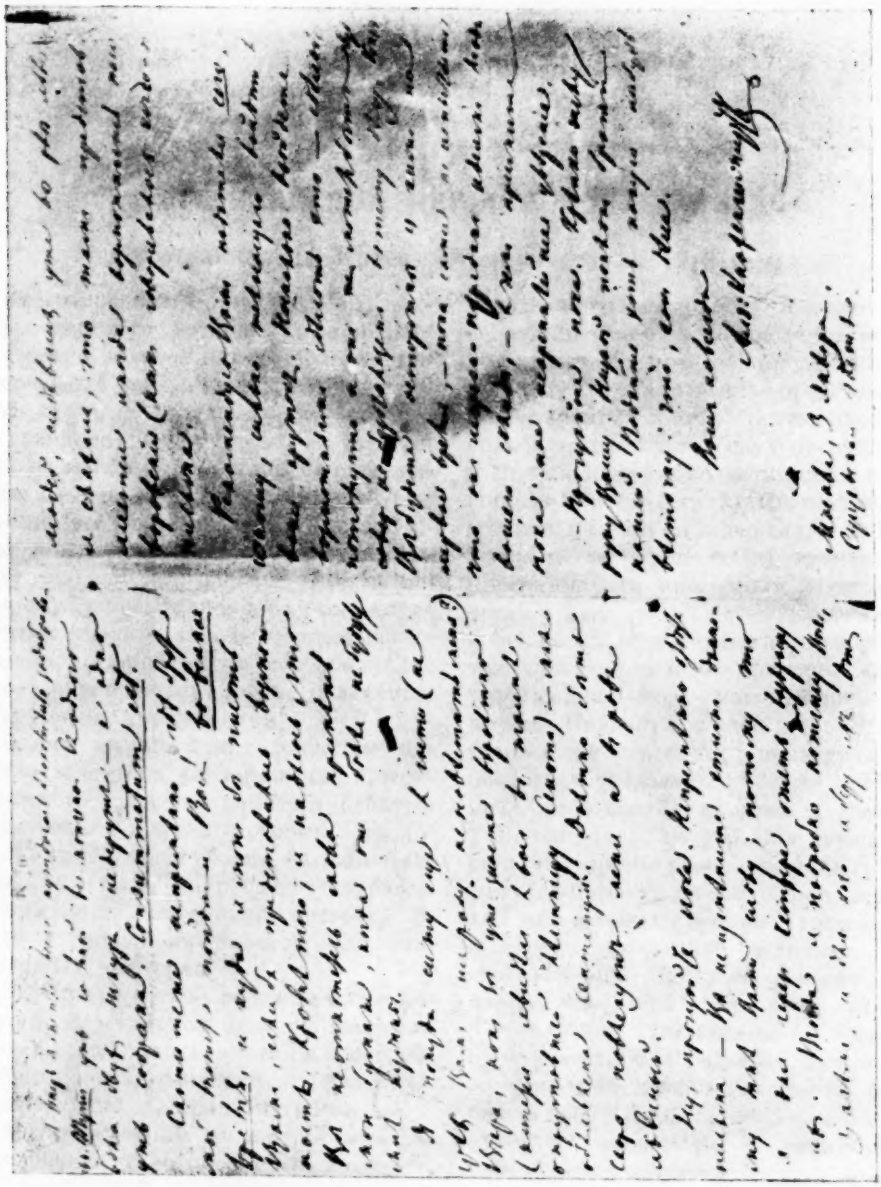
(1 страница.)

Фотосним. К. VIIв.



Копия письма к А. Н. Плещееву, сделанная В. Костомаровым.
(2 и 3 страницы.)

Фотосним. К. VIII.



Собственноручное письмо В. Костомарова.

Из записной книжки архивиста.

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 году.

На обязанности иностранной цензуры царского времени лежало рассмотрение, а затем или дозволение или запрещение всех тех произведений печати, которые, будучи выпущены в свет за границей, безразлично на русском или на каком-нибудь ином из европейских языков, попадали в Россию. Названия всех просмотренных, дозволенных или запрещенных к ввозу в Россию заграничных изданий каждый месяц опубликовывались в особых «Алфавитных указателях», не подлежавших, однако, оглашению и сообщавшихся «для руководства» лишь различным цензурным учреждениям.

Одним из последних накануне падения монархии распоряжений Петроградского главного комитета цензуры иностранной, через который проходила наибольшая часть заграничных изданий, было запрещение журнала «Коммунист», экземпляр которого за 1915 г. попал на рассмотрение иностранных цензоров.

Это предсмертное постановление комитета иностранной цензуры заключалось в следующих немногих и категорических словах: «запретить журнал «Коммунист» к распространению в России».

Мотивированное же мнение цензора-докладчика было таково: «Коммунист». № 1—2. 1915 г. (Genève). 196 стр. в 8 д. л. (Рос. Соц.-Дем. Рабоч. Партия). Самое название журнала, указание, что он издается Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, издание его в Женеве, все это предрешает вопрос о характеристике журнала. Вступительное же слово редакции определяет и самую цель издания нового органа «помочь разъяснению истин коммунистического учения Маркса и лучшему пониманию задач предстоящей пролетариату эпохи революционной борьбы за демократическую республику в России и за социалистический переворот в Европе» (стр. 3). Поэтому долго останавливаться на содержании № 1—2 журнала не приходится; намеченная программа его проводится систематически в ряде статей по экономическим, социальным и политическим вопросам таких более или менее известных писателей-социалистов, как Ленин, Зиновьев, Паннекук, Радек и др. В подтверждение сказанного приведу лишь несколько отдельных более резких мест, касающихся царизма в России. Так, например, на стр. 106 утверждается, что «против революционной грозы, способной снести царский трон, монархия Романовых искала громоотвод в сфере иностранной политики». На стр. 153—154 Зиновьев говорит, что царизм поставил громадную ставку в этой войне. Чем больше он будет ее проигрывать, тем большим долгом революционной социал-демократии будет бить в набат, звать рабочий класс и всю русскую демократию к революционной борьбе. А затем следует призыв к революции: «К ответу царскую монархию! За горло ее и коленом в грудь! Пусть кровопускание, которое устроила монархия Романовых нашей стране в 1914—1915 гг., будет последним. Пора поменяться ролями, пора нашей стране раз навсегда покончить с Романовской монархией, пора уложить

ее в могилу и вбить для большей верности хороший осиновый кол». На стр. 83 и 167 встречаются выпады против особы государя императора. На стр. 193—196, в заключение номера, помещены: манифест Базельского Международного Социалистического Конгресса от 24/25 ноября 1912 г. и резолюция Хемницкого партейтага германской социалдемократической партии от 20 сентября 1912 г., приглашающие пролетариев к борьбе против империализма и капитализма.

Представляя об изложенном комитету, считаю безусловно необходимым № 1—2 «Коммуниста» запретить к распространению в России» [1]).

Так накануне гибели царизма, поражаемого извне и угрожаемого изнутри, охранявшие его органы продолжали вместе с ним цепляться за жизнь и размахивать ржавым оружием, выпадавшим уже из их рук.

С. Любимов.

Эпизод из истории балканской войны.

Печатаемый ниже всеподданнейший доклад председателя Совета Министров Коковцова от 2 декабря 1912 г. вскрывает любопытный факт из области политики воевавших тогда с Турцией балканских государств: из письма обнаруживается, что 1 декабря (ст. ст.) этого года болгарское правительство обратилось к правительству России с просьбою уступить временно Болгарии два броненосца и два линейных крейсера (или миноносца) из состава русского черноморского флота и, независимо от этого, предоставить Болгарии 28 тяжелых полевых мортир.

Чтобы оценить истинное значение этой просьбы, надо, прежде всего, отметить, что в те дни, к которым она относится, воевавшие с Турцией славянские союзники уже принудили последнюю просить о заключении перемирия: оно состоялось 22 ноября, — а уже 2 декабря в Лондоне съехались представители балканских держав для обсуждений мирных условий; в то же время (4 декабря) в Лондоне же открылась, в связи с тем же вопросом, конференция послов великих держав.

Как известно, балканские союзники за непродолжительный срок войны (начавшейся 26 сентября) успели добиться очень больших успехов и захватили у Турции искомые ими и заранее между собою распределенные турецкие территории; в частности же, болгарская армия, осадив Адрианополь, дошла почти до Константинополя, подступив уже к защищающим последний укреплениям Чаталджи, где, после нескольких попыток прорыва их открытой силой, болгары перешли к правильной осаде. Но последняя могла итти лишь самым медленным темпом как в виду ограниченности у болгар осадной артиллерии (да и то прикованной к осаде Адрианополя), так и благодаря действиям турецкого флота, направлявшего свои удары против обоих флангов осаждающих болгарских войск. Эти две причины и вызвали, конечно, у Болгарии надобность и в осадных орудиях и в военных судах, которые могли бы парализовать действия турецкого флота.

Но если просьбу Болгарии о предоставлении ей орудий царское правительство и могло бы еще, при желании, как-либо удовлетворить, неся, однако, все последствия за нарушение своего нейтралитета, то просьба об уступке русских военных судов была, в сущности, совершенно практически невыполнима: ввиду отсутствия у Болгарии достаточного количества подготовленного для обслуживания этих судов личного состава, просьба Болгарии об уступке ей военных кораблей фактически означала и просьбу о предоставлении личного для них состава (хотя бы для исполнения специальных обязанностей). Но такой шаг царского правительства был бы, без сомнения, равносилен объявлению Россией войны

[1]) Журнал заседания комитета цензуры иностранной 21 декабря 1916 г. № 4187.

Турции. Это признал и русский Совет Министров, рассматривавший болгарское предложение.

Трудно предположить, чтобы болгарское правительство не понимало, какой именно смысл должно было иметь предоставление Россией Болгарии военных кораблей. И потому мы думаем, что просьба Болгарии была, в сущности, просто дипломатическим ходом, призывавшим Россию принять участие в войне. Такой смысл болгарского предложения обнаруживается, впрочем, и в тех данных, которые имеются в докладе Коковцова. Оказывается, что болгарский военный агент, передавая упомянутые просьбы своего правительства, заявил вместе с тем о готовности Болгарии «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России».

«Облегчать» свое положение войной русское правительство, по своей логике, могло бы для подавления назревавшего в стране революционного движения, — но болгарское правительство, конечно, имеет ввиду не это. Оно, делая свое предложение накануне начала мирной конференции и лондонской конференции послов имело, несомненно, в виду «облегчить» именно на последней положение России, ввиду тех трений и столкновений, которые должны были выйти, — и, действительно вышли, — у представителей последней с представителями Австрии и поддерживавшей ее Германии.

Надо заметить также, что Болгария и во время этой конференции делала, повидимому, попытки соблазнить царское правительство теми перспективами, которые могли бы открыться перед Россией в случае поддержки ею дальнейших аггресивных планов Болгарии: по крайней мере, — как видно из слов английского посла в России Бьюкенена, — Николай говорил ему в это время (разговор относится к 1 апреля ст. ст. 1913 г.), что «в случае предполагаемого занятия Константинополя болгарскими войсками, Болгария намерена была предложить его России, как дар признательности за освобождение от турецкого ига». Однако Николай, — как он сообщил Бьюкенену, — «дал ей (Болгарии) ясно понять, что Россия не может принять такого подарка, и рекомендовал ей отказаться от попытки занять его» [1]).

Предложение об «уступке» России Константинополя, так же как и рассматриваемые нами просьбы Болгарии о предоставлении ей русских военных судов и тяжелых орудий, с несомненностью указывают на то, что болгарское правительство совершенно неправильно оценивало истинный характер отношений к нему правительства России и соответствующий образ действий русской дипломатии. Раскрытая теперь история политических взаимоотношений России, Франции и Англии в период балканских войн [2]) вполне ясно обнаруживает, что русское правительство не только не желало способствовать продвижению болгар на Константинополь, но чрезвычайно страшилось этой возможности, видя в этом посягательство Болгарии на выполнение той «исторической миссии», которую в ближайшем будущем должна была выполнить сама Россия. В сущности, в стараниях к недопущению Болгарии до захвата Константинополя заключалась основная линия тогдашней русской балканской политики, причем дипломатия России дошла в этом отношении до такой абсурдной, с точки зрения «покровительства славянам», позиции, что стала желать усиления Турции для того, чтобы последняя могла отразить всякую попытку болгар овладеть Константинополем.

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата», М. Гиз., изд. 2-е, стр. 116.

[2]) См. «Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. министерства иностранных дел» (М., 1925 г.), а также «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных документов бывш. мин. ин. дел». (М., 1922 г.).

Таким образом только неосведомленностью болгарского правительства о тактической линии русской дипломатии (ведшей себя в это время, при непосредственных сношениях с Болгарией, довольно уклончиво) мы можем объяснить то, что Болгария решилась обратиться к России с рассматриваемой просьбой об уступке русских военных судов и тяжелых орудий.

Оценивая по существу эту просьбу, мы ее не можем назвать иначе, как провокационной. Но т о г д а, в 1912 г., царское правительство не только не желало итти на славянскую провокацию, но всячески ее опасалось; в частности, например, русский посол в Англии, Бенкендорф, высказывал Сазонову (18 ноября 1912 г.) совет (имея в виду, в случае войны, обеспечить поддержку Англии) «избегать всего того, что могло бы быть истолковано, как сербская провокация» [1]). Еще больше оснований имело тогда царское правительство, чтобы пренебречь рассматриваемой болгарской провокацией.

Такое «миролюбие» царского правительства объясняется, конечно, прежде всего тем, что оно, усиленно стремясь к войне, не считало себя тогда к ней вполне готовым, — «полная готовность» создалась только в июле 1914 г.

Что касается публикуемого здесь второго доклада Коковцова, то он приводится нами лишь по связи с тем самым историческим моментом, которого касается и первый доклад. 23 декабря Коковцов докладывает Николаю, что особое совещание министров и начальника генерального штаба 22 декабря 1912 г. признало необходимым привести в исполнение временно отложенное распоряжение Николая, от 10 декабря, о задержании в рядах армии солдат, подлежавших увольнению от службы 31 декабря 1912 г.

Этим шагом царское правительство также «подкрепляло» свою позицию на происходившей тогда конференции в Лондоне и немедленно вслед за этим шагом предъявило Турции требование об осуществлении некоторых спорных пожеланий славянских государств.

В. Семенников.

1.

Ваше императорское величество.

В субботу, 1-го сего декабря, в 4 часа дня, военный министр передал мне высочайшее вашего императорского величества повеление обсудить обращенное к нему болгарским военным агентом, от имени своего правительства, ходатайство о продаже Россиею Болгарии 28 орудий тяжелого образца полевых мортир, с соответствующим комплектом снарядов.

В тот же день и час морской министр передал мне обращенное к нему ходатайство того же агента о временной уступке Россиею Болгарии двух броненосцев и двух линейных крейсеров или миноносцев из состава нашего Черноморского флота.

Я распорядился немедленно созвать Совет Министров, который, подвергнув оба вопроса всестороннему обсуждению, в заседании 2-го декабря, пришел единогласно, без всяких возражений со стороны военного и морского министров,— к совершенно отрицательному заключению.

Не утруждая вашего императорского величества изложением сколько-нибудь подробных соображений относительно прямой недопустимости передачи, хотя бы на время, части наших судов Черноморского флота, для управления коими у Болгарии не имеется ни офицерского и командного состава, ни навыка в технике морского дела,— передача же судов с командою равносильна начатию Россиею войны против Турции, — Совет Министров нашел, что и передача артиллерийских орудий должна быть решительно отвергнута как с точки зрения занятого Россиею нейтрального положения в балканской войне, так и по невозможности ослаблять наши средства обороны в настоящую минуту.

Передача 28 орудий Болгарии не может остаться тайною; слух о предпо-

[1]) «Константинополь и проливы», стр. 36.

ложении болгарского правительства спешно приобрести некоторое количество орудий осадного образца уже проник, благодаря чьей-то нескромности, в дипломатические сферы Петербурга, и к нам несомненно будет предъявлено обвинение в нарушении нейтралитета как со стороны Турции, так и со стороны дружественно-расположенных к ней держав тройственного союза.

С точки зрения России представляется даже весьма спорным, насколько желательно укрепление Болгарии в ее стремлении продолжать войну с Турцией, и не следует ли [?] даже, во имя ее собственных интересов, скорейшее заключение мира, не подвергая себя риску утратить плоды ее блестящих побед.

Еще менее допустима, по заключению Совета Министров, уступка орудий, с точки зрения наших собственных интересов.

Заявление военного агента Болгарии о готовности обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников, с целью облегчения положения России, — должно быть отнесено к числу несбыточных увлечений. Еще 2 месяца тому назад болгарский министр внутренних дел откровенно заявил в Петербурге о том, что Болгария в состоянии вести войну с Турцией не долее 3-х месяцев, а болгарский посланник еще на сих днях сказал министру иностранных дел, что он смотрит с величайшею озабоченностью на распадающееся согласие среди союзников.

Помышлять о новой войне с европейским государством, хотя бы в защиту правого дела — ограждение интересов Сербии, — очевидно, можно только на словах, и не неся ответственности за них. Очевидно, поэтому, что при таких условиях ослаблять России свои средства обороны просто недопустимо. Мы поколебали бы то твердое и всеми признаваемое безупречное положение, которое мы заняли, по воле вашего императорского величества, среди всех великих держав и, думая оказать небольшую помощь нами же созданной Болгарии, мы поставили бы самих себя в условия совершенно ложные и лишающие нас всякого авторитета в глазах наших политических противников.

Совет Министров не упустил, наконец, из внимания и будущих наших отношений к Турции; мы не должны давать ей оснований упрекать нас в неприязненных действиях против ее, тем более, что, удаленная на малоазиатский материк, она продолжает быть нашим соседом в будущем. Но всем этим, лишь вкратце излагаемым, соображениям Совет Министров постановил: всеподданнейше ходатайствовать перед вашим императорским величеством об отклонении просьбы, обращенной болгарским правительством чрез посредство его военного агента к министрам: военному и морскому.

О таковом постановлении Совета Министров всеподданнейшим долгом почитаю повергнуть на высочайшее благоволение вашего императорского величества.

Председатель Совета Министров
статс-секретарь *В. Коковцов.*

2 декабря 1912 г.

2.

Приемлю долг всеподданнейше довести до высочайшего сведения вашего императорского величества, что состоявшееся вчера, 22 декабря, под председательством моим совещание из: министра иностранных дел, начальника генерального штаба и помощника военного министра, — пришло к единогласному заключению о необходимости привести в исполнение высочайшее предуказание вашего величества, воспоследовавшее в 11 день декабря месяца, по всеподданнейшему докладу военного министра, о задержании еще на некоторое время, после 1 января 1913 г., в рядах армии, во всех военных округах Европейской России, нижних чинов срока призыва 1910 года, подлежащих по закону увольнению в запас 31 декабря 1912 г.

На точном основании ст. 22 устава о воинской повинности, мера эта может быть произведена с высочайшего вашего императорского величества соизволения и не требует ни издания особого указа

Правительствующему Сенату, ни опубликования во всеобщее сведение.

А так как соизволение вашего величества уже последовало 11 декабря и было лишь задержано выполнением по высочайшему вашему указанию, то все распоряжения военного ведомства имеют быть сделаны сегодня и завтра, без испрошения нового высочайшего вашего императорского величества повеления.

Председатель Совета Министров
статс-секретарь *В. Коковцов.*

23 декабря 1912 г.

Солдатское письмо о «9 января» [1]).

Гл. Штабъ.

Нельзя ли розыскать этого негодяя.
Сахаров. 7/VI.

Его высоко-превосходительству.
господину воѣнному министру.

Заявленіе.

Симъ заявляю Вашему Высокопревосходительству.

Запасный фельдфебель 12-го Сибирскаго стрѣлковаго Полка 4-й роты Ивановъ. Я вернулся съ дальнаго Востока съ потерей ноги. Подъ Мукденомъ и должонъ Вамъ заявить 1-е о трусости нашихъ офицеровъ. 2-е О сдачи 50000 челов. въ Пленъ теперь въ слѣдущимъ бою солдаты решили сдаватся безъ боя. въ плѣнъ. Причина этаго состоитъ въ томъ мщенье за 9-й январь. Что стрѣляли свой народъ въ Петербургѣ. Заэто тамъ стрѣляли своихъ офицеровъ. Помнитѣ генералъ солдаты этимъ возмущены, т.-е. растрѣломъ своихъ братьевъ. вся дѣйствующія армія Поклялась мстить своимъ бюрократамъ и Правительству. за это оскорбленіе. Вы забыли закаго мы проливаемъ кровь. затехъ кто насъ давитъ и жметъ. и Грабитъ наше отечество. Вамъ мало нашей крови надальнымъ Востокѣ, то понадобилась Еще тутъ наша вамъ кровь.

Это Ваша дворянская безумiе къ хорошему неведетъ, я увверенъ и эскадра рождественскаго Погибла Тоже мщеніе за 9-е января. Вы скорей торопитесь опомница Всѣй бюрократіи грозитъ гибель. я слышу типерь, на родинѣ отъ чиновъ запаса что онѣ готовятся устроить это прямо бедой Пахнетъ и рекрута нонишные однаго духа будутъ. Вы первое лицо къ Государю Императору. То поторопитесь доложить немедленно что въ Войскахъ идетъ Тоже смута и въ народѣ. дотехъ поръ небудетъ нашей Побѣды. Пока Нераскается Наше правительство Предъ народомъ въ своемъ безумiи дотехъ поръ не будетъ нашей победы пока неулидотворитѣ Требованія народа по Петіціи свящ. о. Гапона мы читали эти питіціи надальнымъ востоки нам было прислано по 20 шт. на роту. Всѣ солдаты поклялись до техъ поръ не одерживать Побѣды пока не будетъ дана народу Полная Политическая свобода. Вы Ваше Высокопревосходительство поторопитесь это устроить. т.-е. Доложить Государю Императору. и объявитѣ Свободу Людямъ всѣй Россіи и война клянусь будетъ закончена въ $2^1/_2$ месяца. безовсякихъ налоговъ денегъ народъ дастъ какъ Минину и Пожарскому. А если небудетъ это сдѣлано То Позоръ и Гибель бюрократии. и война Будетъ проиграна Японцамъ.

Съ полной уверенностью къ Вашему Высокопревосходительству, докладываю И надѣюсь что вы постараитесь Выполнить Требованія Войскъ и Всѣго русскаго Народа.

Д. Ивановъ.

Прошу опубликовать это письмо въ газетахъ.

4 Июня 1905 г.

[1]) Моск. Центр. Военно-Истор. Архив. Дело Гл. Штаба, 16 отд., № 55/1, 1905 г. «О революционной пропаганде в войсках», лл. 118—120. Письмо воспроизводится здесь с точным соблюдением всех особенностей подлинника.

Из истории иностранного капитала в России [1]).

Внутреннее состояние России, как и внешнее ее положение к 1907 году отнюдь не были блестящими.

Тяжелая обстановка, осложненная неурожаем 1906 г., сопровождалась большими финансовыми затруднениями. «Что касается доходов, — читаем в письме министра финансов В. Н. Коковцова директору Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлину, от 14 (27) ноября 1906 года, — то в этом отношении мы находимся в крайне неблагоприятных условиях. Нам приходится довольствоваться существующими ныне доходами, и мы не можем рассчитывать на новые источники доходов и в будущем году» [2]). Дефицит по бюджету 1906 года был неизбежен, а относительно 1907 г. в том же письме Коковцов говорит: «Я принимаю все зависящие от меня меры, чтобы составить обыкновенный бюджет на 1907 г. без дефицита, — надеюсь, что это мне удастся... Говоря о трудностях составления бездефицитного обыкновенного бюджета, я разумел дело не столь простое, каким оно могло показаться».

Внешние займы 1905 и 1906 гг., исчерпав в значительной мере заграничный кредит России, не давали, однако, никакой уверенности в том, что они покроют все потребности и позволят не обращаться к иностранным денежным рынкам в ближайшее время. Вот почему, несмотря на дорого оплаченное одолжение европейской бирже [3]), приходилось все же итти навстречу всякого рода проектам иностранного капитала, даже тогда, когда выгода таких предложений была более чем сомнительна [1]). Примером такой предупредительности по адресу иностранного капитала и его агрессивности, доходившей до использования дипломатического аппарата, свидетельствует история забастовки на одном из заводов Екатеринославской губернии, принадлежавшем французским акционерам.

19 января 1907 года, во время утренней смены, в поселке Дружковка (Бахмутского у.), рабочие побросали работу. Попытка вызвать для переговоров директора Реймона не увенчалась успехом. Ближайшим поводом для забастовки явилось требование обратного приема только что уволенных 21 чел. рабочих, о чем администрация не хотела и слышать и в свою очередь ответила предложением стать на работу, пригрозив окончательным расчетом, а в случае продолжения забастовки до 27-го, — и закрытием завода на неопределенное время. Как выяснилось в дальнейшем, забастовка была в известной мере наруку администрации: завод не был обеспечен заказами, и в ближайшие планы все равно входил расчет 200—400 чел. из общего числа 2 700 рабочих; вместе с тем для администрации открывался удобный случай для удаления наиболее беспокойного элемента. Так объясняли обстановку и начальник екатеринославского губернского жандармского управления и сам губернатор [2]).

Угрозы администрации не произвели большого впечатления. 20-го числа утром на работу вышло лишь несколько человек. Администрации оставалось толь-

---

[1]) Материал для настоящего сообщения, равно как и печатаемое ниже донесение екатеринославского губернатора, извлечены из дела деп. пол. по IV делопроизводству, 1907 г., № 18, ч. 2. «По Екатеринославской губернии. Рабочее движение на фабриках и заводах».

[2]) Сборник Центрархива, составленный Б. А. Романовым: «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.». Изд. «Московский Рабочий», М. — Л. 1926 г., стр. 366—369.

[3]) См. материалы об условиях выпуска внешних займов в 1904—1909 гг. в названном сборнике Центрархива, стр. 375 и следующие.

[1]) Интересная в этом отношении переписка В. Н. Коковцова с Вернейлем приведена в том же сборнике; см. стр. 371—374.

[2]) Донесения от 30 января и 22 февраля 1907 г. за № 789 и 3656. Дело департамента полиции, IV делопроизводство, 1907 г., № 18, ч. 2, входящий 1309 и 2708.

ко показать, что ее угрозы не были пустым звуком: на воротах завода появилось объявление, приглашавшее явиться за получением расчета. В то же время местный начальник войсковых частей в Бахмутском уезде сделал попытку подойти к рабочим с другой стороны и, чтобы дать возможность столковаться колеблющимся элементам, предложил собраться для обсуждения положения вещей к церкви поселка.

Оба приглашения остались без ответа, и 27 января завод был закрыт на неопределенное время. Тревожное настроение заставило подумать об усилении охраны завода, и в поселок, кроме квартировавшей там роты 56 пехотного Житомирского полка, были вызваны рота 135 пехотного Керчь-Еникальского полка, половина эскадрона драгун и 40 человек конных стражников. Одновременно жандармское начальство арестовало наиболее видных рабочих из числа бастовавших.

Особенности положения Дружковского завода, находившегося в руках французских акционеров, осложнили обычный ход русской забастовки. 8 февраля министру иностранных дел была доставлена французским послом Бомпаром нота такого содержания [1]): «Господин министр! Я только что получил телеграмму от г. Реймона, французского инженера, директора завода в Дружковке, который доводит до моего сведения следующие факты: завод только что был закрыт в течение трех недель вследствие забастовки, вызванной небольшим числом зачинщиков, и теперь рабочие упрашивают дирекцию пустить опять в ход работы на заводе. Но дирекция колеблется принять это решение, так как рассчитанные рабочие могли бы угрожать безопасности своих товарищей и вызвать новую забастовку. Г. Реймон просит меня ходатайствовать о том, чтобы юзовскому генерал-губернатору были посланы особые инструкции о том, чтобы рассчитанные рабочие были удалены из Дружковки и не могли бы, таким образом, помешать открытию завода. Г. Реймон обращает мое внимание на то, что без этого вмешательства высших местных властей три тысячи рабочих могут еще долго остаться без средств к существованию. Буду благодарен вашему превосходительству, если вы, передав как можно скорее это сообщение г. председателю Совета Министров, министру внутренних дел, попросите его принять благосклонно просьбу моего соотечественника». В интересах срочности французский посол не ограничился нотою министру иностранных дел, и в тот же день обратился officieusement к председателю Совета Министров, П. А. Столыпину.

Местные власти получили немедленно предписание дать разъяснение министерству и «сделать, что можно», но оказались далеко не настолько преисполненными готовности, как можно было бы ожидать. Их сдерживала общая напряженность настроения, с одной стороны, а с другой — и непомерная, на их взгляд, требовательность акционеров завода. Угроза выселения пришлых рабочих, в большинстве семейных, сама по себе обостряла положение. Местные власти медлили, не желая навязать себе на шею возможные открытые и крупные беспорядки. События между тем развернулись ускоренным темпом.

10 февраля, когда директор завода Реймон, около 7 часов вечера, возвращался в экипаже из конторы домой, на него было произведено покушение; одним из выстрелов Реймон был ранен в голову и от этой раны 15 февраля умер. Покушение, естественно, произвело большой переполох в Петербурге. 11 числа департамент полиции посылает две телеграммы; из них в одной департамент запрашивает генерал-губернатора Богачевского о состоянии здоровья Реймона и предлагает вместе с

---

[1]) Там же, входящий 1739. Нота цитируется по переводу департамента полиции, так как французского текста в деле не имеется. Отметим, что во всех переводах фамилия директора передана почему-то «Рено», в то время как французское написание фамилии «Reymond» (см., напр., входящий 1521) не оставляет сомнений в произношении. Реймон — зять Лешина, префекта парижской полиции (входящий 1521).

тем принять «самые энергичные меры к предупреждению дальнейших посягательств на чинов администрации, с просьбой телеграфировать о сделанных распоряжениях. Другая, адресованная состоящему при генерал-губернаторе жандармскому полковнику Козинцеву, предлагает последнему, вместе с начальником охранного отделения, лично руководить розыском по делу о покушении и принять «самые энергичные меры к изъятию угрожающих безопасности элементов». «При отсутствии поддержки высшего начальства, — добавляет далее депеша, — телеграфируйте, равно как о принятых мерах, для сообщения французскому правительству».

Бомпар, действительно, уже 11-го обратился к П. А. Столыпину с просьбой «предложить юзовскому генерал-губернатору принять все меры к предупреждению новых несчастий» [1]). Не довольствуясь этой общей формулой, Бомпар на следующий день в новом письме уже детализирует свои домогательства: «французский консул в Харькове, находящийся в настоящее время в Дружковке, телеграфирует мне, что вслед за покушением на жизнь г. Реймона, директора заводов, произносятся угрозы по отношению к рабочим-французам, расположенным приняться за работу. Дирекция вообще подвергается нападкам со стороны революционеров. Позволяю себе снова настаивать перед вашим превосходительством, чтобы юзовскому генерал-губернатору было специально рекомендовано принять меры к ограждению свободного производства работ на заводе и безопасности моих соотечественников. Буду очень благодарен за сообщение мне, что вы изволите сделать в этом направлении» [2])... Письмо П. А. Столыпину опять подкрепляется официальной нотой министру иностранных дел [3]).

Не было никакого сомнения в том, что местная полиция, даже без особенных побуждений из центра, действительно постарается разыскать виновника покушения на Реймона. Но дело осложнялось, как указано выше, вопросом о выселении рассчитанных рабочих. 13-го февраля Богаевский телеграфировал П. А. Столыпину: «немедленную, как хотел завод, высылку из Дружковки ста тридцати восьми рабочих со ста семьюдесятью тремя детьми, причем двадцать одна семья живет в собственных домах, нельзя было допустить, не вызвав острых массовых осложнений, потребовав, чтобы завод обставил выезд рассчитанных рабочих так, чтобы могли добровольно уехать; это принято седьмого февраля, и последним сроком выезда назначено двенадцатое. Выехало семьдесят восемь, высылаются властями за доказанную вредную деятельность четырнадцать. Только твердости, такту находившихся на месте военных и гражданских властей обязаны сохранением порядка. Реймон охранялся все время, в день происшествия сам категорически отказался от охраны. Охрана администрации завода будет продолжаться. Губернатору предложено усилить заводскую полицию командированием, если надо, из других уездов» [1])...

К 19 февраля Дружковскую забастовку можно было считать оконченной: уволенные рабочие были выселены, а принятые стали на работу на новых условиях. Страх французских хозяев завода перед возможностью новых осложнений, однако, не прошел. К концу февраля завод представлял собою укрепленный лагерь. «В Дружковку стянута половина полицейской стражи уезда, сорок конных, двадцать пять пеших стражников, установлен военный караул в семьдесят пять человек и разъезды, до полуэскадрона ежедневно, — читаем в телеграмме того же Богаевского от 25 февраля. — Такую охрану допустил только на короткий срок и на-днях сниму, ибо войска не имеют двух очередей, а уезд остался почти без стражи. Донецкое Общество должно скорее озаботиться усилением за свой счет заводской полиции, которой содержит всего пят-

[1]) Там же, входящий 1737.
[2]) Там же, входящий 1738.
[3]) Там же, входящий 1740.

[1]) Там же, входящий 1793-б.

надцать городовых. Если, в виду ходатайства посла, желательно установленную охрану оставить долее, необходимо немедленно командировать в генерал-губернаторство еще две роты и эскадрон и переместить в Дружковку из уездов губернии, где снято военное положение, тридцать конных, двадцать пеших стражников, о чем прошу распоряжения, так как уезды эти мне не подчинены» [1]). Настояния французского посла были так убедительны для П. А. Столыпина, что, несмотря на внушительность собранных сил, департамент полиции 5-го марта рассылает соответствующую телеграмму о командировании нужных войск и стражников.

Для опасений владельцев завода были, впрочем, серьезные основания, источник которых скрывался в тяжелом положении рабочих. Приведенное ниже донесение екатеринославского губернатора Клингенберга рассказывает, как ухудшалось это положение в тех случаях, когда хозяевами заводов являлись не только французские, но вообще иностранные предприниматели. Положение автора не позволяет заподозрить его в большом сочувствии к рабочему движению. В своих наблюдениях о «самых алчных инстинктах» иностранных хозяев Клингенберг был не одинок, т. к. не ему одному только пришлось почувствовать, насколько трудно согласовать требования таких «инстинктов» даже с обычной широкой предупредительностью по адресу хозяев, обязательной для представителей администрации. Генерал-губернатор Богаевский в своем обзоре, представленном департаменту полиции в апреле месяце 1907 года, так рисует положение дел в Донецком бассейне: «быт рабочих во многих случаях заставляет желать много лучшего; главным образом, это относится к предприятиям, во главе которых стоят иностранные капиталисты и компании, которые видят в рабочем прежде всего рабочую силу и, имея поддержку в лице своих консулов, зачастую допускают отступления от установленных правил для взаимных отношений с рабочими, очень мало заботятся об улучшении их быта, полагая, что и местная администрация обязана прежде всего защищать их интересы. К сожалению, под впечатлением установившихся отношений между представителями предприятий и чинами администрации, такое убеждение составилось и у рабочих. И лишь установленное мною спокойное и нелицеприятное отношение к рабочему вопросу вообще, повидимому, значительно рассеяло это убеждение. Правда, такое отношение вызвало было протест со стороны заводской администрации, выразившийся увольнением рабочих, обратившихся ко мне с жалобами; пришлось с самого начала круто оборвать — и положение изменилось» [1])...

Затруднения донецких администраторов были тем более велики, что пример вмешательства французского посольства нашел себе немедленное подражание. Министр иностранных дел 28 апреля сообщил П. А. Столыпину, что «бельгийский поверенный в делах, по поручению своего правительства, обратил внимание министерства иностранных дел на безвыходное положение, в коем находятся администрации бельгийских фабрик, расположенных в Донецком бассейне, вследствие тех серьезных беспорядков, которые имели место за последнее время в названном районе. Директора упомянутых фабрик, в числе восьми человек, окончательно убедившись в невозможности работать при указанных условиях, обратились в правления фабрик с предложением прекратить работы, если только их жизнь и имущество не будут надлежащим образом защищены от произвола местного возбужденного населения. Вместе с тем г. де-Грелль-Рожье присовокупил, что правления бельгийских фабрик в названном районе лишены возможности подыскать подходящих людей, которые бы согла-

[1]) Там же, входящий 2387.

[1]) Цитируется по выдержке, приведенной в делопроизводственной справке от 8 мая 1907 г. Там же.

сились при настоящих условиях стать во главе предприятий. Ввиду изложенного и принимая во внимание, что закрытие крупных бельгийских фабрик в Донецком бассейне привело бы к нежелательным для нас в экономическом отношении результатам, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать во всестороннем рассмотрении настоящего ходатайства бельгийского поверенного в делах, и о тех мерах, какие вы, милостивый государь, найдете необходимым предпринять, благоволить меня уведомить для поставления о сем в известность г. де-Грелль-Рожье»[1])...

Богаевский и Клингенберг достаточно хорошо информировали департамент полиции, чтобы оставалось какое-нибудь сомнение в характере местных отношений между рабочими и их иностранными хозяевами. Интересы последних, подкрепленные доводами дипломатического вмешательства, перетянули тем не менее чашку весов на свою сторону, и центральная власть, закрывая глаза на действительное положение вещей, безоговорочно и настойчиво заставляла местных агентов использовать весь аппарат власти для защиты «самых алчных инстинктов» иностранного капитала.

Донесение екатеринославского губернатора департаменту полиции, от 29 июля 1907 г. о положении дел на местных заводах и фабриках.

Секретно.

На № 73414, от 14 июля, уведомляю департамент полиции, что, получив телеграмму от 1 мая, я поручил уполномоченному по чрезвычайной охране в Мариупольском, Бахмутском и Славяносербском уездах камергеру Крейтону представить мне, какие, по его мнению, следует принять меры к предотвращению рабочих беспорядков, а равно, объехав наиболее крупные торгово-промышленные центры, доложить мне о настроении рабочих масс. Докладную записку камергера Крейтона, от 17 мая с. г. за № 1 [1]), при сем препровождаю в департамент для сведения и присовокупляю, что об ускорении процедуры выселения из заводских квартир рассчитанных рабочих мною вновь сообщено земским начальникам и чинам полиции к неуклонному исполнению, что удалять таких рабочих за пределы горнозаводского района я считаю себя в праве лишь в том случае, если о них у полиции будут иметься хотя какие-либо неодобрительные сведения, и что выдачу даровых или льготных билетов я могу производить лишь в исключительных случаях, предоставляя администрациям предприятий в собственных же интересах приходить на помощь рассчитываемым не по случаю дурного поведения, а по другим причинам, рабочим выдачей пособий на проезд на родину.

Достаточно сильный гарнизон, расположенный в Екатеринославской губернии, вместе с авангардом этой воинской силы, в виде конной и пешей полицейской стражи, дает мне право утверждать, что всякие крупные беспорядки я имею возможность подавить в самом их зародыше. Целый ряд политических забастовок, пагубно отразившихся на благосостоянии рабочего населения, заставил последнее относиться скептически и к массовым забастовкам экономического характера, которых, таким образом, я не предвижу; но вместе с тем я признаю, что в некоторых местах масса рабочих находится еще в руках небольших сравнительно революционных организаций, сильных, главным образом, сочувствием к ним многих нравственно распущенных рабочих, видящих в осуществлении программ крайних левых партий средство для оправдания своей разнузданности. Главным образом на почве так называемого хулиганства пользуются некоторым успехом у рабочих идеи анархизма, и при этом самого беспрограммного, в

[1]) Там же, входящий 5818.

[1]) Содержание записки Крейтона в общих чертах вошло в настоящее донесение.

виде выступления анархистов-индивидуалистов, или тех же разбойников, которыми и ранее так изобиловала Екатеринославская губерния с ее многочисленным пришлым и кочующим рабочим населением, всегда выделявшим из своей среды много преступных элементов. Рассеять чисто революционные организации нелегко, ввиду отсутствия внутренней, хорошо поставленной охранной агентуры, которая заменяется случайной полицейской, признаваемой мною удовлетворительной лишь в м. Юзовке, благодаря талантливости местного пристава Экка. Даже для производства дознаний в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. не имеется, несмотря на мои ходатайства, особого жандармского офицера в Бахмутском уезде, которым заведывает до сих пор ротмистр Каминский, проживающий в Луганске и настолько заваленный работой, что, несмотря на свою недюжинную трудоспособность, он едва справляется по одному Славяносербскому уезду. Между тем расстояние между Бахмутом и Луганском почти то же, что между Бахмутом и Екатеринославом. Очень серьезным препятствием к успешности действий общей полиции в деле борьбы с революционными организациями и выделяемыми последними отрядами боевиков и экспроприаторов является отсутствие у полиции тех средств, которыми располагают ее противники; против маузеров и браунингов она может выставить устаревшие смиты-и-вессоны и однозарядные берданки; в то время как революционеры обмениваются между собой срочными условными телеграммами, чины полиции, выслеживая анархистов, пропагандистов, агитаторов и т. п., или принуждены платить из своих скудных личных средств за телеграммы, или же сноситься по почте; в то время как враги порядка разъезжают, не стесняясь, на курьерских поездах, полицейские чины следят за ними, или опять-таки из собственных средств платя за билеты, или же гоняются за ними на почтовых лошадях. Конечно, в исключительных случаях, я могу поставить в вину тому или иному полицейскому чину его скупость в расходовании собственных денег на экстренные поездки по делам службы, но требовать от них постоянного самопожертвования я не считаю себя в праве, а между тем иностранцы изумляются такому контрасту в средствах, имеющихся в распоряжении у революционеров и чинов полиции, приписывая бедность последних их инертности и апатии. Лично я убежден, что пока в распоряжении полиции не будут находиться даровой казенный телеграф и даровые казенные железные дороги, об исчерпании всех средств борьбы с революцией не может быть и речи, какие бы военные положения в губернии ни вводить; злоупотребления же, несомненно, могущие возникнуть на этой почве, следовало бы пресекать особым контролем, да, наконец, не надо забывать, что злоупотребления эти все же будут носить единичный характер и с лихвой покроются той выгодой, которая получится от возможности чинам полиции передвигаться и сноситься между собою не медленнее революционеров.

Но, как я уже упомянул, революционные организации захватывают сравнительно небольшой процент рабочих, и многие террористические действия, так пугающие иностранцев, происходят просто на почве нравственной разнузданности рабочих, а иногда под влиянием своеобразного молодечества. Контингент таких рабочих — не скрою — велик, и он примыкает к сознательным «товарищам», будучи способен, без энергичного противодействия, создать внушительную армию врагов порядка. Отсутствие мало-мальски сносных помещений и развлечений, притягательная сила водки, свойство и тяжесть физического труда, вызывающие потребность хоть временно отрешиться путем кутежа от окружающей непривлекательной обстановки, оторванность многих рабочих от родины и семьи, получение сравнительно большого заработка, без уменья сберечь его, частые случаи действительно бессердечной эксплоатации рабочих их хозяевами, временная без-

работица — вот те причины, которые вызывают развитие хулиганства в рабочей массе. Бороться с ним можно и должно, конечно, и полицейскими мерами, путем применения прав, предоставленных администрации чрезвычайной и усиленной охраной. Из подобных мер самыми действительными считаю я предание виновных военному суду, наложение административного взыскания за нарушение обязательных постановлений и изъятие, ради быстроты репрессии, целого ряда проступков из ведения судебных мест. Но при наличности тех причин, которые создают само хулиганство, все указанные меры не могут гарантировать мирного населения и, в частности, иностранных подданных от террористических актов и от разбойничества. Единственным средством, которому, я убежден, аплодировали бы все иностранцы и даже русские капиталисты, было бы единовременное массовое в несколько тысяч человек выселение всех безработных и всех внушающих какое бы то ни было подозрение в благонадежности лиц за пределы губернии, без производства расследования, по одному лишь указанию кого-нибудь из фабрикантов, мастеров или низших даже чинов полиции; но предоставляю судить другим, насколько эта мера удобоисполнима и целесообразна.

Таким образом я полагаю, что возмущаться развитием хулиганства без принятия мер к устранению органических причин, его вызвавших к жизни, — это значит не знать местных условий. Говоря об этом печальном явлении, не могу не коснуться вопроса о том, как реагируют на него, в частности, представители капитала: многие из них, и в том числе иностранцы, в начале освободительного движения не могли себе представить, в какие уродливые формы оно впоследствии выльется, и поэтому сочувствовали проявлению в рабочих «протеста против прежнего политического режима», полагая, что даже в области экономической это движение ничего кроме пользы не принесет; социал-демократическая программа их не отталкивала, так как в западно-европейских странах выработался на практике известный modus vivendi, при котором капиталисты могут жить и получать доходы, имея среди рабочих много настоящих социал-демократов. Такого мнения были сначала многие капиталисты, русские и иностранные, в Екатеринославской губернии, а их директоры, инженеры, техники, разные конторщики, штейгеры и прочие их наймиты, конечно, пошли значительно дальше, и все они, вместе взятые смотрели на рабочую массу как на армию для достижения смутно понимаемой ими самими политической цели. Не только не принимались меры к удержанию рабочих от политической игры, но таковая, при благосклонном содействии заводчиков, а, главное, их служащих, вменялась рабочим чуть ли не в обязанность; достаточно было заявить «сознательным товарищам» администрации того или другого предприятия, что они требуют удаления из своей среды консервативных элементов, как «черносотенцы» изгонялись с заводов и фабрик.

Это не было единичным явлением, и вскоре рабочие прекрасно поняли, какой политической партии им следует держаться, дабы сохранить кусок хлеба. Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистов, из которых иностранцы первые поняли, к чему может вести дальнейшее поощрение рабочих в этом направлении, поняли они также, что с русскими социал-демократами рабочими они ни в какое соглашение войти не будут в состоянии; постепенно и многие инженеры под дулом браунинга сильно поправели, но было уже поздно: в рабочем, при той обстановке, в которой ему приходилось жить, проснулся зверь, которого поймать в клетку те же капиталисты стали призывать полицию, требуя принятия против него самых суровых репрессивных мер. Утверждаю, что без потворства рабочим к нарушению государственных законов или без того апатичного отношения, которое проявляли фабриканты, за-

водчики и их служащие к этому политическому движению, — среди рабочих не развилась бы так скоро и в таких больших размерах замечаемая ныне в них беспринципность. В настоящее время большинство капиталистов совершенно иначе относится к участию своих рабочих в политической борьбе, неразрывно связанной с крахом экономическим. Многие из таких капиталистов и почти все иностранцы в душе стали сами черносотенцами, но гражданского мужества удалить из своих владений все революционные, им самим хорошо известные, элементы, — они не проявляют; далеко не всегда даже оказывают нужное содействие полиции и ждут, чтобы последняя сама их от таких элементов избавила. Среди инженеров, конторщиков, штейгеров, управляющих есть еще много кадетов, но все же и в них совершился перелом, и их внешнее сочувствие левым партиям прямо объясняется или их близорукостью или трусостью. Так, еще недавно представители рудников в Верхнеднепровском уезде, большинство которых находится в руках иностранных компаний, заявили мне, что они просят организованную ими на свой счет частную конную полицейскую стражу отнюдь не вызывать для прекращения беспорядков общего характера, так как эта стража, по их мнению, существует только для охраны их личности и имущества и так как, будучи вызываема по другим поводам, она возбудит против себя, а следовательно, и лиц, создавших ее, озлобление среди рабочих. Администрация бельгийского стекольного завода в Сантуриновке Бахмутского уезда, перед выборами во вторую Думу, принимала все меры к тому, чтобы выборщиком от рабочих прошел известный впоследствии депутат социал-демократ Белоусов, для чего выдали ему удостоверение в том, что он состоит на заводе рабочим, тогда как на самом деле этого не было, и он там играл роль какого-то посредника между рабочими и заводоуправлением. В железнодорожных екатеринославских и нижнеднепровских мастерских расценка рабочего труда так высока, что, будь они не казенными, а частными предприятиями, закрытие их было бы неминуемо; между тем ни один мастер не смеет из боязни мести заикнуться о понижении искусственно поднятой заработной платы. Кое-где замечается еще заигрывание капиталистов с профессиональными союзами, в большинстве случаев являющимися рассадниками социал-демократических учений, но все эти факты общего характера не имеют, и в большинстве случаев не только капиталисты, но и их инженеры в душе бы были рады навсегда избавиться от сознательных товарищей и их хулиганствующих приспешников, экономические требования которых не знают границ.

Последнее время среди рабочих замечается некоторое стремление избавиться от гнета со стороны таких «товарищей», облагающих их всякого рода поборами в пользу своих социал-демократических организаций, требующих слепого повиновения их приказаниям и безбожно эксплоатирующих невежество темной рабочей массы; особенно характерно среди рабочих всеобщее ослабление интереса к профессиональным союзам, но в большинстве случаев дело до общего протеста не доходит из боязни подвергнуться мести и расправе со стороны революционеров и разных хулиганов. Все же и теперь на любом заводе имеется солидная по числу группа рабочих, которые прямо ненавидят своих крайних левых товарищей; но эти благоразумные элементы не организованы и поэтому слабы, они как бы ждут энергичных, храбрых вожаков, около которых можно было бы им объединиться; но таких лиц еще очень мало. Тем не менее уже в настоящее время я укажу на железнодорожные севастопольские мастерские в Александровске, на железнодорожное депо в Луганске и на Днепровский завод в с. Каменском, где уже образовались солидные группы благоразумных рабочих, людей сильных и бодрых, не боящихся столкновения с революционерами и их террора. Объединение это происходит

под знаменем союза русских рабочих (киевского типа), принявших политическую программу крайних правых партий; впрочем, утверждаю, что политическая эта окраска вызвана лишь отсутствием других более умеренных организаций и историческими ныне переживаемыми Россией событиями, на самом же деле подобные союзы почти исключительно вызваны отчаянной борьбой за существование и за самостоятельность, которую приходится вести людям честным и порядочным, отражая нападения разрушителей государственного и общественного порядка. Быть может «желтые» беспартийные синдикаты, появившиеся во Франции, сослужили бы ту же службу и в России, но, очевидно, еще не время им теперь создаваться, и умеренность, повидимому, нельзя противопоставить злобности крайних левых. Я полагаю, что рабочая неурядица может исчезнуть лишь путем повсеместного образования союзов благоразумных рабочих, но вместе с тем нахожу, что создавать их не дело правительства, которое может оказывать им лишь некоторое покровительство, дабы своей опекой не разрушить в зародыше столь ценные в рабочем классе проблески правомерной самодеятельности. Не дело это и капиталистов; но последние в собственных своих интересах обязаны не противодействовать таким организациям, как это было кое-где еще год тому назад. Из разговоров моих с некоторыми представителями заводов и фабрик видно, что в настоящее время они охотно готовы были бы даже поддержать подобные союзы, но прямо боятся отчасти мести революционеров, а главное, издевательств со стороны левой печати, в программу которой входит отчаянная борьба с консервативным рабочим движением; все же я знаю, что некоторые фабриканты негласно внесли кое-какие суммы для содействия недавно образовавшемуся в Екатеринославе союзу русских рабочих Брянского завода.

Подобная помощь была бы оказана еще щедрее, если бы среди инженеров, техников и директоров не было бы сравнительно большого польского и даже еврейского элемента, — понятно, без особых симпатий относящегося к политической программе союза русских рабочих.

Обращаясь к главной теме вопроса, так широко мною поставленного, — ибо я не могу понять, каким образом можно обеспечить жизнь иностранных капиталистов и охранить их имущество без обсуждения вообще тех причин, которые вызвали смуту среди рабочего класса, — должен сообщить департаменту, что, в частности, иные требования представителей французских, английских и бельгийских капиталов прямо чрезмерны и еще в прошлом году имели несколько оскорбительный для достоинства России характер; эти лица прямо говорили: «мы вам дали наши капиталы, мы вас облагодетельствовали и вместо благодарности мы разоряемся из-за вашей внутренней смуты». Сильная правительственная власть, ныне ими констатируемая, отчасти успокоила их, но, тем не менее, под тем же флагом они подчас предъявляют ко мне чисто эгоистические требования, которых удовлетворить я не могу без существенного нарушения закона. Подчас эти требования диаметрально противоположны, как я отметил это в моем сообщении департаменту полиции 3 июля сего года, за № 11656, по вопросу об образовании профессиональных союзов в Юзовке и Мариуполе, и очень часто подобные просьбы скрывают, да будет позволено мне так выразиться, самые алчные инстинкты людей, которым совершенно безразлично, что будет с Россией; между тем ни один бельгийский или французский рабочий и дня не прожил бы в тех бараках или землянках, которые иностранные предприниматели настроили для русских рабочих, причем совершенно основательные протесты последних, выраженные в самой умеренной форме, дают повод иностранным их хозяевам кричать о бунте, о необходимости суровых репрессий и т. д.

По поводу желания, выраженного бельгийским послом, об особой охране, кроме Бахмутского, Мариупольского и Славяносербского уездов, заводов, расположенных в других местностях Екатеринославской губернии, а именно в Брянске, Нижнеднепровске и окрестностях самого Екатеринослава, — позволяю себе заметить, что Брянск лежит за пределами Екатеринославской губернии и что, очевидно, дело идет не о Екатеринославском Брянском заводе, в существовании которого заинтересованы лишь французские капиталисты. Я не понимаю, о каких беспорядках в Нижнеднепровске или в окрестностях г. Екатеринослава говорит г. посол, так как работы там на заводах идут беспрерывно, и никто из бельгийских подданных ко мне с просьбой о защите своих прав и интересов не обращался. Могу лишь сказать, что и на этих предприятиях смута окончательно искоренится лишь тогда, когда революционным рабочим организациям будут противопоставлены контрреволюционные рабочие же организации, под каким бы девизом они ни создавались.

И. д. губернатора *Клингенберг*.

За правителя канцелярии [подпись].

Сообщил *Н. С.*

Синод в борьбе с революцией.

Летом 1902 года по Полтавской и Харьковской губерниям прокатилась волна крестьянских беспорядков.

Разумеется, для подавления этих беспорядков тотчас же были отправлены сильные карательные отряды, которые, подвергнув возмутившихся жесточайшим экзекуциям, возложили на них огромный налог на погашение убытков, понесенных землевладельцами.

В предупреждение повторений подобных явлений, царское правительство выработало целый ряд мероприятий, в составлении которых принимали участие все, без исключения, ведомства, а в том числе и синод.

В задачу последнего входило воздействие на народные массы при помощи религии и устрашения недовольных разными небесными карами.

Для выполнения этой задачи 2 августа 1902 года синод устроил секретное заседание, на котором было выработано следующее постановление:

«Святейший правительствующий синод имел суждение о мерах к предупреждению смут, производимых злоумышленниками в простом народе.

Приказали: принимая во внимание, что в некоторых местностях нашего отечества злонамеренные люди — противники законной власти — возмущают народ и нарушают мирное течение гражданской жизни, святейший синод признает необходимым поручить епархиальным преосвященным приглашать священников тех приходов, в коих, по сведениям, есть опасность возникновения смут, к принятию всех зависящих от них пастырских мер к предупреждению смут и разъяснять пастве, на основании слова божия, всю лживость уверений злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя поставленным, и к покушениям на чужое добро. Для сей цели преосвященные могут поручать священникам, известным своим благоразумием, произносить, в потребных случаях, с церковного амвона прилагаемое при сем слово. О таковом своем постановлении св. синод определяет: послать епархиальным преосвященным секретные печатные циркулярные указы с приложением копии с предполагаемого к произношению в приходах слова».

«Слово» это представляет собой столь типичный образец приспособления библии для политических целей самодержавия, что его следует привести целиком, тем более, что оно представляет собой в настоящее время библиографическую редкость и сохранилось едва ли не в единственном эк-

земпляре, приложенном к делу синодальной канцелярии (1902 г. № 634). Некоторые сведения о нем были в современной нелегальной печати («Освоб.» 1902, № 8, «Револ. Россия» 1902, № 14).

«Православные христиане!

В некоторых местах нашего отечества, в Полтавской и Харьковской губерниях, случилось несчастное и безумное дело, доныне неслыханное. Явились в селения крестьянские к простым людям злые обманщики, называя себя царскими посланцами, и стали уверять их, что правительство дозволяет им грабить и разорять чужие достатки у людей зажиточных. Поверили им [1]) простые люди и, никого не спрашивая, пустились разорять чужие усадьбы, забирать хлеб и всякое имущество. Довелось им плакаться на свою глупость. Вскоре явились законные власти, грабители потерпели тяжкое наказание, и те селения, которые, поверив возмутителям, пустились на грабеж, обложены тяжким оброком, на возмещение законным владельцам всего, что у них было пограблено.

Берегитесь, православные люди, слушать бродячих обманщиков, если б явились к вам такие и стали склонять вас к неповиновению властям, от царя поставленным, и ко всякому покушению на чужое добро. Если б не было у нас закона и не было бы властей, поставленных наблюдать закон, все мы погибли бы, и каждый творил бы свою беззаконную волю, и все, кто может, друг друга обижали бы и насиловали. В том и есть первый закон, чтобы каждый был при своем и не касался бы чужого достояния. Без этого закона не было бы житья на земле, и все люди были бы как звери. Это закон божеский, закон заповедей, данных человеку самим богом. Что говорит закон божий? Не укради. Это значит: не бери, что принадлежит не тебе, а другому человеку; каждый сам должен трудиться, чтобы не только иметь нужное для пропитания себя и своей семьи, но чтобы было из чего уделять и нуждающемуся. А другая заповедь божия требует еще больше: не пожелай чужого, и прямо указывает, чего именно не должно желать у ближнего: «не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни вола его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего». Видите, что воспрещает сам господь бог, творец и вседержитель мира, и как воспрещает. Господь [1]) воспрещает желать и дома ближнего своего и села его — это его усадьба; и рабов его — это его слуги и домочадцы; и ослов его и волов его и всякого скота у него и, наконец, что только есть у ближнего. Это тоже закон. Не только не бери чужого добра хищными руками, даже не желай взять его, не думай об этом. У него больше, чем у тебя. Что же! Это его добро, ему дар божий. Он приобрел его своим трудом и умением. Он сохранил его своим воздержанием и бережливостью. Оно перешло к нему как законное наследство от родителей и предков. Эти пути и от тебя не закрыты: трудись, работай, сберегай на случай нужды, молись, проси помощи божией; но будь доволен своим жеребием, гони от твоего сердца всякую завистливую и злую мысль. Зависть — это горькое чувство: если ты не остережешься, она не даст тебе покою и изведет твою душу [2]).

Заповеди сии, как воля верховного законодателя-бога, непреложны. Никакой человеческий ум, никакая воля, никакая сила не могут их отменить. «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона», сказал господь спаситель наш Иисус Хри-

[1]) В первонач. ред. слова, хранящейся в деле, здесь стояло еще слово «дуростью». Разрядка ниже — подлинника.

[1]) В первоначальной редакции — «господь бог».

[2]) В первоначальной редакции последней фразы не было.

стос» (Матф. 5, 18). Никакие извинения и оправдания не избавят хищников от праведного гнева божия и от суда и наказания от законной власти. Если б случилось, что какой-либо хищник избежал суда человеческого, его постигнет гнев божий и в сей и в будущей жизни. «Не обманывайтесь, — говорил апостол Павел, — ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царствия божия не наследуют» (1 Коринф. 6, 10).

Сосед твой богат, и ты хочешь отнять у него и то и другое; но на взгляд нищего, который подошел к твоему окошку просить милостыню, и ты не беден. У тебя дом, у того нет его. У тебя есть хоть одна корова, одна лошадь; у того нет их. Он, однако, просит у тебя милостыню и не ведет с твоего двора лошадь и корову. Проси и ты у более достаточного соседа помощи в твоем деле. Не дает? — его дело, он будет отвечать перед богом, равно как и ты волен дать или не дать бедному. Апостол Павел говорит: «каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит бог» (2 Коринф. 9, 7). Невольное, вынужденное даяние не имеет цены пред богом.

Но представь, что бедный вместо того, чтобы просить у тебя хлеба, сам опустил бы свою руку в твой закром и взял оттуда ржи или пшеницы или свел бы со двора твою лошадь или корову. Как бы тебе это было горько и обидно, каким бы гневом ты воспылал против него? Так не делай сего и сам в отношении к своему соседу.

Скажешь: «он не только не дает мне помощи, но еще обижает, теснит меня, он захватывает часть поля, мне принадлежащего». И здесь тебе нельзя действовать самовольно. Для разбора наших тяжебных дел есть суды, законное правительство. Апостол Павел пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены. Посему противящийся власти противится божию установлению; и противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Римл. 13, 1—2). Самовольная расправа не только тяжкое гражданское преступление, строго наказуемое законами, но и дело — богу противное, навлекающее на виновных суд и [1]) гнев божий, как видите из слов святого апостола. Апостол Петр учит повиноваться властям, богом установленным: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для господа: царю ли как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 посл. 2, 13—15). Царь — верховная власть, помазанник божий, отец народа. Он о всех заботится, всем желает добра. Но он один, а нас много; посему для управления нами он назначает и посылает правителей — разного рода начальников, которые действуют от его высочайшего имени и его властию, насколько дана им сия власть в той или другой их должности. Этих правителей и начальников вы знаете. К ним и обращайтесь со своими нуждами, просьбами и жалобами. И каждое царское повеление объявляется народу известным, определенным по закону, образом [2]). Знайте, что злые и лукавые люди, противники законной власти, хотят ныне смущать, обольщать [3]) народ, чтобы произвесть в нем смуту и вести его на гибель. Не мы, грешные,

---

[1]) В первоначальной редакции слов «суд и» не имеется.

[2]) В первоначальной редакции этой фразы («и каждое царское повеление» и т. д.) нет.

[3]) В первоначальной редакции «темный народ».

говорим, а сам апостол Христов Павел говорит христианам: «Живите в любви, как и Христос возлюбил вас, и никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев божий на сынов противления» (Ефес. 5, 2, 6). Аминь».

Сообщил *М. Пазозерский.*

О перлюстрации писем в начале XIX века.

(Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем.)

Данные по вопросу о перлюстрации писем до учреждения III отделения собственной его императорского величества канцелярии (1826 г.) чрезвычайно скудны. На основании беглых литературных замечаний о перлюстрации, можно, в сущности, установить лишь только то, что перлюстрация практиковалась в довольно широких размерах. О степени применения перлюстрации в практике русского правительства можно судить на основании того факта, что еще при Екатерине II многие видные государственные и дипломатические деятели в своих письмах писали о вещах, могущих заинтересовать не столько их адресатов, сколько правительство — так сильна была их уверенность в том, что письма будут вскрыты и прочтены [1]). Сообщая об этом, Брикнер прибавляет, что перлюстрации подвергалась почти исключительно дипломатическая переписка, частная же корреспонденция была избавлена от этого. Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Из книги Я. Л. Барскова «Переписка московских масонов XVIII в.» можно видеть, как много внимания уделяло правительство частной переписке тех людей, которые имели несчастье навлечь на себя подозрение. Московский почт-директор Ив. Бор. Пестель (отец декабриста), занимавший этот пост с 1789 по 1806 г., снимал копии с писем масонов в двух экземплярах. Один из них предназначался для главнокомандующего в Москве кн. Прозоровского, другой же отсылался в Петербург гр. А. А. Безбородке, который сообщал наиболее интересные письма Екатерине II.

Перлюстрация существовала и в последующее царствование — Павла, причем сам он не находил даже нужным особенно скрывать это. В Москве было перехвачено письмо некоего чиновника Приклонского к И. М. Муравьеву совершенно невинного свойства. Однако этим письмом гр. Ф. В. Ростопчин воспользовался для того, чтобы погубить своего врага гр. Ник. Петр. Панина. Он изменил в нем имена, чем придал письму порочащий Панина смысл, и в таком виде показал его Павлу. Когда Павел велел через московского военного губернатора Салтыкова сообщить Панину, что ему известно об этом письме, то Панин стал категорически отрицать свое авторство. Тогда Павел написал Салтыкову письмо, которое начиналось так: «В улику того и тому, о чем и кем дело было, посылаю вам копии с перлустрированных Панина писем, которыми извольте его уличить» [1]).

Не забыта была перлюстрация и в «либеральных проектах» царствования Александра I. Уже в 1805 г. в «секретном наставлении комитету высшей полиции» говорилось: «через сношения с дирекцией почт комитет должен получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках», а в параграфе 3-м положения комитета 13 января 1807 г. («комитета общей безопасности») читаем: «Для получения таковых сведений (о проживающих в столице и вновь приезжающих подозрительных людях, о раз-

[1]) А. Брикнер, «Вскрытие чужих писем при Екатерине II». — «Рус. Стар.» 1873, I.

[1]) Шильдер, «Импер. Павел I». Спб., 1901, стр. 480.

глашаемых слухах, сочинениях и известиях, вредные последствия иметь могущих, и о скопищах и собраниях подозрительных) комитет дает нужные предписания обер-полицеймейстеру и, буде нужно, употребит к тому по своему усмотрению и другие лица. Министр внутренних дел сообщать будет оному известия, через губернатора из губерний получаемые и открываемые по дирекции почт о подозрительных перепискаx» [1]).

К концу царствования Александра, как известно, правительственный шпионаж распространился чрезвычайно широко, и, конечно, перлюстрация занимала видное место в числе способов, с помощью которых правительство узнавало, что говорят и делают в обществе. Сам Александр относился, видимо, к перлюстрации без предубеждения. «Он до конца жизни приказывал подвергать ее [Марии Федоровны] переписку перлюстрации и именно ее письма к племяннику принцу Евгению Виртембергскому»... [2])

Скудные данные о перлюстрации в конце XVIII и начале XIX вв., которыми можно было располагать до сих пор, устанавливая самый факт ее применения, оставляют совершенно в тени целый ряд вопросов, касающихся подробностей перлюстрационного дела.

Печатаемая ниже переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем выясняет отчасти темные стороны перлюстрационного дела, знакомя с некоторыми неизвестными и иногда очень любопытными подробностями его.

Переписка обнимает собою 1813—1817 гг. В это время Козодавлев занимал пост министра внутренних дел. Член Российской академии, широко образованный человек, занимавшийся литературной деятельностью, убежденнейший сторонник протекционизма, много работавший по крестьянскому вопросу (указы о вольных хлебопашцах и об освобождении остзейских крестьян разработаны при его ближайшем участии), деятель народного просвещения (задолго до своего назначения на пост министра он работал в комиссии об учреждении училищ), Козодавлев был одним из заметных представителей прогрессивной части деятелей Александровского царствования.

Полную противоположность умеренно либеральному Козодавлеву являл собою Рунич. Исправляя должность московского почт-директора, он уже и тогда проявлял себя крайним реакционером — некоторые из печатаемых писем Рунича являются красноречивыми показателями его политических взглядов. Но наиболее громкую славу Рунич заслужил на посту попечителя петербургского учебного округа, который он занимал между 1821 и 1826 гг. Его преследования либеральных профессоров, полицейские приемы управления округом, попытки свести дело просвещения к религиозно-нравственным проповедям — все это создало Руничу печальную известность среди современников и потомства. Рунич служил не за страх, а за совесть. Не удовлетворяясь ролью перлюстратора, порученной ему официально его непосредственным начальником — министром внутренних дел, он, видимо, с охотой брал на себя обязанности добровольного осведомителя о разговорах и настроениях в Москве. В письме № 8 Рунич пишет подробное донесение о различных московских фактах и сплетнях, имеющих политический характер. Надо думать, что письмо это было не единственным, и Рунич усердно исполнял свою роль добровольного шпиона.

В то время, к которому относится переписка Козодавлева с Руничем, правительству пришлось особо усилить свою бдительность, так как реакция второй половины царствования Александра вызывала резкое недовольство среди прогрессивной части русского общества.

Одним из наиболее возбуждавших опасения правительства центров, в котором постоянно поддерживались оппо-

[1]) Шильдер, «Импер. Александр I», Спб., 1897, т. II, стр. 362, 363, 365.

[2]) Schiemann, «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I», B. I, S. 56.

зиционные настроения, была Москва, и поэтому к московской общественной жизни в Петербурге присматривались всегда с особым вниманием. В 1808 г. Магницкий писал Александру: «Письма, в Москву отправляемые, и приезжие из Петербурга непрестанно наполняют ее слухами, для правительства вредными. Слухи же сии, невзирая на нелепость их, с жадностью внимаются и распространяются с чрезвычайной быстротой в обширном городе, составленном по большей части из людей праздных или отставных и дворян недовольных и почитающих себя независимыми от правительства потому только, что под благотворной его сенью пользуются достаточными имуществами, которые оно же им охраняет. Из древней столицы сей, куда каждую зиму съезжается со всех концов России богатейшее дворянство, гибельная мода порицать правительство переходит в провинции» [1]).

Правительство придавало всем этим московским настроениям серьезное значение и ожидало от Москвы всяких неприятностей. В ней была учреждена даже особая тайная полиция во главе с бывшим министром юстиции И. И. Дмитриевым, в 1814 г. вышедшим в отставку и поселившимся в Москве. Несмотря на то, что московская фронда носила по существу совершенно несерьезный характер, правительство опасалось ее и постоянно заботилось о том, чтобы быть в курсе всех московских дел. Поэтому-то Козодавлеву приходилось обращать так много внимания на перлюстрацию писем в Москве и собирать всякими иными путями сведения о политических настроениях московского общества.

Оригиналы печатаемых писем находятся в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде и Пушкинском доме Академии Наук. Письма Козодавлева извлечены из его бумаг, хранящихся в Гос. Публ. Библиотеке. От писем Руница к Козодавлеву остались лишь черновые наброски. Они хранятся в Дашковском собрании рукописей в Пушкинском доме. Нижеприводимые письма составляют лишь часть обширной переписки Козодавлева с Руничем. Из нее выбраны только те письма, в которых идет речь о перлюстрации. Из их текста видно, что ими одними далеко не исчерпывается переписка обоих корреспондентов о перлюстрации, но, к сожалению, никаких следов других, на эту же тему написанных, писем в ленинградских книгохранилищах и архивах найти не удалось. Письма печатаются с некоторыми пропусками. Рунич был обычно очень многословен и щедр на изъявления любви, благодарности и преданности. Эти излияния иногда столь обильны и представляют так мало интереса, что в видах экономии места они опущены. По этой же причине из писем Козодавлева опущено все то, что относится к его личным делам и никакой связи с перлюстрацией не имеет.

А. В. Предтеченский.

1. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

[Сентябрь 1813 г.]

М. г. Осип Петрович! Благосклонное и милостивое секретное письмо вашего превосходительства от 12 сентября я имел честь получить... Приемля с чувствами глубочайшей благодарности наставления и замечания, помещенные в письме вашего превосходительства насчет секретной части, не в оправдание ее, а вместе с тем и себя, осмеливаюсь коснуться здесь паки сделанной ошибки, но единственно в той надежде, что, ваше превосходительство, снисхождение, ко мне оказанное, обратить изволите и на саму экспедицию. Занимаясь при перлюстрации лично чтением переписки вместе с секретным экспедитором и наблюдая всемер-

[1]) Дубровин, «Русская жизнь в начале XIX в.» «Рус. Стар.» 1898, XII, стр. 508.

[1]) Пушкинский Дом. На этом письме, так же как и на всех остальных, имеется пометка «Секретно».

но, чтобы что-либо достойное внимания не было пропущено, по неимению чиновников, которым бы полную доверенность в столь важном деле дать было можно, я принужденным нахожусь и самою перепискою занимать экспедитора; а так как петербургские почты приходят ныне против назначенного времени позднее целыми сутками, привыкшая же к обыкновенному получению публика по целому дню ожидает оных на дворе почтамта, то перлюстрация в отвращение всякого подозрения и производится с величайшей поспешностью, которая была главнейшей причиною ошибки, сделанной во время списывания письма секретным экспедитором, принявшим по печати герба А. и самое письмо писанным С. С.

2. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

М. г. мой Дмитрий Павлович! От всего сердца сожалею, что перлюстрация московских писем не удается и что вы мало в московской переписке находите интересного. Я хочу поговорить с вами о сем предмете не официально, но дружески. Выписки, доставляемые вами ко мне всякую почту, без сумнения интересны, я разумею переписку французскую гр. М., надв. сов. К. и г-жи Н., но их переписка перлюстрируется по моему предписанию и открыта при вашем предместнике. Неужели, кроме сей переписки, другой совсем и нет, которая заслуживала бы внимание? Неужели и любезный мой Дмитрий Павлович не может по соображениям своим обратить внимание на чью-нибудь переписку?

Из всех доставленных вами выписок есть самая интереснейшая и полезнейшая из письма арзамасского лекаря. Сею выпискою отвратится зло и сделается добро. Что до политических рассуждений касается, то полезно ведать — как об них у нас, а не в чужих краях рассуждают. Я бы желал, чтобы вы обще с г-м Рушковским [1]) обратили на сие самое строжайшее и деятельнейшее внимание. Не подумайте, чтобы кому-либо могло произойти какое зло: нет, надобно токмо все знать, а, кроме добра, ничего из сего вытти не может. Тайна, и самая непроницаемая тайна, долженствует быть наблюдаема; все таковые выписки у государя предаются огню, а также и у меня, а потому и следов никаких не остается. Разве бы случилось, что нужно такую выписку оставить для справок, что однакож весьма и весьма случается редко, то таковая огню не предается; отпусков никаких не оставляется. Все сие для соблюдения верной тайны и вам делать надлежит... верьте, что я навсегда с совершенным почтением пребываю вашим покорнейшим слугою.

Осип Козодавлев.

В С.-Петербурге 23 сентября 1813 г.

3. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [2]).

1813 г. 29 сентября.

... Вникнув всесовершенно в дела и намерения вашего превосходительства при получении уже первого повеления на счет перлюстрации московской почты, я обратил все внимание мое на сей предмет и продолжая наблюдение за несколькими почтами к ряду и подвергая перлюстрации те письма, которые по надписям и печатям представлялись мне могущими заключать в себе переписку столь же любопытную, какова та, о коей в почтеннейшем письме вашем, м. г., упомянуто и которая при предместнике моем по предписанию вашего превосходительства открыта; но все сделанные опыты оказывались неудовлетворительными.

Проведя большую часть жизни в Москве, имея в ней по связям родства

[1]) Гос. Публ. Библиотека, бумаги Козодавлева. На письме рукою Рунича написано: «Получил 28 сентября 1813 г., ответствовал 29 сентября».

[1]) Помощник Рунича по должности.

[2]) Пушкинский Дом. Копия этого письма имеется в бумагах Шильдера в Гос. Публ. библиотеке.

обширные знакомства, а по немалому кругу, в котором оные обращаться меня заставили, зная и лично, и через других близких мне свойства многих здешних и знатных и частных особ, конечно, удобнее другого мог бы я по соображениям моим обращать и наблюдение мое за московскою перепискою, а через то открыть, может быть, любопытную. Несмотря, однакож, на все сии удобности, при всех усилиях моих успеха в том не было, чему, как благодетелю моему, и осмелюсь представить здесь причины.

Главнейшая из них есть та, что насильственное нынешнее правление Москвою [1]) весьма вероятно, многих сделало осторожными, особенно тех, которые по неведению предполагают, что почтовая часть в Москве в непосредственной от начальствующего оной состоит зависимости. Известные объявления в газетах и изданиях, подобные небылицам в лицах, всеконечно, каждого от всякого рассуждения в письмах удержать могут, и сему перлюстрация многие доставила доказательства; ибо из нескольких десятков перлюстрованных писем ни в одном не найдено ничего другого, кроме семейных дел, или интересных предположений, или расчетов. Другая причина, столь же затрудняющая открытие какого-либо канала и на предыдущей имеющая основание, есть отправление многих писем под одним адресом, что положительно сказать можно делается для того, чтобы скрыть переписку от наблюдения по адресу. В почтамте получается немалое количество огромных пакетов на имена здешних чиновников и служителей от тамошних, в которых замечаются не только иностранные, купеческие и частные письма, но даже и письма от знатных лиц, что, без сумнения, или по недоверчивости к почтовому месту, или с другим каким видом делается. В числе же сих писем находятся такие, которые в себе еще другие вмещают, так что для открытия такового письма нужно снимать несколько оберток и делать слепки со многих печатей, что по кратковременности чрезвычайное представляет затруднение, ибо набираемые здесь в почтовые дни в Петербург письма, прием коих начинается в 2 часа пополудни, в 9 часу уже по установлению должны быть отправлены. Получаемые же из Петербурга, по причине чрезвычайного опаздывания почт, не могут быть долго задерживаемы, как потому что по прибытии почт публика неотступно их требует, и мне для отвращения и тени подозрения само малейшее остается на перлюстрацию время. Так, например, с одной из последних почт не оказавшееся от известной иностранки Ноазель письмо с немалыми затруднениями найдено уже в пакете эка[екутора] п[очтамта] Фетисова в числе других в него вложенных. Почему великое было бы в сем деле облегчение, да и самое зло отвратилось бы, если бы вашему превосходительству благоугодно было приказать за коренное в почтовых местах правило, чтобы пересылка нескольких писем в одном пакете между чиновниками отнюдь не производилась... В управляемом мною почтамте есть некоторые лица, служащие, так сказать, проводным каналом для таковой переписки. На имена их адресуются преогромнейшие пакеты из всех почтовых мест, особенно же из Петербурга, как равно подобные и отсюда туда отправляются. Но сие делается так скрытно, что нет возможности получить во время приема сии пакеты, ибо отправляющие их умеют скрывать сие до самого почти заделывания почт, почему всякое по сему предмету изыскание обнаружит только тайну перлюстрации и людям сим ясно покажет, что уловка их, по существу своему подозрительная и корыстная, а

[1]) После ухода Наполеона из Москвы и возвращения в нее русских власти обратили усиленное внимание на сношения с французами тех, кто оставался в Москве во время пребывания там наполеоновских войск. Начались дознания о лицах, заподозренных в сношениях с неприятелем. Полиция обнаружила большое рвение в поисках виновных, часто арестовывая лиц, совершенно непричастных, и потому москвичи должны были соблюдать крайнюю осторожность.

по последствиям могущая быть предосудительная для почт. деп., открыта. Я беру смелость представить здесь мнение сие, как такое, которое довольно продолжительным служением моим в почт. деп. мне удавалось проверять неоднократно.

Что касается до предварения вашего превосходительства, чтобы я не подумал, что через перлюстрации могло кому-либо произойти зло, то зная довольно и христианские и благороднейшие свойства и правила ваши, м. г., и тень подобного предположения мысли моей коснуться не может...

В заключение сего и обращаясь паки к перлюстрации, долгом почитаю присовокупить, что из всех известных мне в Москве лиц никто, кроме Кр., неудобен доставлять сведения, подлинно замечания достойные. По связям его со всеми знатными здешними домами и лицами, великому обращению в свете и, можно сказать, особой любезности, он имеет средства узнавать и мнения частные и общие слухи, что никто с ним в сем случае поравняться не может. Но несмотря на то, что я не оставлю усугубить всех усилий моих, чтобы открыть подобный сему канал чрез перлюстрацию, я особливо счастливым почту себя, если успех в том соответствовать будет и желаниям вашего превосходительства, и усердному во всех отношениях стремлению моему сделать вам, м. г., угодное и обращать через то на себя благоволение ваше.

4. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

18 ноября 1813 г.

М. г. Осип Петрович! Почтеннейшее предписание вашего превосходительства от 11 числа я имел честь получить с прибывшею вчерашний день почтою и во исполнение оного не премину представлять выписки из тех только писем, которые будут заключать сведения, касающиеся до происшествий в Москве и России, или сведения, почему-либо заслуживающие внимания...

[1]) Пушкинский Дом.

Продолжая более двух месяцев перлюстрацию московской и с.-петербургской почт, несмотря на все трудности, с тем соединенные, я не оставил ни одного средства, которое, по соображению моему, почитал могущим открыть внимания достойный канал, и сказать осмеливаюсь, что подобного наблюдения до вступления моего в управление почтамта не производилось, в чем и могу сослаться на единственного моего по сей части помощника г. Рушковского. Победы, одержанные под Лейпцигом [1]) и по занятии сего города, казалось, оживили было переписку, и я долгом поставил представить упоминаемые в письме вашего превосходительства выписки не потому, что считал известия, в них помещенные, новыми, но по уважению того, как оные были описаны, и посчитал описания сии скрывающими расположение, с каким оные писаны. Приемля ныне за основание изъявленную мне на сей счет волю вашего превосходительства, исполнять буду оную во всей точности...

5. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [2]).

[Ноябрь 1813 г.]

М. г. Осип Петрович! Два собственноручные письма вашего превосходительства от 20 и 24 ноября я имел честь

[1]) После битвы под Лейпцигом (октябрь 1813 г.) можно было считать окончательно обеспеченной независимость Германии. В России многие находили, что после ухода из нее Наполеона нет никакого смысла продолжать войну за дело, русским совершенно чуждое — освобождение Германии, что дальнейшее продолжение войны грозит России большими бедствиями. Лейпцигская битва, стоившая русским около 22 000 выбывших из строя, должна была особенно содействовать оживлению разговоров на эту тему.

[2]) Пушкинский Дом. Дата отсутствует; повидимому, письмо написано в ноябре 1813 г., так как в нем идет речь об устранении того неудобства, на которое указывал Рунич в письме от 29 сентября 1813 года.

получить одно за другим. За первое и приложенное при нем, которое называть изволите полуофициальным и полусекретным, приношу глубочайшую благодарность. Оно не только облегчает мне придирку [?] к устранению известного беспорядка, открывающегося по перлюстрации, но развязывает мне совершенно руки и подает возможность прекратить такое относительно секретной части неудобство, которое скрывать может крайнее злоупотребление. Подношу у сего на помянутое полуофициальное предписание полуофициальное донесение мое, присовокупляя, что я решился немедля сделать по почтамту изъясненные в нем распоряжения, от которых ожидаю наилучшего успеха. Показывать приятельским образом письмо вашего превосходительства ко мне Лук... [1]) я не решился, опасаясь, чтобы он из того не сделал какого-либо замечания, ибо не один он пересылает в своих пакетах и получает многие десятки писем, а также и экспедиторы П. А. Трескин и Харламов и еще другие чиновники; а потому и счел, что общее по сей материи распоряжение коснется как его, так и других, и прекратит с давнего времени укоренившееся злоупотребление, от коего по многим отношениям происходят неисчислимые по службе беспорядки и затруднения. Я приложу всемерное старание к пресечению оных по управляемому мною почтамту, но беру смелость донести, что если злоупотребление сие равномерно и по петербургскому почтамту прекращено не будет, то я останусь в прежнем по секретной части стеснении, ибо некоторые чиновники петербургского почтамта всякую почту присылают на имена здешних, особенно трех вышеупомянутых, преогромные пакеты, в которых . . [2]) подвергаемые перлюстрации письма находились. Если вашему превосходительству благоугодно будет распространить сделанное мною по московскому почтамту распоряжение и на петербургский, тогда отвечать можно будет, что и ропот публики, обращаемый на позднее и неисправное получение писем, прекратится и никакое уже письмо не укроется от надлежащего наблюдения, что ныне скорее случиться может. Я взял смелость со всею подробностью изъяснить в прилагаемом у сего донесении все беспорядки в пересылке писем, через почтовых чиновников происходящие. Все сие предаю главноначальственному усмотрению вашего превосходительства.

[1]) Очевидно, Лукьян Яковлевич Яковлев — экспедитор почтамта (Адрес-календарь на 1813 г., стр. 289).

[2]) Три слова не разобраны.

6. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

21 июня 1815 г.

... По причине нынешних обстоятельств, до политики относящихся [2]), наверное полагать можно, что политические разглагольствия в Москве весьма распространяются, и уездные политики пространное имеют поле распускать умные свои замечания и заключения. Посему прошу вас, любезный мой Дмитрий Павлович, обратить на сие внимание ваше и сверх обыкновенной перлюстрации сообщать мне почасту и московские вести и рассуждения уездной политики, в Москве все умы обуявшей...

7. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

4 января 1816 г.

... Прошу вас убедительнейше обратить самое живейшее внимание ваше на перлюстрацию. Приехавший сюда Б. верно будет писать, а также и другие. Напишите ко мне о иезуитах, что и как у вас о сем говорят, а также и о дру-

[1]) Гос. Публ. Библиотека, бумаги Козодавлева.

[2]) 9 (21) мая 1815 г. (в период «Ста дней») Александр I подписал в Вене манифест «о поднятии оружия против похитителя французского престола всеми державами, хранящими закон благочестия и правды». В этом же манифесте

гих разглагольствиях так, чтобы я мог показать ваше письмо вместе с перлюстрованными. Мое правило есть все подобное доводить до сведения государя. Сверх того, что я ему предан и люблю его от всего сердца, почитаю я для него нужным все знать, что говорят и как рассуждают. Напишите ко мне, что у вас говорят и делают, а я письмо ваше подлинником доставлю...

8. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

[Январь 1816 г.]

... Нелепости московские подобны пожару, которого ни вода, ни все усилия остановить не могут. Что в опровержение их ни доходит сюда, все то не прекращает их, а как будто подогревает. Умолкнут на минуту и потом с новой дерзостью распространяются. В последние дни прошедшей недели нелепости, разглашаемые по городу, по существу своему заслуживают, однако же, некоторого внимания. Например, сказывали мне, будто из Петербурга получены известия о строгостях по военной части и что во дворце на дверях найдены сделанные мелом надписи «1812 год», что гр. Аракчеев для того назначается президентом Гос. Совета и Комитета Министров, что г[осударь] не желает заниматься гражданскими делами, и что гг. министры гр. Аракчееву по всем делам докладывать будут; что министр юстиции не хочет сему подвергнуть себя и потому идет в отставку. К сим слухам можно бы присовокупить и другие, менее значущие, но все они почти к тому клонятся, чтобы обратить неудовольствие и недоверчивость к тому, что в правительстве происходит, а чтобы придать вероподобие в сем случае, то всегда возобновляют прежний припев, что Д. П. Трощинский [1]), который и не останется в службе, на новые введения не согласится. Как будто он из всех государственных людей — мудрейший и один в состоянии управлять всею империей, разумеется, старообрядчески, ибо его почитают непримиримым врагом всего нового. Все сии разглашения, хотя в самом деле и ничтожны, но распространение их порождает суждения; последние бывают иногда так дерзки, что, конечно, заслуживают быть остановлены. К несчастью Александра Петровича Тормосова [2]) при всех добрых качествах своих не довольно имеет силы побуждать строптивых властью своею, а полиция вообще так слаба, что обратила на себя по всем отношениям негодование. Всяко желая прослыть добрым, о том только и думает, как бы снисхождением нажить доброжелателей, а буйные головы, пользуясь тем, забывают всякие пристойности и переходят границы. Здесь, в Москве, в обществах никогда, кажется, не существовало такой ненависти к лицам, в правительстве первые места занимающим, и сие расположение никто не скрывает, видя, что оно не останавливается, ибо нет лица, на счет которого не говорили бы даже публично самых оскорбительных речей. Сия дерзость поставила меня вчерашний вечер в самое неприятное положение в доме тестя моего. Тут нашелся некто Ф. М. Полторацкий, который, ругая все, что только можно, русское, сказал, наконец, что у нас и людей нет, кому бы что поручить можно было, и что вообще Россия в таком варварстве, что это приводит в жалость и что мы должны признавать пред целым миром, что мы всем просвещением, которое имеем, обязаны французам. Таковое, самыми

говорилось о присоединении к России части бывшего герцогства Варшавского. 28 мая (9 июня) состоялось подписание главного акта Венского конгресса. Эти события оживленно обсуждались в России, причем влияние Меттерниха на Александра вызывало особенное неудовольствие.

[1]) Пушкинский Дом. Дата отсутствует; письмо написано, очевидно, в январе 1816 г., так как в нем Рунич рассказывает о впечатлении, произведенном в Москве манифестом 1 января 1816 г.

[1]) Министр юстиции с 1814 по 1817 г.

[2]) Московский главнокомандующий.

наглыми и дерзкими речами на счет русских и государственных лиц подкрепляемое суждение заставило меня забыть всю благопристойность, тем более, что оно объявлено было вслед почти по прочтении, можно сказать, боговдохновенного манифеста, в первый день года последовавшего, и который у многих извлек слезы благодарности к господу и чувства удивления к государю, и в котором именно употреблено выражение на счет Парижа что он есть г н е з д о р а з в р а т а. Я признаюсь, что сказал посему сему офранцуженному малороссиянину такие вещи, которые и генерал-бас, родитель его, пропеть не умел бы и которые подкреплены были всеми при том. Дерзость открывает всегда повод к таким суждениям, а дух Христов, толь обильно излиянный спасителем на помазанника своего и через него изливаемый на подвластных ему подданных, сильно остервеняет дух сатаны, который так укоренился в сердцах космополитов и санкюлотов, философия XVIII в. и для нравов тлетворный Париж [sic!]. Горестно сказать, что немногие радуются о царе своем и о благоденствии, которое правление его обещает, читая последние две пьесы: Акт союзный [1]) и манифест 1816 г. Большая часть не только его находит ничтожным, на проповедь похожим, но даже смешным, и только что с сохранением некоторой благопристойности то объявляют. Вот, почтеннейший благодетель мой, каким духом лучшее общество наше напитано.

Сегодня К. был у меня и спрашивал, правда ли, что тариф все разрешающий [1]) подписан, что сие весь город утверждает. Я показал ему одно число последнего собственноручного письма вашего и сказал, что в сем письме нет о том ни слова, и он заключил, что сие все .... [2]) вздор из большой книги московского вранья. Другой посетитель из сиятельных и украшенных уверял меня, что министерство внутренних дел отошло к министерству полиции и что г. Калинин сделан главным директором почт. Слухи о возвышении и восхождении министра юстиции не вообще, однако же, равную во всех радость производят, ибо здесь стали уже известны некоторые пристрастные его действия, особенно же по делу кн. Белосельской с купцом Стариковым...

Вот, почтеннейший благодетель, что ум мой осужден ежедневно слышать, а сердце, слыша, скорбеть. Не могу того скрыть от вас, как по беспредельной моей к вам любви, так и по чувствам верноподданных .... [2]) государя нашего, к которому преданность ваша сердечная равно мне известна. Остается всеми, принадлежащими к... [2]) молить и просить господа сил и всякие мудрости, чтобы он отца отечества нашего укрепил и осиял ими и дал ему совершить великое дело восстановления государства, которое, быв в продолжении нескольких лет терзаемо внешними врагами, изнуряется не менее того внутренними, у которых отечество — чрево, а побуждения — всякого рода и нравственные и физические сладострастия.

---

[1]) Акт Священного Союза, заключенного осенью 1815 г. и обнародованного в России только 25 декабря этого же года.

[1]) В 1816 г. был издан новый тариф, ослабивший покровительственную систему, введенную в 1811 г.

[2]) Слово не разобрано.

Ответственная редакция: В. Адоратский. Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С предисловием *Б. А. Романова* . . . . . 3— 33

Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 34— 95

«Демократическое» правительство Грузии и английское командование. С предисловием *С. Е. Сеф* . . . . . 96—110

Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.). *А. Л. Попов*. . 111—134

Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). *Ю. М. Стеклов* . . . . . 135—182

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. Сообщил *С. В. Любимов* . . . . . 183—184

Эпизод из истории балканской войны. Сообщил *В. П. Семенников* . 184—188

Солдатское письмо о «9 января» 188

Из истории иностранного капитала в России. Сообщил *Н. С.* . . . . 189—198

Синод в борьбе с революцией. Сообщил *М. Паозерский* . . . . . 198—200

Перлюстрация писем в России в начале XIX в. Сообщил *А. В. Предтеченский* . . . . . 201—209